

4 РУССКАЯ РЕЧЬ 1983

ИЮЛЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АВГУСТ

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>К 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского</i>	
Т. С. Шеханова. «Все, что я сделал, все это ваше...»	3
Л. А. Гладышева. Размаха шага саженьи	10
Л. И. Балахонова. Об одном неологизме Маяковского	14
А. И. Кузьмин. Маяковский и Гоголь	18
<i>К 240-летию со дня рождения Г. Р. Державина</i>	
Л. А. Войнова. Живое слово русской поэзии	23
Е. А. Василевская. Поэтическая система Державина	29
Н. Н. Иванова. «Я люблю свой родной язык» (заметки о языке поэзии Александра Яшина)	35

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. А. Шкатова. У вас деловая встреча	42
В. Ф. Тёрлов. Годы и годá	49

ЧИТАТЕЛЮ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Н. Г. Юсупова. Попугайстый — щеголеватый	53
--	----

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ	113, 134, 141
-------------------------------	---------------

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЯЗЫКОВЕДЫ

Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич (1838—1923)	56
--	----

СРЕДИ КНИГ

Н. И. Формановская. Вы сказали: «Здравствуйте!»	47
В. М. Лейчик. Люди и слова	60
М. М. Копыленко, С. Т. Саина. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения	62

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Н. Г. Михайловская. Душан открывает тайны (о стиле Тимура Пулатова)	64
---	----

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Л. И. Сараскина. «Русская филология» в Индии 70

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Л. И. Скворцов. Исторические словари в языковой культуре народа 73

П. И. Иванов. «...Учи меня прямо говорить на вашем языке» 80

В. А. Стадник. Личные имена в отказных книгах XVII века 84

Р. Х. Ажалиев. Загадочные числа древних рукописей 89

Л. У. Звоинарева. «Частым чтением разумен» 95

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

А. Г. Хроленко. «Через улину серой утией...» 103

О. А. Давыдова. Долгая жизнь сказочной формулы 106

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

С. И. Котков. Медвежий угол 110

О. И. Смирнова. «Семья сыта и прохладна» 114

Е. С. Отин. *А вое, авось и авоськать* 119

В. Г. Демьянов. Сарынь на кичку 123

А. Б. Пеньковский. Полежаев — Сопиков — Храповицкий... 127

И. М. Юрковский. Нападающий и форвард 135

В. С. Филиппов. Капелла, консерватория, филармония 139

В. Д. Иванов. Дирижер 142

ОНОМАСТИКА

А. В. Суперанская. Ваше имя 145

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Литературные герои и... арифметика; Скоро и быстро; Минувшим днем или вчера? Рожки да ножки; Задеться 149

Кроссворд 109

На обложке рисунок Б. Захарова

К 90-летию со дня рождения
В. В. Маяковского

**«ВСЕ,
ЧТО Я СДЕЛАЛ,
ВСЕ ЭТО ВАШЕ...»**

ОЩНЫЙ бас смолкал — и переполненный Политехнический взрывался гулом восторга и улюлюканьем. Гул восторга перекрывал. Улюлюканье сменялось шипеньем и превращалось в записки: «Маяковский, вас не понимает массовый читатель», «Маяковский, для кого вы пишете?», «Маяковский, перестаньте размахивать картонным мечом ваших агиток — вы исписались». А бас в ответ гремел:
Товарищи,

бросим
 замашки торгашьи
— моя, мол, поэзия —
 мой лабаз! —
все, что я сделал,
 все это ваше —
рифмы,
 темы,
 дикция,
 бас!..

В 1927 году Маяковский напишет: «Собрал около 20.000 за-

писок, думаю о книге «Универсальный ответ» (записочникам). Я знаю, о чем думает читающая масса».

Ведь масса —

это

много людей,—

подчеркнет он в том же 1927 году уже в стихах. А люди — это личности. Это товарищи по эпохе. По делам. По мыслям. Это та сила, которая устремлена вперед и своими руками строит будущее. О ней — слова поэта, звучащие как признание, программа, гимн и облетевшие весь мир:

Я счастлив,

что я

этой силы частица...

Наиболее чуткие современники писали о Маяковском так: «Родник сил неиссякаемой энергии» (Луначарский), «Самое жизнеспособное и полнокровное сердце эпохи» (Лавренев), «Поэт-новатор... установивший новую форму поэзии и определивший новый дух ее» (Платонов).

В дни всенародного празднования семидесятилетия со дня рождения поэта П. Антокольский говорил: «Чем мне дорог Маяковский? Легко сказать! Да решительно всем, что он сделал для нашей культуры, нашей поэзии, нашего языка. С той минуты, когда он понял, что «улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать», и нашел средства выражения для ее крика, и вплоть до последнего стиха и последнего смертного часа Маяковский был и остается цветом и краской всей поэзии XX века — мировой, не только нашей. Десятилетия его бессмертия (пока только десятилетия!) ничего у него не отняли, не стерли, не обесцветили.

Маяковский был, Маяковский есть, Маяковский будет».

«...Он ввел в русскую литературу и новый, небывалый сюжет, и новую, небывалую ритмику, и новую, небывалую систему рифмовки, и новый синтаксис, и новый словарь», — продолжал мысль Антокольского К. Чуковский.

И все сходились на том, что после Маяковского стало невозможным писать по-старому. Имя поэта воспринималось как символ революции в стихосложении.

Маяковский осознанно стремился к этому и открыто определял свое творчество как революционное — политически и художественно: «Я лично по двум жанровым картинам проверяю свои стихи:

Если встанут из гробов все поэты, они должны сказать: у нас таких стихов не было, и не знали, и не умели.

Если встанет из гроба прошлое — белые и реставрация, мой стих должны найти и уничтожить за полную для белых вредность».

Нет, поэт не сомневался в том, что в России социализм победил бесповоротно. Но он знал, что за рубежами «страны-подростка» — грозный оскал капитализма. И он, «агитатор, горлан-главарь», боролся против всего, что в его современности и в его будущем может помешать республике творить, выдумывать, пробовать.

Но сила поэта
 не только в этом,
что, вас
 вспоминая,
 в грядущем икнут.

Нет!
И сегодня
 рифмы поэта —
ласка
 и лозунг,
 и штык,
 и кнут.

Поэт-борец продолжает сражаться не только своим творчеством, ставшим славнейшей из страниц истории литературы, но и сегодняшним днем страны, частью этого напряженного дня — литературой.

Мне наплевать
 на бронзы многопудье,
мне наплевать
 на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
 ведь мы свои же люди, —
пускай нам
 общим памятником будет
построенный
 в боях
 социализм.

Постигнув суть революции, Маяковский изменил приходу поэзии, сойдя со сцены на площади, чтобы утвердить искусство там, сделать его самой жизнью. Он вслушался в голос времени — обыденный и торжественный одновре-

менно. Он стал вождем и частицей народа, и поэтому сделал массы участником и зрителем, соратником и слушателем «своего поэтического действия».

Поэзия Маяковского — это поэзия-диалог в противоположность господствовавшему до него в стихах монологу. «Это революция говорила: живо, не размусоливайте, надо не говорить, а выступать, короче, сконденсируйте вашу мысль в лозунг», — писал поэт. Он видит опору стиха в действенном слове, в его слышимости, т. е. в том, что оно должно быть и будет услышано, понято и принято. Для этого необходимо достичь максимально полной речевой выразительности. Поэтому во главу угла Маяковский ставит точность интонации. Именно она, интонация, и влечет за собой и особенности лексики (в сочетании торжественной и бытовой речи с ее свободным обращением к фразеологизмам); и своеобразие синтаксиса с его «помощниками» — столбиком и «лесенкой» (ведь говорить необходимо доходчиво, кратко и убедительно); и самобытность рифм — сдвинутых влево, фиксирующих внимание на самых ударных для Маяковского понятиях.

Открытая поэтом новая интонация приводит к смене всего арсенала поэтических средств. Стих его книг, «как живой с живыми», говорит голосом поэта, слившим в себе интонации, выражения, мысли миллионов людей — современных ему и будущих. Голосом, вобравшим в себя всю аудиторию сегодня, устремленного в завтра, голосом новой поэтической личности, не отделяющей свой внутренний мир от мира грандиозных социальных бурь и потрясений.

Обращаясь к современной поэзии, ощущаешь могучее дыхание Маяковского. Это — поэзия XX века, ставшая таковой благодаря ему. «Я думаю, — отмечает Э. Межелайтис, — что в огромной многонациональной семье советских поэтов не найдется ни одного, кто так или иначе не испытал бы на себе мощного влияния боевого, проникнутого пафосом творчества Маяковского, кто бы не учился у него».

Показательно, что поэты, по внешним стилевым признакам не принадлежащие «школе Маяковского», оценивают его творчество как выдающееся. А. Сурков пишет: «Маяковский входит в историю русской поэзии как крупнейший, после Пушкина и Некрасова, реформатор русского литературного языка. Как и великие предшественники советской поэзии, он «у народа, у языкотворца» черпает новые слова для выражения нового содержания лирики. Не в пример некоторым другим советским поэтам, он, при

всей своей новаторской смелости, не портит литературный язык заумным словотворчеством, не засоряет его жаргонизмами».

Вообще говорить о «школе Маяковского» — так же, пожалуй, нецелесообразно, как говорить о «школе Пушкина». И тот и другой оказали на поэтический язык влияние, не ограничивающее поэзию в определенных рамках приемов и взглядов, а, наоборот, расковывающее. Недаром даже такой поэт, как Заболоцкий, мог органически и свободно ввести интонацию Маяковского в свой традиционно-классический стих:

И мы пойдем в урочища любые,
И, если смерть застигнет у снегов,
Лишь одного просил бы у судьбы я:
Так умереть, как умирал Седов.

Седов

Влияние поэзии Маяковского ощущается в «Середине века» В. Луговского и «Человеке» Э. Межелайтиса, «Полдне века» А. Малышко и в «За далью — даль» А. Твардовского, в «Любаве» Б. Ручьева и «Крови и пепле» Ю. Марцинкявичуса, в «Суде памяти» и «Дали памяти» Е. Исаева, в «Голосе Азии» М. Турсун-Заде, в «Человеке из ладони» П. Севака, в «Братской ГЭС» Е. Евтушенко, в стихах и поэмах А. Вознесенского, в творчестве Р. Рождественского. Но это — старшее и среднее поколение наших поэтов. А советская поэзия последних лет? Теперь, отошедши от увлечения «эстрадностью», может быть, она выработала свои, совершенно отличные от достижений Маяковского, принципы поэтической речи? Но в том-то и дело, что ни достижения Крылова, Пушкина, Некрасова, Блока, ни открытия Маяковского не способны устаревать. Они столь же современны, как современен живой русский язык, поскольку основаны на постижении его законов. Об этом говорят праздники Дней поэзии, собирающие многотысячные аудитории. Тиражи поэтических сборников, исчисляющиеся теперь уже миллионами экземпляров, и все же не удовлетворяющие жажды «самой читающей из стран».

Перелистаем страницы сборника стихов русских советских поэтов «Молодые голоса» 1981 года, который знакомит с наиболее заметными произведениями поэтов, появившимися в печати, главным образом, в последнее десятилетие.

Мы можем увидеть в некоторых стихах неологизмы, столь излюбленные Маяковским за их «необычайность»,

а стало быть — нестертость. Созданы они в лучших традициях, разработанных Маяковским: они понятны, стилистически уместны и — неожиданны.

Племя храбров,
живи и здравствуй!

Войны кончатся.

А пока

Охраняется государством
сердце каждого фронтовика.

В. Левенко.

«Племя храбров, живи и здравствуй!..»

А вот стихи Г. Лысенко с хлесткой рифмой, которая не только «войдет в голову», но и, говоря словами Маяковского, «удержит идею»:

...Но чтоб на взятом рубеже
потело тело под рубахой.
Чтобы не ради тех денег,
что учтены в тарифной сетке,
я лично чувствовал,
как сжат
гигантский мускул пятилетки.

«Нужна работа по душе...»

В стихотворении Валентины Мальми — интонации Маяковского:

Под паровозный клич,
мчавший по лезвиям линий,
здесь выступал Ильич,
здесь выступал Калинин...
Слышу их голоса,
в верности присягая!
Нам ли прятать глаза,
молодость заводская?!
Цеха тяжелый гул
Нас не принизит — где там!
И —

да пребудет труд
самым большим поэтом!

«В каждом — не счесть забот...»

Впрочем, как и в стихах Г. Кружкова, И. Кудрявцева, И. Ляпина. Это те интонации, которые Маяковский услышал во времени и ввел в поэтический оборот и которые

с тех пор «трудятся в поэзии» наравне со множеством других.

Именно этими интонациями, равно как и всем своим творчеством, Маяковский живет и борется. Они — продолжение его стихов и поэм, его все возрастающего во времени бессмертия. Не про это ли его строки:

Я к вам приду
в коммунистическое далекó...

И об этом законе преемственности — в жизни, в деле, в творчестве — еще одно стихотворение В. Мальми:

...Ты знай свою душу.
Ты горю на шею не висни.
Банальные рифмы
и я защищать не берусь,
но все же недаром
Отчизна рифмуется с жизнью,
и с грустью недаром
доныне рифмуется Русь.
На прошлой крови
восходило любое светило,
мы — смертные дети
его незакатных лучей...
А в общем-то каждый
кому-нибудь дышит в затылок —
Державину было,
я думаю,
всех горячей.

«Когда не поверят от сердца идущему слову...»

Да, Маяковский продолжается. И каждый день он начинается снова — первым ли открытием своим для юного читателя, новой ли стихотворной строкой потомка-поэта, героическим ли трудовым подвигом нашего современника, вдохновленного строгими ритмами поэта, «революцией мобилизованного и призванного».

Т. С. ШЕХАНОВА

РАЗМАХА

ШАГИ

САЖЕНЬИ

СТЬ почти в каждой литературе произведения, поэтические образы, которые приобретают значение символа и наименования целой эпохи. Для первых советских пятилеток таким символом стали многие крылатые строки поэта-трибуна Маяков-

ского, Вспомним, как более полувека тому назад поэт сказал в поэме «Хорошо!», славя социалистическое отечество:

Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.

В этих строках, исполненных исторического оптимизма, мы и сейчас слышим победный марш первых пятилеток, овеванной романтикой всенародного трудового подъема, слышим гул ударных строек и голос того поколения, которое возводило Днепрогэс, Магнитогорск, Турксиб... И в то же время в сознании нашего современника они олицетворяют не только индустриальную юность страны, но и ее сегодняшний день, пафос послевоенных пятилеток и созидания развитого социалистического общества. Вот почему они стали источником популярнейшего фразеологического образования — *Размаха шаги саженьи*, — часто встречающегося в современной публицистической речи.

Сила несравненной действенности этой поэтической строки объясняется тем, что глубина и четкость идейного содержания находят в ней совершенное художественное воплощение.

Мысль поэта реализуется прежде всего в яркой, реалистической, запоминающейся метафоре. Основанная на внутреннем, художественно убедительном сближении двух явлений — стремительного темпа развития страны и широкой поступи русского бо-

гатыря,— она создает объемный, зримый образ, живописная природа которого особенно отчетливо выступает на фоне газетного текста.

Главной цели поэта — отразить масштабность и динамизм наших созидательных планов — служит и другой элемент художественной выразительности — свежий, необычный эпитет (*саженьи*), превратившийся в составе фразеологического сочетания из окказионального новообразования в широкоупотребительную единицу языка.

Существует также самая тесная зависимость между содержанием поэтической фразы и своеобразием ее стихотворной структуры. Волевой, энергичный ритм стиха, его бодрая, ликующая музыка, созвучные уверенному поступательному движению страны, точно передают поступь нашего быстротекущего времени.

С целью усиления художественной выразительности поэт мастерски использует звуковые возможности языка. Он выбирает слова не только точные по смыслу, но и соразмерные по своему звучанию авторскому замыслу. Рассматриваемая строка — яркий пример связи содержания и звуковой формы. Главную вокальную партию в ней последовательно ведет неоднократно повторяющийся широкий, открытый гласный *А*, обладающий максимальной звучностью, отчего и голос поэта звучит здесь объемно, свободно и сильно, создавая звуковой образ широкого простора.

Крылатая фраза поэта прочно вошла в язык как один из самых ярких художественных образов, символизирующих громадные масштабы и стремительные темпы созидательного творчества советских людей.

Перерастая в обобщенный публицистический образ, она употребляется не только как словесный памятник эпохи первых пятилеток, но и шире, в соотнесении с темой пятилетних планов последующих десятилетий: «Восемь пятилеток,— говорит поэтесса Людмила Татьяничева,— подобно восьми гигантским лестничным маршам, приблизили нас к звездам не только в переносном, образном, но и в самом точном смысле этого слова... Каждый пятилетний план, а мое поколение помнит их все, вызывал в душе чувство удивления и гордости за свою Отчизну, за свой народ, за «размаха шаги саженьи» (Литературная газета, 1971, 17 февр.).

На страницах газет и журналов можно встретить многочисленные примеры, где названная крылатая фраза образно характеризует размах самых разнообразных отраслей советской индустрии: «Реконструкция, повышение производительности труда, борьба за качество, экономию металла — вот куда сегодня направлены основные усилия многотысячных коллективов тракторостроителей, трубопрокатчиков, металлургов. Во все уголки страны, на все конти-

ненты уходит их продукция. Здесь воочию предстают «шаги саженьи» научно-технической революции» (Литературная газета, 1975, 9 апр.).

Вместе с тем смысл рассматриваемого устойчивого выражения может быть с успехом перенесен на область сельского хозяйства: «Вот уже и впрямь размаха шаги саженьи! — пишет в «Правду» В. Михалев, чабан колхоза «Ленинский путь». — Фраза, ставшая крылатой, хорошо вписывается в сельские характеристики. Мне не надо далеко ходить за примерами. В девятой пятилетке колхоз «Ленинский путь» весомо увеличил среднегодовое производство зерна, подсолнечника, овощей, продукции животноводства. Заметно укрепил экономику» (Правда, 1976, 24 февр.).

Во многих публицистических выступлениях ученых на страницах печати крылатые слова Маяковского убедительно и выразительно характеризуют достижения советской науки: «А этот человек, удивленный саженьим размахом шагов науки и техники, жаждет осмыслить все, что происходит в меняющемся мире, и дать социальный толк чудесам НТР» (Литературная газета, 1973, 28 февр.).

Крылатый лозунг поэта, весь устремленный в будущее, может служить ярким стилистическим средством для эмоционально-выразительной характеристики успехов советской космонавтики: «...Это был первый шаг в космос, и человечество никогда его не забудет. С тех пор советские люди пошли в звездном мире, отмеривая, если говорить словами Маяковского, «шаги саженьи» (Правда, 1970, 3 июля).

Круг определяемых объектов расширяется еще более при перенесении смысла фразы Маяковского на проблемы культурной жизни страны. Так, например, оно может быть употреблено в роли образного определения магистральной темы современной литературы — темы труда: «Словом, живой и действенный интерес к тому, что поэт назвал «шагов наших громадье, размаха шаги саженьи», стал примечательной традицией советской литературы» (Правда, 1982, 1 ноября).

Устойчивая художественная формула, созданная Маяковским, стала излюбленным средством характеристики самого поэта, его личности и творческих принципов: «Маяковский мерил мир самим собою, — говорит поэт Владимир Цыбин. — И эта мера была громадной. Его поэзия любит все большое, звонкое, необычное. Великан мыслит по-великаньи: если у него любовь — то любвища, если шаги — то саженьи, а если закат — то во сто солнц. Океан у него — революции младший брат» (Литературная газета, 1968, 17 июля).

Широкими, поистине саженьими шагами идет Маяковский по советской земле. Свидетельство тому — активное употребление кры-

лательных слов поэта в многочисленных публицистических материалах, которые приходят в центральную прессу со всех концов Советского Союза.

Так, например, латышский поэт Ян Судрабалис употребляет слова Маяковского, говоря о великой дружбе между социалистическими нациями: «Саженьи шаги нашей дружбы теперь мы меряем мирными делами. Разве не прекрасно мирное товарищество строителей трех городов — Минска, Волгограда и Риги!... Зрими нитями мы связаны с далеким Ташкентом и Краснодаром — рабочие этих городов посылают нам компрессоры, Харьков поставляет турбины, криворожцы и магнитогорцы — арматуру и сталь...» (Литературная газета, 1966, 29 марта). А грузинский поэт Григорий Абашидзе славит родную Грузию, ее успехи на широкой дороге обновления и процветания: «И сегодня, когда горделивым взглядом оглядываешь путь, пройденный моей республикой, видишь ее «шаги саженьи», нельзя не вспомнить тот великий вклад, который внесли в эти успехи другие союзные республики, и в первую очередь РСФСР» (Правда, 1977, 11 окт.).

Энергичные темпы развития экономики и культуры в странах социалистического содружества создают основу для еще более широкого употребления формулы Маяковского в применении к международной тематике: «Страны, входящие в состав СЭВ, вырабатывают ныне почти треть продукции, производимой во всем мире, а через десять лет их доля достигнет сорока процентов, хотя они объединяют лишь десятую часть населения планеты. За короткие исторические сроки братские народы прошли путь, на который в иных условиях понадобились бы века. Вспоминается В. Маяковский: „Я планов наших люблю громадьё, размаха шаги саженьи“» (Литературная газета, 1975, 5 ноября).

В связи с расширением контекстов употребления и объема определяемых объектов формула Маяковского не остается неизменной — в условиях современного публицистического текста она подвергается различного рода лексическим изменениям.

Прежде всего следует обратить внимание на разнообразие контекстуально и тематически обусловленных лексических замен одного из компонентов крылатой фразы, тесно связанных с расширением ее познавательной роли (*пятилеток шаги саженьи, новостроек шаги саженьи, спартакиады шаги саженьи*), которые очень часто сопровождаются изменением порядка слов (*шаги саженьи строительства коммунизма, шаги саженьи Страны Советов, шаги саженьи нашего Отечества, шаги саженьи нового трудового наступления, шаги саженьи научно-технической революции, саженьи шаги нашей дружбы*).

Следует отметить также возможность употребления данной фразеологической формулы в двух лексических вариантах: полном (*размаха шаги саженьи*) и усеченном (*шаги саженьи*), причем сокращенный вариант может встречаться с согласованным определением (*русские шаги саженьи, наши шаги саженьи*) и в инверсированном виде (*саженьи шаги*).

Рожденные как художественная формула всенародного трудового энтузиазма, глубоко народные по своему содержанию, крылатые слова Маяковского *размаха шаги саженьи* стали общенародным средством языкового выражения.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

ОБ ОДНОМ НЕОЛОГИЗМЕ МАЯКОВСКОГО

МАЯКОВСКОМУ, говорил М. Горький, в высшей степени было свойственно чувство русского языка. Образование новых слов не было для него самоцелью. В своем словотворчестве Маяковский осознанно и целенаправленно реализует те особенности, функции, потенциальные возможности всех классов слов русского языка, которые позволяют ему наиболее ярко, «весомо», «зримо» выразить свою мысль и свое отношение к изображаемым предметам, событиям, людям, создать наиболее эмоциональный, живой и конкретный образ.

Помните, в поэме Маяковского «Хорошо!»:

В саях

полено везу

...Полено —

тушею,

тверже камня.

Как будто
вспухшее
колено
великанье.

Вхожу
с бревном в обнимку...

Все слова в этих поэтических строках, рисующих трудный быт первого послереволюционного десятилетия, общеизвестны. Между тем одно из них вы не найдете ни в одном из существующих словарей русского языка. Это — прилагательное *великаний*, образованное от существительного *великан* (по модели прилагательных с нулевым суффиксом, типа: бараний, крокодилий, павлиний, пастуший, тараканий, человеческий, шакалий и т. п.).

В словарях XIX—XX веков зафиксирована другая форма относительного прилагательного, образованного от слова *великан* — *великанский* (впервые в Словаре Академии 1806 г.). Прилагательное *великанский* встречается в художественных текстах у Жуковского, Гоголя, Марлинского, Стасова, Леонова, Саянова и других авторов. В словарях XIX века помещено также притяжательное прилагательное от слова *великан* — *великанов*, не получившее, однако, распространения в художественной речи.

Модель, по которой образовано прилагательное *великаний*, характерна для словоупотребления Маяковского. Исследователи языка Маяковского давно обратили внимание на то, что при сравнительно не частом употреблении качественных и относительных прилагательных поэт достаточно широко использует притяжательные формы, образует их от самых различных существительных, в том числе от собственных имен (вместо родительного падежа принадлежности). Кроме того, Маяковский нередко преобразует существующие относительные прилагательные на *-ский* в формы на *-ий*, *-ин*, *-ов*, создает словообразовательные варианты и от других общенародных форм.

Какова художническая цель такого своеобразного употребления прилагательных в творчестве Маяковского?

В прилагательном поэт использует прежде всего ту его функцию, в которой оно реализуется «более конкретно, живо, индивидуально» (А. М. Пешковский) — функцию обозначения принадлежности, материальной связи между людьми и предметами.

Чем отличаются, например, сочетания *заводово брюхо*, *царева кровать* и т. п. от аналогичных с прилагательным на *-ский* (*-ской*) —

заводское брюхо, царская кровать и т. п.? Во-первых, тем, что первому ряду сочетаний свойствен оттенок эмоциональности, экспрессии, характерный для живой разговорной речи. Во-вторых, тем, что в них более конкретно, «зримо», чем в их однокоренных формах на *-ский (-ской)*, представляется отношение между прилагательным и существительным, от которого оно образовано. Заменяя относительное прилагательное собственно притяжательным, поэт тем самым «заменяет общее и абстрактное отношение между основой и суффиксом прилагательного, при котором существительное понимается просто как предмет, конкретным и индивидуальным отношением, при котором исходное существительное представляется как особь, лицо, живой носитель свойства» (Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М., 1938).

В стихах Маяковского предметы и отвлеченные понятия также наделяются свойствами живых существ, и от их названий образуются притяжательные прилагательные. Ср.: «Дрожи, капиталова дворян!» (исходное существительное *капитал*).

В современном русском языке существуют два относительных прилагательных от слова *человек* — *человеческий* и *человечий*. Маяковский, как правило, употребляет *человечий*, то есть то из них, в котором связь с исходным существительным представляется менее абстрактной (синоним его на *-ский* встречается в его стихах очень редко). Прилагательное *человечий* становится у Маяковского одним из выразительнейших слов, наполненных поэтически страстным чувством к человеку (и «человекам») — болью за него, горечью, гордостью и т. п.

Ср.: «...а с запада падает красный снег сочными клочьями человеческого мяса» (Война объявлена); «...Настоящий, мудрый, человечий ленинский огромный лоб» (Владимир Ильич Ленин).

Соотношение прилагательных *великанский* и *великаний* подобно соотношению пары *человеческий* — *человечий*: при их синонимичности во втором слове связь между исходным существительным и прилагательным более непосредственна (ср.: *великаний* — *такой, как у великана*).

Конечно, установить создателя того или иного новообразования, ставшего общеупотребительным словом, удастся только в исключительных случаях. Ошибки и неточности возникают нередко и при выяснении автора, первым использовавшим в своем произведении то или иное слово, и вообще при определении времени его появления. Ведь прежде, чем слово употребил какой-либо автор (а может быть, и несколько авторов независимо друг от друга), прежде, чем оно оказалось зафиксированным в каком-нибудь письменном источнике, оно могло длительное время существовать в устной речи (общеобиходной, диалектной, специальной и т. д.).

Не исключено, что и прилагательное *великаний* до Маяковского произвольно возникало в стихийной речевой практике, поскольку оно образовано по существующей в русском языке модели, но именно после Маяковского слово вошло в оборот языка художественной литературы.

Прилагательное *великаний* употребляет не только Маяковский. Мы встречаем его у А. Н. Толстого, Пришвина, Караваевой, Леонова, Саянова, Г. Маркова, Березко и др. В картотеке цитат из классической и советской литературы Словарного сектора Института языкознания АН СССР, являющейся базой для создания словарей, имеется около двадцати цитат со словом *великаний* из прозы и поэзии, журнальных и газетных статей. Вот некоторые из них: «Русский — великаньего роста стоял... посреди бреша» (А. Н. Толстой. Петр I); «По обеим сторонам дороги великаньими шапками лежали кочки» (Перегудов. Солнечный клад); «Он наткнулся на грудку брёвен, высокую, широкую, как великанья лады» (Караева. Лесозавод); «В стихах положительный герой часто появляется снабженный великаньей силой» (Н. Тихонов. О ленинградских поэтах); «Будь у дуба сердце великанье...» (Татьяничева. «Будь у дуба...»).

Что объединяет все имеющиеся в Словарной картотеке цитаты со словом *великаний*? Во-первых, то, что они взяты из произведений советской литературы, во-вторых, то, что эти произведения написаны уже после появления поэмы «Хорошо!», т. е. их авторы употребили слово *великаний* вслед за Маяковским. Это обстоятельство, наряду с тем фактом, что данное слово не зафиксировано ни одним словарем не только прошлого, но и настоящего времени, дает основание считать, что оно является индивидуально-авторским неологизмом Маяковского, закрепившимся после создания его знаменитой поэмы в общерусской художественной речи.

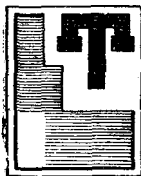
Как сложатся отношения вариантной пары *великанский — великаний* в дальнейшем, который из вариантов окажется продуктивнее — покажет время. Сейчас же на основании широкого употребления слова *великаний* в современных источниках оно включено в состав словника, подготовляемого в настоящее время в Институте языкознания АН СССР, второго издания (дополненного и исправленного) 17-томного словаря современного русского языка и, тем самым, впервые кодифицировано в качестве полноправной лексической единицы русского литературного языка.

Л. И. БАЛАХОНОВА
Ленинград

МАЯКОВСКИЙ

и

ГОГОЛЬ

ВОРЧЕСТВО В. В. Маяковского рождено революцией. В первые годы Советской власти особенно остро стоял вопрос о создании новой культуры, об отношении к культурному наследию прошлого. Маяковский шел новыми, непроторенными путями, требовал,

чтобы искусство было рупором современности. Но в своей творческой практике поэт опирался на художественное наследие. Его поэтические образы убеждают в том, что он хорошо знал и любил русскую и западно-европейскую литературу, широко пользовался фольклором. Маяковскому были близки образы и мысли русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Л. Толстого, особенно Гоголя, который доводил все до «высшей степени», «до верха смешного», «нечеловеческого».

«Для Гоголя,— писал В. Брюсов,— нет ничего среднего, обыкновенного,— он знает только безмерное и бесконечное. Если он рисует картину природы, то не может не утверждать, что перед нами что-то исключительное, божественное: если красавицу,— то непременно небывалую; если мужество,— то неслыханное, превосходящее все примеры; если чудовище,— то самое чудовищное из всех рождавшихся в воображении человека; если ничтожество и пошлость,— то крайние, предельные, не имеющие себе подобных» (Брюсов В. Испепеленный. М., 1910). Отсюда и мир в его произведениях изображен динамичным, взвихренным, вещи в нем сдвинуты фантастическим воображением писателя с привычных мест, преобразены. Изображение сатирического, эксцентрического, необычного — характерная черта и творчества Маяковского. Он развил гоголевский гиперболизм и эмоциональную напряженность речи, разработал новую систему ритма. Он действительно сумел «Мир огромирть мощью голоса».

Гоголь сатирически высмеивал окружающий его мир, основанный на частной собственности. Маяковский выступил как человек, доведенный этим миром до последней степени негодования. Эта по-

зация обусловила гигантский размах его лирики от глубокой интимности до предельного пафоса.

Гоголь, сознавая свою ответственность перед страной и народом, писал «о непостижимой связи» между ним и Русью, которая обратила на него «полные ожидания очи», о его решимости отдать свои силы «на пользу отечества, для счастья граждан...». Маяковский выразил в поэзии свою ответственность за судьбы всех угнетенных и обездоленных, за которых он готов отдать «душу за клочком клочка».

*

В новых исторических условиях Маяковский начал борьбу с остатками тех социальных типов и явлений, против которых выступал Гоголь: властителей канцелярий, бюрократов и чиновников. Бюрократы в произведениях Маяковского являются наследниками персонажей Гоголя. В стихотворении «Прозаседавшиеся», высоко оцененном В. И. Лениным, Маяковский призывал к их уничтожению. «Мы всех зовем, // чтоб в лоб, // а не пятысь. // Критика // дрянь // косила» (Столп). В «Бумажных ужасах» Маяковский создал гротескный образ косного, неподвижного бюрократизма.

Гоголь не обошел темы народной борьбы с бесправием. В «Мертвых душах» он рассказал о бунте в сельце Вшивая спесь и Боровки, Задирайлово тож. В поэме «150 000 000» Маяковский призывал: — «Жарь, // жги, // режь, // рушь». Поэт выступил против власти денег, которые приносят страдания не отдельному человеку, как это показано в «Вечере накануне Ивана Купала», а всему человечеству. В этой поэме Маяковский прибегнул к гоголевским образам. «Хлестаковскую» гиперболизацию он использовал при описании Америки:

В Чикаго

у каждого жителя

не менее генеральского чин.

Решетка на Рояль-стрит: «Верст на сотни, а может на тыщи»; лестница такая длинная: чтобы пройти ее всю, нужна целая жизнь; во дворце Вильсона триста комнат, лакеев же и курьеров так много, что «дух займет у щенка-Хлестакова». Для изображения капиталистов и их прислужников Маяковский по-гоголевски и щедрински использовал образы животных. Вспомним, что Собакевича Гоголь сравнивал с медведем, Коробочку — с птицей, Ноздрева — с собакой и т. п. В поэме «150 000 000» Вудро Вильсон, если «посмотришь в ширь — иоркширом иоркшир». Пуанкаре похож на крысу и на бульдога. О вожде итальянских фашистов Муссолини спра-

пивают: «А почему он не в зверинце, не за решеткой, не в клетке?» (Маяковская галерея).

Маяковскому, как и всей советской сатире, присущ исторический оптимизм, уверенность, что недостатки будут искоренены. В произведениях поэта не очень часто встречаются положительные образы, но, представляя читателю отрицательных персонажей, Маяковский тем самым утверждал положительное.

Художественные образы некоторых произведений Маяковского представляют собой переключку с подобными образами Гоголя. В поэме «Про это» вторая глава названа «Ночь под рождество». Это близко к гоголевскому «Ночь перед рождеством». Как и в других своих произведениях Маяковский по-гоголевски смешивает в ней фантастическое и реальное. Один из персонажей поэмы, подобно кузнецу Вакуле, летает над землей.

Маяковский прибегает к мотиву «дороги», развивая гоголевские поэтические образы. В «Невском проспекте» Гоголь писал: «Тротуар несут... кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке...». У Маяковского дороги не только движутся, но и говорят, шагают фонарные столбы. «Слушайте, что говорят дороги, // Что говорят?». Дорогам надоело «спать», «плестись за колодниками». Поэту важно передать динамику событий, конкретное описание явления он заменяет обобщенным его изображением через движение:

Я знаю силу слов, Я знаю слов набат,
Они не те, которым рукоплещут логи.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.

(Из неоконченного)

Писатель В. Катаев правильно подметил, что эти «срывающиеся гроба» — «могучая реминисценция из „Вия“».

Маяковский широко применял комическое. Для этого он пользовался среди прочих приемом гиперболы. Вспомним, в «Тарасе Бульбе» Гоголя шаровары у казаков были шириною с Черное море. У Маяковского же брюки товарища Скрипкина из «Клопа» «должны быть полной чашей»; «обыватели нормалис» носили галифе, похожие на шатры, в которых они отдыхали и благодумствовали.

Комического эффекта достигал Маяковский гоголевским контрастом внешней представительности и духовного убожества, высоких претензий и низменной сущности человека. Одним из главных признаков отрицательных персонажей Маяковского является их невежественность — отсутствие культуры. Герой драмы «Баня» Победоносиков спрашивает о Микеланджело: «Анжелов, армянин?..

фашист?». Победоносиков обнаруживает полное незнание русской литературы, однако, это не мешает амбициозности его суждений: «...Александр Семенович Пушкин,— говорит Победоносиков,— непревзойденный автор как оперы „Евгений Онегин“, так и пьесы того же названия...»

Как и гоголевские герои, Победоносиков умеет «держаться нос по ветру»: изменилась конъюнктура, и он меняет свои взгляды. В новых исторических условиях он уже не отрицает культуру, а призывает: «Назад к классикам! Учитесь у величайших гениев проклятого прошлого».

Подобным образом рассуждал и герой «Бани» Иван Иванович, который хвастал, что «осматривал дом, где жил Антидюринг», видел спектакли «Вишневую квадратуру» (вместо «Вишневый сад» и «Квадратура круга»), «Дядя Турбиных» (вместо «Дядя Ваня» и «Дни Турбиных»); присутствовал на постановке балета «Красный мак» и видел, как «танцуют разные эльфы и ...сифилиды», хотя известно, что в этом советском балете нет никаких эльфов и сифлидов.

Подобно гоголевским дамам-обитательницам города «N», излагает свои мысли на чудовищной смеси русского и «французского» языков героиня «Клопа» Эльзевира Давидовна Ренесанс: — «Ах это так шарман, ах, это просто петит истуар».

Стихотворение «Плюшкин. Послеоктябрьский скопидом обстраивает стол и дом», направленное против обывателей, которые запасались различными товарами на случай войны, поэт заканчивал признанием того, что революция ничему не научила «Плюшкиных»: «Взлетала // о двух революциях весть. // Бурлили бури. Плюхали плюшки. // А ты, // как был, // такой и есть // ручною выпой // копошащийся Плюшкин».

Примером острейшей сатиры Маяковский считал комедию Гоголя «Ревизор». По аналогии с Добчинским и Бобчинским из «Ревизора» им названы персонажи комедии «Клоп»: Присыпкин и Скрипкин; «Бани» — Фоскин, Двойкин, Тройкин. Фамилии гоголевских героев напоминают и другие действующие лица: «главначупус» Победоносиков, бухгалтер Ерыкалов, «самородок, из домовладельцев» Баян — он же Бочкин. В отличие от некоторых современных Маяковскому писателей-сатириков, у которых не получили яркого художественного воплощения положительные образы, в «Бане» представлены фигуры энтузиаста-изобретателя машины времени Чудакова, поглощенного идеей приблизить «коммунистический век», политически грамотного, сметливого комсомольца Велосипедкина, захваченного этой идеей и оказавшего Чудакову помощь.

Классики XIX века с большой любовью относились к слову, осуществляя связь языка литературы и языка народа. Маяковский разработал новый поэтический словарь.

О титанической работе, которую проводил Маяковский над поэтическим словом, сказано в стихотворении «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926): «Поэзия — // та же добыча радия. // В грамм добыча, // в год труды. // Изводишь // единого слова ради, // тысячи тонн // словесной руды...». Он сделал поэтическое слово острейшим средством оценки явлений общественной жизни.

Лексика произведений Маяковского необычайно широка, она включает в себя живую речь с ее бытовыми и профессиональными словами. В ней имеются слова «высокой» поэзии и разговорные: «Уличные толпы к небесной влаге // припали горящими устами, // а город, вытрепав ручки-флаги, // молится и молится красными крестами...» (Я и Наполеон). Его поэзии присущи увеличительные и уменьшительные формы слов: *хлебище, мыслишки, лбенки, глазенки*; использование префиксов, которые усиливают экспрессию и действенность глаголов, например, *изиздеваюсь, изидинамитить*. Поэт создал новые слова, отыскивая для этого возможности в живущих в языке корнях, суффиксах и флексиях. Так, для достижения новых смысловых оттенков он часто изменяет суффиксы: *дуб, дубочек, дубье*; создает новые слова: *чай, чаишко, лбы, лбищи, лбенки, громадьё, бородьё; звонконогие, непроходимолесый, многолюдье; сеятьба*. Введенные в употребление Маяковским новые слова в ряде случаев созданы по гоголевскому принципу.

*

Маяковского с Гоголем роднит и устремленность в будущее. Гоголь писал: «Вы знаете, я ведь состою из будущего, в настоящем же я есть нуль». В поэме «Хорошо!» Маяковский воспевал Советскую страну, призывал смотреть в светлое будущее:

Отечество
Слаблю, которое есть,
но трижды —
которое будет.

Исследование традиций классической литературы в творчестве советских писателей способствует более глубокому его пониманию.

А. И. КУЗЬМИН

К 240-летию со дня рождения Г. Р. Державина

ЖИВОЕ СЛОВО РУССКОЙ ПОЭЗИИ

О школьных лет мы привычно называем Гаврилу Романовича Державина в числе самых выдающихся поэтов XVIII века, — таких, как Ломоносов, Сумароков и другие. Но много ли мы знаем сейчас о его жизни и творчестве? Конечно, каждый расскажет о том, как на лицейском экзамене, где юный Пушкин читал свои стихи, «старик Державин» его заметил «и, в гроб сходя, благословил»,

или вспомнит о знаменитой оде «Фелица», посвященной Екатерине II. Но, вероятно, не все знают о том, что «Памятник» Пушкина, имеющий в своей основе оду Горация, ближе всего стоит к переложению Державина: «Всяк будет помнитъ то в народах не-исчетных, Как из безвестности я тем известен стал, Что первый я дерзнул в забавном русском слоге О добродетелях Фелицы возгласить, В сердечной простоте беседовать о бoге И истину царям с улыбкой говорить». Мало кто знает и о том, что крылатое выражение «И дым отечества нам сладок и приятен», всем известное по «Горю от ума» Грибоедова, встречается уже в стихотворении Державина «Арфа» («Мила нам добра весть о нашей стороне: Отечества и дым нам сладок и приятен»), что песенка Томского в «Пиковой даме» («Если б милые девицы Так могли летать, как

птицы...)» написана Чайковским на стихи Державина «Шуточное желание» и т. д.

Однако все эти отрывочные сведения недостаточны для того, чтобы ясно представить себе, какова роль Державина в развитии русской литературы. Между тем именно о нем без преувеличения можно сказать, что его место в истории русской литературы определяется в первую очередь особенностями его языка и стиля.

Г. Р. Державин родился в 1743 году под Казанью в бедной мелкопоместной семье и получил скудное образование, обучаясь сперва у случайных полуграмотных наставников, а потом в Казанской гимназии. С 1762 года началась его долгая, богатая переменами, взлетами и падениями служба. Рядовой Преображенского полка, офицер, участвовавший в подавлении Пугачевского восстания, Олонецкий, а затем Тамбовский губернатор, статс-секретарь при Екатерине II, государственный казначей при Павле, министр юстиции при Александре I — такова прямая его военной и чиновничьей карьеры, а между этими назначениями — выговоры, отстранения от дел, отдача под суд, гнев и раздражение царствующих особ за неуживчивый, излишне прямой и принципиальный характер.

Первые литературные опыты Державина относятся уже к 60-м годам, когда он «марал стихи без всяких правил», как он сам выразился в своих записках. Тогда же он пользовался любым случаем для пополнения своего образования, «стараясь научиться стихотворству из книги о поэзии, сочиненной г. Тредиаковским, и из прочих авторов, как-то: гг. Ломоносова и Сумарокова». Результатом явился его первый сборник торжественных од в стихах и прозе, вышедший в свет в 1776 году. Сборник носит явные следы ученического подражания прославленным одописцам того времени, что особенно заметно в нарочитой, но часто неумелой славянизации речи, в тяжеловесных синтаксических конструкциях, затемняющих смысл высказывания, в нагромождении высокопарных, напыщенных сравнений и метафор.

К счастью, Державин скоро понял причины своей неудачи и сделал из этого правильные выводы, избрав «совсем особый путь».

Оставаясь поэтом своей эпохи и учеником Ломоносова и Сумарокова, Державин отнюдь не отказался от основных требований ломоносовской теории трех стилей, но в его поэзии эта теория претерпела такие существенные изменения, что они фактически «взорвали» ее изнутри. Это выразилось в том, что, с одной стороны, целый ряд тем и предметов, традиционно считавшихся высокими (и следовательно, требовавшими соответствующего стиля изложения), он зачастую разрабатывает в виде легкой шутки, жанровой картинки, поэтической аллегии, сказки или былины «в народном духе». Часто использовал поэт при этом разговорную, фольк-

лорную и даже просторечную лексику и фразеологию, шутливо-разговорную интонацию. С другой стороны, обращаясь к тем же темам и предметам с целью выразить свое личное отношение к изображаемому, передать принципиально важные для него мысли и идеи, он свободно переходит, даже в пределах одного произведения, к возвышенному стилю изложения, насыщает свою речь книжными элементами языка, подбирает «высокие» образы и поэтические средства.

Так, в 1777 году Державин написал традиционную хвалебную оду «в ломоносовском вкусе» по случаю рождения будущего императора Александра I; но в 1779 году, уничтожив ее, он создает «Стихи на рождение в севере порфирородного отрока», в которых разрабатывает ту же тему в совершенно новой, необычной для нее форме. Аллегорически связывая рождение младенца с приходом весны, он рисует реальную картину русской зимы, в которую вводит мифологические существа: Борей изображается «лихим стариком», который «Сыпал иinei пушисты И метели воздымал», отчего «Убегали звери в норы, Рыбы крылись в глубинах, Петь не смели птичек хоры, Пчелы прятались в дуплах; Засыпали Нимфы с скуки Средь пещер и камышей; Согревать Сатиры руки Собирались вокруг огней». Появление на свет царственного младенца описывается в духе волшебных сказок: «Родился — и в ту минуту Перестал реветь Борей; Ондохнул — и зиму люту Удалил Зефир с полей; Он возрел — и солнце красно Обратилось к весне...».

Даже обычное для хвалебных од перечисление добродетелей и достоинств будущего монарха тоже подается в форме, характерной для сказок: «Гении к нему слетели В светлом облаке с небес; Каждый Гений к колыбели Дар рожденному принес: ...Тот принес ему телесну, Тот душевну красоту; Прозорливость тот небесну, Разум, духа высоту...» Но вот последний Гений приносит новорожденному самый главный и важный, с точки зрения поэта, дар — «Будь страстей твоих владетель! Будь на троне человек!» — и значительность этой мысли уже не вмещается в рамки легкой шутливой сказки. Державин теперь переходит к возвышенно-торжественному тону, насыщая свою речь восторженными восклицаниями и типично книжной лексикой и фразеологией: «Се божественный, — вещали, — Дар младенцу он избрал! Дар, всему полезный миру! Дар, добротам всем венец! Кто приемлет с ним порфиру, Будет поданным отец!»

Все здесь было необычно для произведения подобной тематики того времени: размер стиха, безыскусность речи, короткие ясные фразы, скупость в подборе поэтических средств, приметы реальной жизни, фольклорные приемы изображения, а главное — соединение в одном стихотворении элементов разговорного и книж-

ного, народно-поэтического и возвышенно-славянского, шутивого и торжественного... Недаром сам Державин считал именно 1779 год переломным этапом в своем творчестве.

Характер изменений лексико-стилистических средств языка и всего строя авторской речи, зависящих от различных целей поэта при разработке им одной и той же темы, можно наглядно увидеть на примере произведений, где даны образы придворных вельмож. Так, уже в оде «Фелица» большое место занимает ироническое изображение привычек и времяпрепровождения вельмож, окружающих Екатерину II, причем изображение настолько точное и правдивое, что все придворные без труда узнавали в «мурзах» Г. А. Потемкина, А. Г. Орлова и других: «А я, проспавши до полудни, Курю табак и кофе пью...; То вдруг, прельщаяся нарядом, Скачу к портному по кафтан...; Или, о всех делах заботу Оставя, езжу на охоту И забавляюсь лаем псов...». Здесь нет ни качественных оценок, ни обличительных тирад. Насмешливая и как будто шутивая характеристика облика ближайших помощников императрицы достигается предельно лаконичным перечислением занятий и забот их повседневной жизни. Этому соответствует конкретно бытовая лексика, очень ограниченное количество таких же конкретных определений («в пиру я пребогатом», «на бархатном диване лежа», «в карете английской, златой»), глаголы, обозначающие реальные действия.

Зато в стихотворении «Решемыслу», написанном как восхваление Потемкина, преобладают определительные предложения, в которых перечисляются качества «идеального», с точки зрения Державина, вельможи: «Закону божью послушен, Чувствителен, великодушен, Не горд, не подл и не труслив; Глубок и быстр и тих и сметлив, При всей он важности приветлив, При всей он скромности шутив...» При помощи глаголов не столько перечисляются конкретные дела героя, сколько дается общая оценка его достоинств: «Отечеству он верно служит, Монаршу волю свято чтит...; Не ищет почестей лукавством, Мздоимным не прельщен богатством...» Понятно, что такая «оценочная» направленность стихотворения обусловила преобладание в нем отвлеченной лексики и книжной фразеологии; однако и здесь мы как будто слышим живую речь поэта благодаря использованию им и народно-разговорных выражений, и бытовой лексики, и чрезвычайно выразительных в своей конкретности образов,— ср.: «Иной ползет, как черепаха, Другому мил топор и плаха; А он парит, как бы орел»; «Он в сердце злобы не имел И даже мухи не обидит» и т. п.

В противоположность этому ода «На счастье» может служить образцом остро сатирического изображения правых «сильных мира сего», и здесь Державин смело употребляет разговорные и просто-

речные слова и выражения, вплоть до самых грубых: «...я всех мимо по паркету Бегу, нос вздернув, к кабинету И в грош не ставлю никого»; «Бояре понадули пузы, И я у всех стал виноват»; «...вельможи И так и сяк, нахмура рожи, Тузят иного иногда».

В то же время ода «Вельможа» представляет собою взволнованное изложение личного отношения Державина к вопросам о долге и назначении дворянства, о тех его качествах, которые должны его украшать и проявляться в его деятельности; вместе с тем это гневное обличение тех пороков знатных вельмож, с которыми он сталкивался в своей жизни. Со всем этим связаны языково-стилистические особенности произведения: насыщенность правоучительными изречениями, выражающими мысль автора: «Вельможу должны составлять Ум здравый, сердце просвещенно...»; «Блажен народ, где царь главой, Вельможи — здоровы члены тела»; обилие книжных сравнений и метафор: «Калигула! твой конь в сенате Не мог сиять, сияя в злате: Сияют добрые дела»; «А ты, второй Сардапал! К чему стремишь всех мыслей беги?»; риторические вопросы и восклицания, абстрактно-отвлеченная лексика и стилистические славянизмы, передающие чувства поэта и наполняющие произведение подлинным пафосом: «Се образ ложный молвы, Се глыба грязи позлащенной! И вы, без благости душевной, Не все ль, вельможи, таковы?»; «Что наше благородство, честь, Как не изящности душевны?». И тут же — нарисованные при помощи конкретно бытовой лексики живые картины разительного контраста между роскошью, окружающей вельмож, и образами бедных просителей, ожидающих их пробуждения: «Там розы средь зимы цветут...; А там — вдова стоит в сенях И горьки слезы проливает, С грудным младенцем на руках Покрова твоего желает...»

Творческое наследие Державина огромно; большое место занимают в нем торжественные оды. Но даже в этих, традиционных по жанру произведениях, с их устоявшимися формами построения и выражения, с обычными для них дидактическими длиннотами и риторической напыщенностью, проявляются яркие индивидуальные особенности поэта, благодаря которым его поэзию не спутать ни с какой другой. Это стремительное чередование кратких вопросов и ответов: «Что жизнь? — Жизнь смерти тленно семя»; «Так что ж осталось? — страдать» (Успокоенное неверие); «Ты мертв! — и все прошло? — Нет, жив!» (На смерть Нарышкина); нагнетание исполненных экспрессии восклицаний и вопросов: «Не внемлют! видят и не знают! Покрыты мздою очеса» (Властителям и судиям); «Какая в войсках храбрость рьяна! Какой великий дух в вождах!» (На взятие Измаила); «Где слава? где великолепье? Где ты, о сильный человек?» (Водопад — на смерть Потемкина); многочисленные антитезы: «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю,

Я царь — я раб, я червь — я бог!» (Бог); «Там всюду ужас, стон и крики; Здесь всюду радость, плеск и лики; Там смерть, болезнь; здесь жизнь, любовь» (На шведский мир); повторы отдельных слов, оборотов речи, зачинов фразы: «И вы подобно так падете, Как с древ увядший лист падет: И вы подобно так умрете, Как ваш последний раб умрет!» (Властителям и судиям); «Я пред тобой (богом.— Л. В.) — ничто. Ничто! — Но ты во мне сияешь Величием твоих доброт... Ничто! — Но жизнь я ощущаю...» (Бог) и т. п.

Выразительности и красочности поэтической речи Державина способствует чрезвычайное богатство и разнообразие используемых им стилистических средств языка — метафор, метонимий, сравнений, олицетворений, гипербол и др.

С конца 90-х годов Державин все чаще обращается к «легкой», интимно-лирической и весело-шутливой поэзии. Это любовные и застольные песни, обращения к друзьям и «к самому себе», посвящения красавицам и шуточные побасенки, стихи, воспевающие красоту природы, и стихотворения на античные темы. Значительную роль в этом сыграло общее увлечение русской поэзии XVIII века мотивами древнеримского поэта Горация — певца умеренности, тихих сельских радостей и безмятежной жизни в кругу семьи, и древнегреческого лирика Анакреонта, воспевавшего вино, любовь и веселье.

В предисловии к своим «Анакреонтическим песням» (1804 г.) поэт писал: «По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований». И действительно, эти небольшие по размеру и написанные ямбом стихи пленяют чрезвычайной выразительностью, образностью и красочностью языка и стиля в сочетании с легкостью, грациозностью и изяществом формы. Именно здесь Державин широко использует традиционно поэтическую лексику, слова, «приятные» по своему содержанию, уменьшительно-ласкательные формы. Ср.: «Сядь, милый гость, здесь на пуховом Диване мягком, отдохни» (Гостю); «Пеночка! как ты проснешься, Вспрянешь, взглянешь, вострепнешься, Носик, шейку оботрешь: Про кого ты запоешь?... Пой, создание любезно, Как взаимно страстью нежно Млеет сердце, чувства, кровь, Как сладка, сладка любовь» (Пеночка). В этот слой лексики органично влетаются фольклорные элементы: «Розы ль огнисты В алых устах, Сахар ли белый Грудь у нея?» (Пчелка); «Брови соболины, Полный искр соколий взгляд» (Русские девушки); «Вечор мне красные девицы Мешок пшеницы принесли: Ведь расклюют же даром птицы; Возьми, старинушка, смели» (Мельник) и т. п. Державин впервые смело включает сюда народно-разговорные и просторечные слова и выражения, что придает его произведениям неповторимый нацио-

нально-русский колорит и индивидуально-авторское своеобразие, например: «Ах! нашла коса на камень: Знать, любить не может Крез» (Крезов Эрот); «Я... горяч и в правде чорт» (К самому себе); «Хвать в колчан... ан стрел уж пегу: Лук опущен; стал я в пень» (Стрелок). Это особенно характерно для «горацианских» стихотворений поэта, рисующих картины сельской жизни и до сих пор считающихся непревзойденными образцами художественного изображения реального быта дворянской усадьбы XVIII века. Например: «Горшок горячих, добрых щей, Копченый окорок под дымом»; «Там зайца гонит, травит псами, Здесь ловит волка в тенета» (Похвала сельской жизни).

Так, в поэзии Державина впервые широким потоком хлынула в литературный язык речевая стихия русского народа и свободно зазвучала живая, ярко индивидуальная речь автора, благодаря чему его творчество не только является важным этапом в развитии русской литературы, но и до сих пор способно восхищать внимательного читателя.

Л. А. ВОЙНОВА
Ленинград

ПОЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДЕРЖАВИНА

ТВОРЧЕСТВО Державина многолико: образы людей — монархов, полководцев, простых солдат, крестьян, друзей поэта, государственных деятелей — сменяются красочными изображениями водопадов, птиц и животных, например, в лучших лирических стихотворениях: «Павлин», «Ласточка», «Снегирь».

Наибольшую славу Державину принесла его ода «Фелица», вызвавшая благоволение императрицы Екатерины II, приславшей ему золотую табакерку, наполненную червонцами, в знак своего расположения. Образ идеальной монархини, какой представлялась Державину Екатерина II, звучит так:

«Богородица царевна... Которой мудрость несравненна». Поэт доходит до гиперболы, изображая императрицу:

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицемерья наслажусь!

Новаторство Державина заключается в том, что он изображает Екатерину II не только государыней, но и простым человеком. «Мурзам твоим не подражая, Почасту ходишь ты пешком, И пища самая простая бывает за твоим столом».

Впервые в эту оду были включены бытовые картины, просторечные и простонародные слова и фразеологизмы. Так, рисуя свое времяпрепровождение с женой, Державин писал: «...То в свайку с нею веселюсь, то ею в голове ищуся». Кто, кроме Державина, мог внести в оду, посвященную императрице, столь «низменные» образы? Не случайно Гоголь писал о Державине, что слог у него так крупен, как ни у кого, и, разъяв анатомическим ножом, видишь необыкновенное соединение самого высокого с самым низким.

Образу Екатерины II, сравниваемой с богиней, ангелом, владычицей, противопоставлены ее вельможи. Державин в этой оде создал сатирические образы Потемкина, Вяземского, Нарышкина, Орлова, обвиняя их в продажности и лицемерии. Известно, что Екатерина II разослала им оду, подчеркнув соответствующие места, и число недругов поэта возросло. Позднее Державин создал обобщенный образ вельможи:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами:
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.

Вельможа

В этой же оде Державин назвал царедворцев «Се глыба грязи поглащенной...»

Противопоставление богородицы царицы и ее приближенных имеется и в оде «Видение Мурзы», в которой Екатерина II изображена в виде богини или жрицы, сошедшей с облаков:

Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат...

Речь Екатерины II, обращенная к Державину, и его ответы наполнены высокой торжественной лексикой: *рекла, вострепещи, зрю,*

внемли, орел, лавр, алтарь, богиня. Но высокий образ императрицы сменяется сниженным изображением ее придворных, обвинявших Державина в том, что он за свои «исполненные лестия» послания получал незаслуженные подарки от императрицы. Державин гордо отвечал своим врагам, обращаясь к Екатерине II:

...Что сердца своего товаров
За деньги я не продаю
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.

Так Державин подчеркивал самобытность своего творчества, отсутствие в нем чужих образов и заимствований. О своих врагах Державин писал в сатирических тонах:

Довольно нажил я врагов!..
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой Мурза твой говорит.
.....
И словом тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.

В этой оде, наряду с высоким торжественным слогом, появляются бытовые детали, а «соленые огурцы» только Державин мог ввести впервые в оду, разрушая ее патетическую сущность и создавая новые возможности описания.

Державин любил изображать военные подвиги и полководцев — Потемкина, Румянцева, Суворова. Так, стихотворение «Водопад», посвященное великому князю Тавриды, надменному Потемкину, начинается торжественно:

Алмазна сыплется гора,
С высот четырема скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми.

Водопад ассоциируется с человеческой жизнью, описываются подвиги Потемкина, триумфы при его возвращении в столицу, а затем как антитеза изображается его смерть:

Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к холодной груди персты,
Уста безмолствуют отверсты!

Так горы алмазов, бездна жемчуга, серебра и золота даны как противопоставление ветхому рубищу и лепте, самой мелкой монете, закрывающей глаза почившего Потемкина. Антитеза — любимый прием Державина — здесь представлена очень ярко.

Особенно дорог поэту Суворов, которому посвящен ряд стихотворений, где он называется «орлом полночным», «могучим львом». Но наиболее проникновенно стихотворение «Снегирь». Державин, присутствовавший при кончине Суворова и потрясенный ею, возвратясь домой, услышал свист снегиря, обученного петь начало военного марша. Обращаясь к птице, поэт со скорбью воскликнул: «Что ты заводишь песню воснну... милый снегирь?...» «Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?». Изображая непритязательность и скромность жизни великого полководца, Державин вопрошает:

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари:
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари?

Здесь мы находим соединение высоких слов и выражений: «Львиное сердце», «Крылья орлиные», «Северны грома в гробе лежат» рядом с такими простыми словами, как «солома», «кляча», «сухари». Державин остался верен себе и, соединяя высокое и простое, создал необыкновенно проникновенный и емкий образ великого Суворова.

В стихах Державина много просторечных и простонародных слов: *издевка, помочь, шлындагь, ненароком, пнуть, кубарь, кутерьма, растабары, туды, сюды*.

Академик В. В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка XVII—XIX века» (М., 1938) отмечает деформацию высокого стиля в языке Державина и подчеркивает ряд грамматических категорий, которые способствуют «опрощению», «снижению» высокого слога. Например, имена существительные на *-мя*, в которых просторечные надежные формы не имеют «наращення» *-ен*: *бремя, время, пламя*: «В дыму и в пламе». Формы множественного числа родительного падежа среднего и женского рода на *-ов, -ев*: *зданиев, стихиев, фуриев*; просторечные деепричастия: *блισταючи, сидючи, глядячи*; просторечные числительные и союзы.

Отмечая просторечную фразеологию, вслед за Я. К. Гротом В. В. Виноградов приводит следующие примеры: «Весь мир стал полосатый шут»; «В грош не ставлю никого»; «Бояры понадули пузы» и др.

Нельзя не согласиться с А. В. Западным, который отметил, что поэзия Державина составляет славнейшую страницу русской

поэзии. «Под его пером традиционная торжественная ода, сохраняя свой общегосударственный характер, приданный ей Ломоносовым, вдруг превратилась в умное сатирическое произведение, стихи заблистали всеми цветами радуги, в них появилось биение живой жизни...» (А. Западов. Мастерство Державина. М., 1968).

Язык и слог Державина двойствен в своей основе. Он переполнен славянизмами, например, существительные *глас, знак, ланиты, перси, длань, позор* (зрелище), *глагол* (слово); сложные прилагательные: *ласточка сладкоглазая, богоподобная царевна, благовоющие ветры*; глаголы *мнить, внимать, грядет, зри*; местоимения *сей, оный*; числительное *един*; наречия *днесь, стократ*.

Согласно с поэтикой классицизма, встречается много мифологизмов: *Зевс, Минерва, Сатурн, Музы, Сирены, Марс* и ориентализмы: *Мурза, Улус, Орда*. Рядом с олицетворениями и гиперболами в одах Державина широко представлены антитезы: «Сегодня бог, а завтра прах»; «Монарх и узник — снесь червей». Обилие образных средств, таких, как олицетворение, обычно в стиле классицизма. Но у Державина они носят неповторимо своеобразный характер, например: «Уже румяна осень носит снопы златые на гумно» в оде «Осень во время осады Очакова» или «Идет седая-чародейка, косматым машет рукавом» (О зиме), или в стихотворении «Четыре возраста»: «Старость под вечер стоит на клюке». Эпитеты и сравнения поэта весьма оригинальны. В то же время Державин оживил книжно-поэтическую речь разговорными элементами, расцветив ее просторечием, и дал синтез высокого и низкого в слоге.

В последний период своего творчества Державин от оды, с ее торжественно-высокопарным слогом, переходит к интимно-лирической анакреонической поэзии. Лично познакомившись с императрицей, побывав на службе у нее, узнав ее лицемерие, неправосудие и фаворитизм, Державин больше не мог писать восторженных, похвальных од. В этот период он пишет стихотворение «На птичку», рисуя свое положение при дворе:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой —
Пищит бедняжка вместо свисту:
А ей твердят: Пой, птичка, пой!

Личному секретарю государыни Храповицкому в ответ на его совет начать снова писать хвалебные оды Державин заявил: «...Бог повец не будет никогда подлец».

В последние годы жизни, живя в своем имении «Званки», Державин пишет стихи, в которых звучат гимны природе, счастливой жизни, воспеваются дружеские беседы и застолья. Вот, например, как изображается праздничный стол:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь, икра и с голубым пером
Там щука пестрая:— прекрасны!

Яркие пятна яств, расположенных на белой скатерти стола, говорят о замечательном живописном даре Державина и напоминают фламандскую живопись. В своем послании «Евгению. Жизнь званская» поэт описывает и сельскохозяйственные работы, и быт, и нравы помещичьего дома и крестьянства. Он создает новый эстетический идеал, радуется свободе: «Блажен, кто менее зависит от людей, не ищет при дворе ни злата, ни честей».

Державин не только сумел соединить высокие и низкие стили, но и обновить стиховую метрику и строфику. Прав Г. А. Гуковский, отметивший: «Поэзия Державина исключительно богата ритмически; Державин использует самые разнообразные метрические формы, строфы, размеры, иногда стихи вольного ритма,— он ищет индивидуализированной ритмической выразительности вместо скользящих заданных традиций метрико-ритмических канонов сумароковской школы» (Вступительная статья в книге Г. Державин. Стихотворения. 1947).

Г. Р. Державин в своем творчестве воплотил лучшие достижения XVIII века и проложил путь Пушкину, поэтам-декабристам, Тютчеву, Некрасову.

Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

«Я ЛЮБЛЮ СВОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК!»

Заметки о языке поэзии
Александра Яшина

Идет немолотое время своим чередом, одних навсегда повергая в забвенье, другим — полною мерою воздаявая должное, чего им так не хватало при жизни. Теперь уже ясно, что безвестность не станет уделом лирики Александра Яшина — новые издания его книг встречаются с растущим интересом, волнуют, часто побуждают спорить и всегда — размышлять... Общественный темперамент Яшина находит прямой выход — к человеку, к сокровенным струнам в его душе. В этом, наверное, и заключается непреходящее обаяние его горьких и радостных книг.

В. Оботуров. Степень родства

Поэзия А. Я. Яшина глубоко демократична. Связь поэта с родной землей, с деревней, с русской природой — нерасторжимая, кровная связь. К. Симонов писал о том, что «через свою сыновнюю привязанность» к родным местам — северу России, Вологодчине — «он поэтически ощущал всю русскую землю, всю Советскую страну».

Есть у А. Яшина стихотворения, в которых содержится прямое признание в любви к Родине, родному русскому языку.

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.
Хочешь — песни, гимны пиши,
Хочешь — выскажи боль души,
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная, живуч.

Русский язык

В стихотворении «Родные слова» поэт говорит о своей особой привязанности к словам народного языка.

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши — тетерева,
Летятина — дичь,
Пересмешки — молва,
Залавок — подобье комода.
.
.
.
Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.
Но как отстоять его,
Не растерять
И есть ли такие средства?

Но его пристрастие к родной русской речи, к слову, звучащему в живом употреблении языка, ясно вычитывается из большинства произведений поэта. О нем говорит сам характер словоупотребления в лирике Яшина: и обилие конкретно-предметной лексики, относящейся к жизни, труду и быту современной деревни; и характерное употребление собственных имен, вносящих в поэзию неповторимый местный колорит (*Бобришный Угор, Блудново, Чистый Бор, речки Козловка, Вергушинка, Родинка, Кубень-река, Юг-река*); и широкое обращение к разговорно-просторечным и областным словам, таким, как *большак* (глава семьи), *выдюжить*, *духовитый* (душистый), *азря* (зря), *запашистый* (пахучий), *любой* (который правится), *маета* (мучение), *маненечко*, *невозмогу*, *обувочка*, *остуда* (охлаждение — о чувстве), *перетониться* (стать слишком тонким), *погляд* (взгляд), *приболеть*, *привадить* (приучить), *пригляд* (присмотр), *рукотерник* (полотенце), *скрадка*, *тороватый* (бойкий, ловкий), *тяжельше*, *хрусткий* (хрустящий), *чуять* (чувствовать), *шибануть* (ударить), *щипать* (рвать).

Отдавая предпочтение словам народного речевого источника, поэт тем не менее использует всю палитру красок родного языка, что является основой выразительности его произведений. Обращаясь к возвышенным словам, Яшин чаще употребляет их не для сообщения тексту приподнятого звучания, а с целью создания иронии, шутки. Это — действенное средство его поэтического отрицания. Так, например, в стихотворении «Соловей» глагол *воспевать*, словосочетание *небесный свод* не придают тексту возвышенности. Они направлены на отрицание пустых, избитых тем поэзии путем их осмеяния.

Черт его дери — соловья!
Всю весну горю, как на огне.
Но писать о нем не вправе я
Ни в стихах, ни в прозе:
Стыдно мне.
Стыдно тыщи лет воспевать
Птичьи трели
Да небесный свод...
А ему-то, соловью, плевать:
Знай себе работает —
Поет.

Само собой разумеется, что содержание стихотворения связано не только с ироническим употреблением упомянутых слов, оно вытекает из текста в целом.

Выразительность и информативность поэтического произведения зависят от многих причин. Помимо свойств используемых слов и выражений они определяются способами их сочетания в художественное целое, а также своеобразием привлекаемых автором образных средств. Важным источником стилистического своеобразия стихотворения являются отношения между слагаемыми лирического стихотворения (словами, фразеологическими сочетаниями, синтаксическими конструкциями), которые по-разному воспринимаются читателями (их называют стилистически неоднородными). Так, во второй строфе стихотворения «Соловей» поэтические элементы *воспевать*, *небесный свод* вплетены в строки, где решительно преобладают стилистически сниженные средства (разговорная форма существительного *тысячи* — *тыщи*, просторечное употребление глагола *плевать* в значении междометия, разговорное словосочетание *знай себе*), а заключительные строки напоминают устную речь с бессознательной связью внутри сложного предложения, с характерной вставкой, вносящей своеобразное разъяснение, уточнение (А ему-то, соловью, плевать...), с разговорной интонацией. Это соотношение между различными по своему стилистическому звучанию словами и словосочетаниями и определяет неповторимое своеобразие данного текста.

Если принять во внимание, что слово *соловей*, как и сам факт обращения к теме соловья, имеют давнюю традицию употребления в поэзии, то становится ясно: поэт с самого начала, с первого стиха «Черт его дери, соловья...» вступает в спор с поэтической традицией, в которой «красивым» поэтическим словам отдавалось предпочтение перед «простыми», повседневными. Этот спор поэт ведет очень эмоционально. В своих произведениях Яшин постоянно отталкивается от красоты во имя правды жизни, выраженной иными от самой жизни словами.

Характерным для творческой манеры поэта является эмоциональное по звучанию и оптимистичное по настроению стихотворение «Босиком по земле» — лирический рассказ о счастье жить на земле, о радости общения человека с природой.

Солнце спокойное, будто луна.
С утра без всякой короны,
Смотрит сквозь облако,
Как из окна,
На рощу,
На луг зеленый.

От берега к берегу
Ходит река,
Я слышу ее журчание.
В ней — те же луна, луга, облака,
То же мироздание.

Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.

И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,
Как после выздоровления.

Бреду бережком,
Не с ружьем, с бадожком,
Душа и глаза — настежь.

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

Природа здесь одухотворена, она активная, живая, что подчеркивается как с помощью приема одушевления неживого, так и благодаря употреблению глагольных форм настоящего времени (Солнце... *Смотрит*... Как из окна; *Ходит* река; Птицы *взвиваются*...; Зайцы *срываются* со всех ног). Человек и природа предстают как единое целое, человек призван не приносить природе вреда (никого не трогаю...; Бреду бережком, Не с ружьем, с бадожком), он часть прекрасного природного мира. Для стилистического тона произведения существенно отсутствие сложных метафорических ходов и обилие предметных слов, употребленных в их прямых значениях

(солнце, луна, облако, окно, роща, луг, берег, река, ягоды, трава, ручей, вода, ружье). Отвлеченные по значению слова в контексте конкретизируются. Например, отраженное в реке *мироздание* — это «те же луна, луга, облака»; *бог* напоминает языческое божество, это почти земное существо; *душа* в стихе «Душа и глаза — настезь» не только приравнена к глазам (это однородные члены одной конструкции), но и опредмечена, благодаря образному сказуемому *настезь*, напоминающему об открытых настезь дверях или окнах. Со словосочетаниями, имеющими в литературной традиции устойчивый смысл, происходит примерно то же, что со словами *бог*, *душа* и др. Они органически входят в лирическое повествование, в котором участвует прежде всего их буквальный смысл, их прямое значение. Условное значение этих штампов книжной речи, существующее в литературной памяти читателя (*идти какой дорогой* в значении «жить каким-н. образом», *бродить по земле* в значении «жить»), остается за текстом. Обогащая идейно-образное содержание стихотворения, оно создает, как говорят исследователи, семантическую глубину текста.

Поэт снимает с отвлеченных слов и условных сочетаний их литературный ореол, освобождая от особого приподнятого звучания. Той же цели служит в стихотворении употребление стилистически и эмоционально окрашенных слов и сочетаний, таких, как *срывать* — *со всех ног*, *щипать* в значении «срывать», *бresti бережком*, *с бадожком*, *настезь*, *босиком*. Непринужденно-доверительному тону стихотворения способствует и синтаксическая организация словесного материала: предложения с подчинительными связями отсутствуют; конструкции, распространяющие высказывания, образуют отдельный стих, что служит средством расчленения фразы и, следовательно, облегчает ее восприятие.

Поэзия А. Яшина близка и стихия устного народного творчества, которая сливается с народной природой его поэтического слова. Вот как рассказывает поэт в стихотворении «На Бобришном Угоре» о постройке в деревне дома, где «поэзия справит свое новоселье».

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным Угором.
.....
Ни заповров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.

А объявится рядом
Кто с недобрым поглядом —
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

Сказочный мотив избушки на курьих ножках, свойственное произведению фольклора олицетворение (избушка вырастает..., будет рада..., повернется), употребление народно-поэтического сочетания *люди добрые* органически сочетаются здесь с использованием просторечного глагола *объявиться* в значении «появиться, оказаться», диалектного существительного *погляд*, с характерным для устной речи бессоюзным соединением частей предложения, связанных условно-следственным значением. Ритмическая организация стиха также напоминает неторопливый говорок, «рассказывание», поэт-лирик не «поет», а повествует.

Источник образности, то есть та сфера жизни, в которой автор преимущественно ищет и находит образы своих произведений, является важным моментом характеристики языка писателя. Он во многом предопределяет характер избираемых речевых средств. Нередко авторы черпают свои образы в глубинах истории, обращаясь с этой целью к прошлому культуры и литературы. Поэзия Яшина постоянно направлена к современности и, прежде всего, к жизни современной деревни. Даже стихотворения, тема которых, казалось бы, требует привлечения традиционных образов, книжных и поэтических слов, пишутся Яшиным с минимальным их участием. Так, например, для изображения процесса поэтического творчества как напряженного, требующего отдачи всех сил труда А. Яшин в стихотворении «Рогатый Пегас» сравнивает труд поэта с трудом колхозника-дояра.

А я не тружусь?
Чуть брезжит рассвет —
Как дояр, сажусь
На свой табурет.

Как дояр —
Терпенья
Хоть отбавляй:
Ведро в колени
И — ну давай!

За словом слово
В строфу сую.
И впрямь корову
Сижу дою.

Беру в кулаки
Тугие соски,
Четыре струи —
Четыре строки.

То с пеной, со звоном
Идут слова.
То приглушенно,
Едва, едва.

Выбор исходного образа в сфере трудового быта современной деревни обусловил и характер уподоблений: поэт — дояр (я... Как дояр), писать стихи (За словом слово В строфу сую) — доить корову (И впрямь корову Сижу дою), о поэтической продукции сказано — «Строка жидка..., Присушил строку». В этих приравнениях, хотя речь идет о поэтическом творчестве, на переднем плане неизменно оказываются обиходно-разговорные слова. Употребление в стихотворении разговорно-просторечной лексики *впрямь, шибануть, свернуть, коситься, бычиться* в соединении со многими наименованиями предметов и явлений крестьянского обихода (ведро, корова, молоко, надой, бык, рога, бедро, нога), применение конструкций разговорной речи (*хоть отбавляй, ну давай, и впрямь сижу дою; говорят... а чуть... кричат...*) и повторов типа *едва, едва, вот-вот* и т. п., общая разговорная интонация стихотворения (ср. начальный стих «А я не тружусь?» и др.) — вся совокупность образных и речевых средств и поэтических приемов образует взволнованное лирическое высказывание. Заметим, что осуществляется это почти полностью средствами, лишенными поэтического ореола. Единственный традиционный символ *негас* поэт, явно споря с традицией, употребляет только в сочетании *рогатый негас*, тогда как обычные в поэзии определения к слову *негас* — *крылатый, летучий, пылкий* и др.

Обращенность поэзии Яшина к труду и быту современной деревни, ее ориентированность на живое употребление языка, на разговорную речь заметно отличают поэтический почерк автора. Лирика А. Яшина является наглядным свидетельством того, как высоко ценит поэт «вверенное наследство» родной русской речи, как он на деле отстаивает право на жизнь в поэзии лексических средств, к которым «привадила мать». В приверженности поэта к словам и образам народного речевого источника состоит глубокое своеобразие его индивидуального стиля.

Н. Н. ИВАНОВА

У ВАС ДЕЛОВАЯ ВСТРЕЧА

Нередко слышишь, что есть люди, общение с которыми не доставляет радости. А иногда кто-нибудь жалуется: «Не умею я говорить с людьми! Что поделаешь — некоммуникабельный!». Общительность, или коммуникабельность человека — качество, далеко не безразличное для общества. Ведь как ранят, обижают, выбивают из колеи хамство, грубость, циничные слова невоспитанного человека! Как трудно настроиться на рабочий лад после встречи с человеком, который не научен культуре общения!

«А разве нужно учить общению? — можете спросить вы. — Ведь это присуще каждому качеству». Действительно, усвоение норм общения происходит с раннего детства как результат воспитания в самом широком смысле слова. Но человека необходимо и специально учить общению, чтобы высокая культура в его отношениях с другими людьми стала потребностью.

Коммуникативная культура включает в себя целый ряд навыков, обеспечивающих эффективное общение. В деловых

Эта встреча для вас важна, и потому к ней надо хорошо подготовиться. Подготовка к беседе с официальным лицом включает тщательное продумывание содержания и наиболее выразительных и действенных средств для его сообщения. Надо заранее решить, какие вопросы необходимо затронуть в предстоящем разговоре. Рекомендуются, чтобы их было не более пяти (как правило, большее количество

контактах каждый человек выступает как представитель коллектива, социальной группы и осваивает одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от всякого члена данной группы. Культура делового общения предполагает умение быстро ориентироваться в ситуации, правильный выбор поведения в рамках этикета данного общества, навыки использования речевых средств литературного языка.

Установившиеся в данном коллективе или принятые одним человеком нормы поведения, формы обхождения образуют стиль общения. Человеку, вступающему в общение с незнакомым или входящему в новый коллектив, необходимо «присмотреться» к сложившемуся стилю общения. Тактичность заключается именно в том, чтобы общие принципы поведения использовать с учетом особенностей данной личности или конкретного круга лиц.

Подлинным образцом уважительного отношения к сотрудникам может служить стиль общения с ними В. И. Ленина. А. А. Андреев вспоминал:

«Ленин был требователен, но никогда в его отношениях к людям не было ничего раздражительного и оскорбительного. Всякий говорил то, что думал, не боясь быть грубо одернутым...

Ленин не внушал присутствующим никакого чувства стеснения; я бы даже сказал, что он, ставя наводящие вопросы, скорее располагал к инициативе и свободному высказыванию своих мыслей...» (Сб. Воспоминания о В. И. Ленине).

Ленинский стиль руководства включает в себя умение работать с людьми, оказывать на них положительное влияние, создавать условия для наиболее эффективной трудовой деятельности. Повышение культуры общения неотрывно от общего дела коммунистического строительства. Мы должны превратить принципы нашего мировоззрения, нашей морали в практику повседневной жизни каждого человека. Наш рассказ о культуре делового общения мы начинаем с «разговора о разговорах». Итак, у вас деловая встреча.

затягивает беседу и делает ее пересульфативной). Вопросы должны быть сформулированы так, чтобы вас не только можно было понять, но просто невозможно было не понять. Хорошо продуманные вопросы следует записать, причем лучше в развернутой формулировке. Например, не так: «1. О столовой», а так: «1. Какие меры и когда будут приняты для ремонта столовой?» Отдельные элементы вопро-

са потом могут быть использованы как основные, ключевые слова беседы: какие меры? когда будут приняты? для ремонта (не реконструкции, не косметической побелки, а именно ремонта) столовой?

*

Не забудьте записать и время встречи: точность — вежливость королей. Должна быть и обычная вежливость: раз о встрече условились (а лучше поступать именно так, если хотите, чтобы разговор был обстоятельным и полезным), неловко заставлять человека ждать, отнимать у него время. Но уж если так случилось, что вы опоздали, культура общения предполагает, что в начале встречи вы извинитесь за опоздание, даже незначительное. Имейте в виду, что ваша необязательность может послужить причиной неприветливости руководителя. Если же опоздал руководитель, ему тем более вменяется в обязанность извиниться перед посетителем: положение обязывает.

Тональность беседы, ее настрой задаются первыми словами, которыми обычно являются формулы приветствия. Наиболее распространенным приветствием в русском речевом этикете является пожелание быть здоровым — *здравствуйте!* И хотя мы используем это доброе слово лишь как средство установления контакта, часто не задумываясь о его глубинном смысле, все-таки оно теплым светом участия согревает наши отношения. Очень образно об этом написал В. Солоухин в стихотворении «Здравствуйте!»:

— Здравствуйте! —

Поклонившись, мы друг другу сказали,

Хоть были совсем незнакомы.

— «Здравствуйте!»

Что особого тем мы друг другу сказали?

Просто «здравствуйте», больше ведь мы ничего не сказали.

Отчего же на капельку солнца прибавилось в мире?

Отчего же на капельку счастья прибавилось в мире?

Отчего же на капельку радостей сделалась жизнь?

Доброжелательное приветствие располагает человека к беседе, освобождает его от состояния скованности, которое обычно предшествует ситуации делового общения. Не следует использовать обиходно-разговорные и просторечные приветствия, даже если собеседник вам знаком: это

приметы фамильярности, развязности, бесцеремонности. Излишняя и церемонная форма *приветствия*: она может быть воспринята как намек на разрыв приятельских отношений. Если по делу пришел знакомый человек, стоит назвать его по имени: это покажет, что посетитель не безразличен вам, вы его помните и готовы внимательно выслушать. Желательно также заранее узнать имя и отчество незнакомого собеседника, так как установление контакта этим значительно облегчается. В любом случае постарайтесь, чтобы первые ваши слова звучали не надменно и холодно, а тепло и радушно!

Психологический такт — это способность подобрать ключ к душе каждого человека, умение найти с ним общий язык. Если посетитель затрудняется начать разговор, тактичный руководитель сумеет помочь ему в этом. Русский язык предлагает самые разнообразные варианты для выражения желания, готовности выслушать: *Я Вас слушаю; Чем могу быть полезен? Чем могу служить? Рад(а) Вам помочь; Готов(а) Вас выслушать; Прошу Вас! Расскажите о себе; Что Вас волнует? О чем Вы хотите рассказать?* и т. п.

При этом не следует забывать, что всем этим вариантам должно предшествовать приглашение сесть, если предстоит длительный разговор, тем более с женщиной. Сниженные, фамильярные слова не годятся даже для дружеского разговора, а при деловом общении часто демонстрируют панибратство, которое далеко не всегда по сердцу партнеру. Многое зависит и от тона, который может в дальнейшем определить тональность всей встречи.

Подлинный авторитет могут завоевать лишь люди, обладающие общей культурой, проявляющейся, в частности, в культуре речи. Знание норм современного русского литературного языка, внимание к своей и чужой речи, правильное произношение и словоупотребление — обязательное условие культуры делового общения. Досадные погрешности в речи отвлекают от ее смысла, раздражают и препятствуют достижению взаимопонимания.

Установлено, что информация из уст человека, пользующегося авторитетом и уважением, воспринимается без сопротивления, усваивается быстрее и легче. «Снятие зажимов» (по терминологии К. С. Станиславского), обеспечение состояния «активного комфорта» — серьезная задача для всего коллектива и прежде всего для руководителя.

Руководитель должен обладать качеством, которое психологи называют эмпатией — способностью понимать внутренние душевные состояния и движения другого человека. Эмпатия не позволит начать деловую встречу с «разноса», бурного выяснения отношений даже с провинившимся. Постоянная приветливость, подчеркнутая вежливость отнюдь не умаляют достоинства руководителя. Человек, который обладает подобным качеством, вызывает ответные добрые чувства, располагает к себе людей. Вежливость защищает руководителя от грубиянов и вызывает симпатии окружающих.

*

Уметь беседовать — это прежде всего уметь слушать и делать правильные выводы из сказанного. Заранее подготовившись и имея план беседы в виде вопросов, которые предстоит решить в ходе встречи, посетитель делает пометки, помогающие ему не выпускать из виду то, ради чего деловая встреча состоялась.

Уметь беседовать — это побуждать говорить. Мы не можем знать, что и как воспринято, пока слушающий не отреагирует тем или иным образом. Во время слушания надо выделять основные положения (говорящий обычно предваряет их вводными словами), не торопить собеседника и во время молчания стараться анализировать и обобщать сказанное.

Вопросы, которые вы задаете собеседнику, должны быть развернутыми, не допускающими краткого «да — нет». Удобной формой знакомства будут предложения «Расскажите, пожалуйста, о себе», «Вы из города Н. Я не был там десять лет. Много за это время изменений?». Если время дорого и собеседник не склонен к рассказу о себе и своем городе, постарайтесь все же «торопиться в разговоре медленно»: в спешке не все скажется и не все услышится. Очень важно включать в свой вопрос основные мысли из высказывания собеседника: «Вы сказали, что... значит ли это...?» Это покажет, что вы внимательны и стремитесь правильно понять партнера по общению. Время от времени следует обобщать сказанное: «Итак, мы с вами установили, что...», «Значит, мы договорились...». Неуместны вводные слова типа *кажется, может быть, вполне возможно*: деловой разговор требует прежде всего конкретности и определенности. Наиболее важные положения до-

говоренности неплохо еще раз повторить: «Таким образом, мы условились...», «Значит, я могу быть уверен(а) в том, что...». Это будет подтверждением взаимопонимания и основой для продолжения контактов в будущем.

Если договоренность не достигнута в ходе данной встречи, не давайте собеседнику оснований для предположения, что вы больше никогда не захотите с ним встретиться. Даже если беседа вас не удовлетворила, нормы корректного речевого поведения требуют, чтобы вы поблагодарили собеседника. Поэтому беседу заканчивает первым не тот, кто считает, что он уже полностью высказался, а старший по должности, по возрасту.

Завершающие беседу слова благодарности традиционны: «Спасибо за внимание», «Благодарю Вас за участие», «Рад(а) был(а) с Вами познакомиться», «Признателен Вам за помощь», «Примите мою благодарность». Если беседа затянулась, естественно будет попросить извинения: «Приношу извинения, что отнял(а) так много времени». Если предстоит новая встреча, обычное *до свидания* дополняется прилагательным *скорого, нового свидания*. Если что-то из обещанного будет выполнено попозже, а новой встречи не предвидится, уместно добавить: «Заранее благодарю вас». Надо научиться вести деловой разговор так, чтобы вас хотели видеть еще.

Л. А. ШКАТОВА

Челябинск

СРЕДИ КНИГ

Н. И. Формановская.

ВЫ СКАЗАЛИ: «ЗДРАВСТВУЙТЕ!»

Казалось бы, нет ничего трудного в том, чтобы разговаривать друг с другом. Однако наш повседневный быт дает немало примеров того, что не

все умеют находить соответствующие слова, вести беседу или делают это недостаточно хорошо. Об этом свидетельствуют и письма, поступающие в редакцию журнала «Русская речь», в которых читатели делятся своими наблюдениями над речью людей разного возраста и разных профессий.

Человеческое общение — сложное явление, его изучают разные науки: лингвистика, социология, психология, этнография, медицина и др. И тол-

ко совместные исследования ученых позволят выяснить, что такое общение, в чем его специфика и каковы закономерности.

Внимание читателей привлекла выпущенная издательством «Знание» книга Н. И. Формановской «Вы сказали: „Здравствуйте!“» (М., 1982), посвященная вопросам речевого этикета в нашем общении, правилам речевого поведения людей в разных ситуациях. Проблема эта освещена автором с двух сторон: лингвистической и социально-этической.

Книга состоит из десяти глав, об их содержании читатель может судить даже по их названиям (приведем некоторые из них): О вежливости; «Ты» и «вы»; «Я» и «ты» в общении; Сколько способов попрощаться? Как мы обращаемся друг к другу; Культура поведения, культура речи, речевой этикет.

Слова и выражения речевого этикета каждый из нас ежедневно использует в своей речи. Это, пожалуй, самые употребительные выражения. «Речевой этикет представляет собой совокупность словесных формул учтивости, вежливости», произносимых нами в разных ситуациях — обращение друг к другу с приветствием и пожеланием, с просьбой и извинением, сочувствием и одобрением и т. д.: *Здравствуйте! Рада вас приветствовать, До свидания, Будьте здоровы, Благодарю вас, Будьте добры* и т. п.

В книге Н. И. Формановской рассказано о наиболее употребительных словах и выражениях речевого этикета, даны примеры их правильного или ошибочного использования. Из главы «Как мы об-

ращаемся друг к другу» читатель узнает о многочисленных обращениях к разным лицам — мужчинам и женщинам, знакомым и незнакомым — в обстановке официального и не-официального общения, об истории употребления в русском языке таких, например, слов, как *товарищ* и *гражданин* и других. О неправильности обращения *Девушка!* к немолодым женщинам немало писали на страницах газет и журналов, в пособиях по культуре речи. А теперь мы часто слышим просторечное обращение *Женщина!* Оно также не принимается литературной нормой.

Автор на страницах своей книги неоднократно подчеркивает, что в понятие общей культуры входит и культура общения, культура речи. Для правильного употребления выражений речевого этикета мало иметь образование, необходимо при этом быть вежливым и доброжелательным.

В живой и увлекательной форме автор знакомит читателя с собственными наблюдениями над речевым поведением людей в разных жизненных ситуациях, а также привлекает большой иллюстративный материал, извлеченный из произведений художественной литературы, из газет и журналов.

Постоянным читателям журнала «Русская речь» знакомы статьи Н. И. Формановской о речевом этикете, которые были опубликованы в 1979 и 1980 годах. В книге «Вы сказали: „Здравствуйте!“» они найдут для себя много нового и поучительного в области культуры речи и культуры общения.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

ГОДЫ

и

ГОДА́

С НАЧАЛА XV века, особенно на протяжении XVI—XVII веков, в русском языке у имен существительных мужского рода получила распространение форма именительного падежа множественного числа на -á(-я): *городá, лесá, колоколá, край* и т. п. Это окончание стало употребляться и в винительном падеже. Происхождению и развитию форм на -á(-я) посвящена большая научная литература, однако этот вопрос до конца еще не разработан.

Первая попытка объяснения происхождения -новообразований на -á принадлежит М. В. Ломоносову. Появление этих форм он объясняет преимущественно эвфонических (благозвучных) свойств звука [а] перед [и]: «Что ж до слу-

ху надлежит, в том уверяют музыканты, которые в протяжных распевах недаром букву *и* обходят, не протягивая на ней долгих выходов, но выбирая к тому *а* или *е*. Сверх того свойство нашего российского языка убегает от скучной буквы *и*...» (Российская грамматика. § 119.— Полн. собр. соч. Т. VII. М.— Л., 1952, с. 432). А, напротив, «частое повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха...» (Краткое руководство к красноречию.— Т. VII, с. 241).

М. В. Ломоносов придавал большое значение также ударности — «силе» окончания -á в сравнении с -и:

Искусные певцы всегда в напевах тщатся,
Дабы на букве *А* всех доле остояться...

В музыке что распев, то над словами сила;
Природа нас блюсти закон сей научила.
Без силы *бѣреги*, но с силой *берегá*,
И *снѣги* без нея мы говорим *снегá*;
Довольно кажут нам толь ясные доводы,
Что ищет наш язык везде от *И* свободы...

Основные положения гипотезы М. В. Ломоносова позднее были поддержаны Я. К. Гротом, который выдвинул соображение о логической функции ударного окончания как более выразительного. Сравнивая *пóвары, лéкари и повара́, лекаря́*, он указывал, что в формах на *-á* примета множественного числа благодаря ударному окончанию выражается яснее и резче (Грот Я. К. Филологические разыскания. Изд. 3-е. Т. 1. СПб., 1885, с. 441).

В наше время большинство ученых разделяет точку зрения, согласно которой развитию процесса новообразований на *-á* способствовало несколько факторов: влияние существительных среднего рода, у которых окончание *-á* было исконным; имен собирательных; форм именительного-винительного падежа двойственного числа; форм на *-ам, -ами, -ах* в косвенных падежах имен существительных. Однако хотя соображение об эвфонических преимуществах звука [а] перед [и] не объясняет происхождения новообразований на *-á*, оно заслуживает пристального внимания.

Эвфония (благозвучие) и какофония (неблагозвучие) — это факт нашей речи. Так, наличие приставки *вс-(вз-)* в русском языке придает глаголам *вскричал, взревел* добавочный оттенок интенсивности, который не вносится приставкой *за-*. Известный ученый-лингвист Ю. С. Степанов отмечает, что сочетания *гн-* или *х-* в начале слова связываются с неприятным смыслом: *гнус, гнида, гнить, ханать, хряк* (но *хряц*), *хлюпик, хляби* (но *хлястик*). Если неприятный смысл имеют не все такие слова, то, по-видимому, все без исключения обладают особой звуковой выразительностью, экспрессивностью: *хряц, хлястик* (см.: Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966, с. 108).

Наблюдения показывают, что ударное окончание *-á(-я)* у существительных мужского рода в именительном-винительном множественного числа в большей степени способствует выражению разнообразных эмоционально-экспрессивных оттенков, чем безударное окончание *-ы(-и)*. Так, в повести «Юность» Л. Н. Толстой пишет: «На нем был оливковый узенький фрак, атласный синий галстук, на котором лежали сзади длинные белокурые *волосы*, тщательно причесанные à la мужик. Я заметил его наружность еще на лавках. Он был недурен собою, разговорчив; и меня особенно поразили в нем странные рыжие *волоса*, которые он отпустил себе на горле, и еще более странная привычка, которую он имел, — беспрестанно расстегивать жилет и чесать себе грудь под рубашкой». Думается, не случайно Л. Толстой употребляет разные формы существительного *волос* в предложениях, буквально следующих одно за другим.

Возьмем еще примеры: «Проходят месяцы, проходят годы, — думал я, — он все один, он все спокоен, он все чувствует, что со-

весть его чиста пред богом и молитва услышана им», «Как часто бывает, что вы годá видите семейство под одной и той же ложной завесой приличия, и истинные отношения его членов остаются для вас тайной (я даже замечал, что чем непроницаемее и потому красивее эта завеса, тем грубее бывают истинные, скрытые от вас отношения)!» (Юность); «Дрон был один из тех крепких физически и нравственно мужиков, которые, как только войдут в годá, обростут бородой, так, не изменяясь, живут до шестидесяти — семидесяти лет, без одного седого волоса или недостатка зуба, такие же прямые и сильные в шестьдесят лет, как и в тридцать» (Война и мир). В двух последних примерах Л. Толстой сам ставит знак ударения в слове *годá*.

Наблюдения над употреблением существительных *год* и *волос* у Пушкина, Л. Толстого, Чернышевского и ряда других писателей (выбор именно этих существительных объясняется частотностью их употребления) показали, что старые формы на -ы представлены, как правило, в стилистически нейтральных текстах, а новообразования на -á, наоборот, главным образом встречаются в текстах эмоционально и экспрессивно окрашенных. Что касается сферы употребления формы *волосá*, то В. Г. Белинский считал ее даже нормативной. Наши наблюдения говорят, по крайней мере, о том, что форма именительного множественного *волосá* в XIX веке была распространена очень широко.

«Холод пробегал по моему телу, и волоса становились дыбом», «Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена» (Пушкин. Капитанская дочка); «„Сильвио!“ — закричал я, и признаюсь, я почувствовал, как волоса стали вдруг на мне дыбом» (Пушкин. Повести Белкина); «Да, это было настоящее чувство ненависти.., но той ненависти, которая внушает вам непреодолимое отвращение к человеку, заслуживающему, однако, ваше уважение, делает для вас противными его волоса, шею, походку, звук голоса...» (Л. Толстой. Отрочество); «Все предметы были освещены ярко, комната повеселела, легкий ветерок шевелил листья моей „Алебры“ и волоса на голове Николая» (Л. Толстой. Юность); «Взяв из шкафа платок, Вилларский наложил его на глаза Пьеру и завязал узлом сзади, больно захватив в узел его волоса» (Л. Толстой. Война и мир); «Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волосá у нее зеленые, что твоя конопля» (Тургенев. Бежали луг); «Вот так тебя надобно учить, дурака! — она схватила его за волоса и начала таскать» (Чернышевский. Что делать?).

В этих примерах образования на *-á* представлены в контекстах с явной неодобрительной, презрительной или восторженной, торжественной окраской. Здесь же употреблена и эмоциональная лексика, значение которой осложнено оценочными смысловыми оттенками: *красивый, противный, ужасно, отрицание, больно захватить, схватить* и т. п. Да и сами падежные формы на *-á* (*годá, волосá*) становятся экспрессивными на фоне прежних, стилистически нейтральных падежных окончаний (*годы, волосы*).

Итак, анализируемый материал позволяет сделать вывод о том, что эвфонический фактор вместе с другими факторами (акцентологическим, морфологическим, семантическим) поддерживал новообразования на *-á* в русском языке и способствовал их распространению. Влияние этого фактора было особенно значительным в период становления данных форм. Естественно, что роль эвфонического фактора сейчас уже не столь велика, но в живой, разговорной речи по-прежнему явно ощущается.

В. Ф. ТЁРЛОВ
Орехово-Зуево

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно говорить *шкаф* или *шкан*?»

А. И. Ремизов, Калуга

В литературной речи лучше употреблять вариант *шкаф*; *шкан* считается устаревающим и разговорным.

«Как правильно сказать *пожарник* или *пожарный*?»

И. И. Ветрова, Москва

Пожарный в старом значении «член, служитель пожарной команды», теперь «боец пожарной команды» (образовано из словосочетания *пожарный боец*). С конца XIX — начала XX века в разговорно-обиходной речи, в нелитературном русском просторечии вместо *пожарный* стало употребляться *пожарник*. Современные толковые словари русского языка в качестве основного варианта приводят слово *пожарный*, на его фоне *пожарник* расценивается как разговорное.

ПОПУГАИСТЫЙ — ЩЕГОЛЕВАТЫЙ

Всем, наверное, знакомы выражения «Ум за разум заходит», «Переливать из пустого в порожнее» и др. Употребляя их, мы не всегда обращаем внимание на то, что для обозначения одних и тех же явлений, признаков здесь использованы разные слова: *ум — разум, пустой — порожний*. Такие слова, как известно, называются синонимами. При этом, обозначая одно и то же явление действительности, лексические синонимы обычно называют его по-разному. Они могут различаться оттенками передаваемых значений (*печаль — тоска*), стилистической окраской (*глаза — очи*) и т. д.

Аналогично лексическим синонимам в языке существуют словообразовательные синонимы: аффиксы (суффиксы, приставки), выражающие близкие значения, но отличающиеся некоторыми оттенками в характере передаваемых значений, эмоциональной окраской или стилистической принадлежностью.

Особенно ярко синонимия словообразовательных средств обнаруживается в разговорной речи. При этом отмечается целый ряд образований со значением «похожий, наделенный свойствами того, что названо производящей основой». Данное значение передается с помощью двух синонимических суффиксов *-ист-, -оват-*.

Прилагательные с этими суффиксами образуются от имен существительных, например: *нижон — нижонистый, лентяй — лентяистый, буян — буянистый; плут — плутоватый, щеголь — щеголеватый, франт — франтоватый* и др. Производящие существительные обычно называют лицо, характеризующееся с негативной стороны. Вот пример из разговорной речи: «Сын у меня неплохой, но лентяистый». А это примеры из языка художественной литературы: «В четырнадцать лет буянистый приятель бежать на волю подбил...» (Грибачев. Белый ангел в поле); «Он уже забыл про лекцию, про психоватого доцента» (Вампилов. Студент); «Шофер, маленький, вертлявый, плутоватый мужичонка, смахивал на воробья» (Распутин. Что передать вороне?),

Довольно часто разговорные прилагательные с суффиксом *-ист-* и *-оват-* образуются от наименований лиц по национальности, от собственных имен: *французистый, испанистый, цыганистый, грузинистый, арапистый; донжуанистый, карменистый* и др. «Она такая живая, вся такая испанистая, особенно когда танцует»; «Арапистая у него внешность» (разговорная речь); «Наш батальонный кузнец, высокий, цыганистого вида уже немолодой солдат... тащит на загорбе обыкновенное тележное колесо» (Грибачев. Белый ангел в поле);

Французистые шляпки и береты
Под вечер не спешат на randevu,
Соавторы известной оперетты
Проехали на юг через Москву.

Межиров в. Люди сентября

«Мне что-нибудь килиманджаристое, — кричали наперебой. — Леопардовое. Пирамидное. Нефертитистое» (Рощин. Золото на заставе).

Суффиксы *-ист-*, *-оват-*, передавая близкие словообразовательные значения, однако, не имеют полного тождества, они характеризуются некоторыми различиями. Так, суффикс *-оват(ый)*, кроме значения «похожий на то, что названо производящим словом», указывает и на степень проявления этого признака. Например, *мужиковатый* — это не просто похожий на мужика, а «похожий несколько, слегка, отчасти». Прилагательные с суффиксом *-оват(ый)* выражают незначительную степень признака.

Большой выразительностью обладают прилагательные, образованные от наименований животных. Эти названия часто используются в переносных значениях для характеристики лиц, что обуславливает появление в разговорной речи таких прилагательных, как *ершистый, воблистый, попугаистый, медведеватый, обезьяноватый, жуковатый, клещеватый* и некоторые другие. Например: «Она так одета! Вся попугаистая» (разговорная речь); «Но едва та заговорила, Катя ясно увидела, что та не только старается прикрыть свою некрасивость, напротив: знает, с юмором относится и даже как бы нарочно подчеркивает эту свою обезьяноватую внешность» (Кнорре. Письмо на телеграфном бланке); «Вы, — кричит, — черный, жуковатый, а я еще жуковатей» (Букин. Хорошая жизнь); «Взводный Игорь Остапцев, слегка сутулый, с клещеватыми кавалерийскими ногами... дососал сигарку...» (Грибачев. Белый ангел в поле).

Отмеченные прилагательные обладают ярко выраженной стилистической окраской и создаются с определенной целью. Они используются для характеристики людей, подобных животным по

своим внешним или внутренним качествам, по своему поведению. Так, *ершистый* — «задорный, неуступчивый», *обезьяноватый* — «похожий на обезьяну, очень некрасивый».

Образование прилагательных от названий животных было шире распространено в языке прошлого века, о чем свидетельствуют примеры из Толкового словаря В. И. Даля: *псоватый* — «чем-либо похожий на пса», *ежеватый* — «строптивый, задорный, огрызливый», *тюленеватый* — «неловкий, неуклюжий, неповоротливый», *коневатый* — «на коня похожий, видом или побежкой».

В разговорной речи прилагательные с суффиксами *-оват(-еват-)* иногда могут образовываться и от неодушевленных существительных как с прямым, так и с переносным значением: *тесто* — *тестеватый*, *мешок* — *мешковатый*. «Колобки, пресные, подгорающие, тестеватые, не напоминали ни хлеб, ни пироги, ни блины» (Грибачев. Белый ангел в поле); «Парень он ничего, да какой-то мешковатый» (разговорная речь).

Образование прилагательных с суффиксами *-ист(ый)*, *-оват(ый)* в разговорной речи объясняется стремлением к лаконичности, образности, большей экспрессивности. Эти прилагательные содержат в своем значении оттенок сравнения. Они способны с наибольшей полнотой передать отношение говорящего к лицу, вызвать определенную отрицательную или положительную реакцию.

Н. Г. ЮСУПОВА
Южно-Сахалинск

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Где ставится ударение в слове *алфавит*?»

О. К. Бревнов, Курск

В слове *алфавит* ударение ставится на последнем слоге.

«Где правильно поставить ударение в слове *августовский*?»

М. В. Беспалов, Москва

В слове *августовский* лучше поставить ударение на первом слоге, но допустимо и *августовский*.

**Ватрослав
(Игнатий
Викентьевич)
ЯГИЧ
1838—1923**

Крупнейший исследователь славянских языков и литератур, пародной поэзии, этнографии и истории Ватрослав (или, как он сам любил называть себя по-русски, Игнатий Викентьевич) Ягич написал свыше семисот научных работ.

Шестьдесят лет продолжалась его неутомимая научная деятельность. Необычайная широта интересов И. В. Ягича, новое понимание задач славянской филологии, большая работа по организации и редактированию первого международного журнала историко-филологического профиля «Archiv für slavische Philologie» определили ведущее место ученого в славистике начиная с 60-х годов XIX века. Вся его жизнь была связана с судьбами славянства.

И. В. Ягич родился 6 июля 1838 года в семье обедневшего дворянина в г. Вараждине (Хорватия). Среднее образование он получил в гимназиях Вараждина и Загреб. В 1856 году И. В. Ягич поступил в Венский университет на филологический факультет, отделение классической и славянской филологии. Его учителем был знаменитый славист Ф. Миклошич. По окончании университета Ягич преподает древние классические языки в гимназии Загреба, но основные научные интересы видит в славяноведении. Первые его работы были посвящены родному хорватскому языку и народной поэзии, старославянской и хорватской литературе.

В 1866 году в Хорватии была основана Южнославянская академия наук и искусств, одним из организаторов которой был И. В. Ягич. Академия провозгласила необходимость укрепления национального сознания южного славянства, и девизом ее была «научная и литературная славянская взаимность». Вся научная и

общественная атмосфера, в которой проходило становление И. В. Ягича как ученого, формировала его интересы в области славянского языкознания, славянских литератур и фольклора. В своих трудах он стремился охватить культурные и языковые явления всех славянских народов.

В 1870 году в Загребе произошли уличные манифестации, в которых приняли участие гимназисты. Ответственность за это была возложена на Ягича, и он был уволен из гимназии. В поисках заработка он обращается за помощью к русским ученым. По представлению известного языковеда И. И. Срезневского за исследования по старославянской и сербскохорватской грамматике Петербургский университет присвоил И. В. Ягичу ученую степень доктора славянской филологии, и он был избран профессором сравнительной грамматики индоевропейских языков в Новороссийском (Одесском) университете. С 1872 года по 1886-й научная деятельность И. В. Ягича проходила в России — в Петербургском университете и Академии наук. В книге «Воспоминания о моей жизни», изданной после смерти ученого, он писал, что стремился воспитать у студентов уважение к славистике как к серьезной науке, а между тем раньше эту отрасль знания считали «казенщиной» или одним из проявлений славянофильства.

*

В Петербургском университете И. В. Ягич организовал кружок молодых студентов-славистов, в котором занимался будущий академик Б. М. Ляпунов и к которому по научным интересам примыкал студент Московского университета, тоже будущий академик, А. А. Шахматов. Организационные основы и методы занятий, принятые в этом кружке, Ягич перенес на созданный им славянский семинар при Венском университете, куда он переехал в 1886 году. Этот семинар многие годы был центральной школой славяноведения не только для ученых-славистов Австрии и Балканского полуострова, но и для России и отчасти для всей Западной Европы. Среди участников семинара были русисты М. Н. Сперанский, В. Н. Щепкин, Г. А. Ильинский и др. В семинаре занимался также великий украинский революционер-демократ, ученый, писатель и поэт Иван Франко.

В 1881 году И. В. Ягич был избран ординарным академиком императорской Академии наук, связи с которой, так же, как с Петербургским университетом, он не прерывал до конца своей жизни. Почти ежегодно он приезжал в Россию для участия в заседаниях Академии наук, писал отзывы о научных трудах, выступал с докладами, работал в архивохранилищах. В значительной мере по

инициативе ученого в 1903 году в Петербурге состоялся Предварительный съезд русских филологов, которым он руководил вместе с А. А. Шахматовым.

И. В. Ягич осуществлял большую работу по изданию древнейших памятников русской письменности в серии «Исследования по русскому языку». В этой серии в 1885 и 1886 годах вышли «Исследования о языке Остромирова Евангелия» М. М. Козловского и «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков» А. А. Шахматова. Вообще И. В. Ягич любовно относился к изданию многочисленных текстов старинной славянской литературы; тщательно, с подробнейшим описанием языка исследуемых памятников, с большими исследованиями-предисловиями он опубликовал древнейшие памятники глаголического и кирилловского письма: Ассеманиево евангелие, Зографское евангелие, Марииинское четвероевангелие, Синайский требник и множество других.

Основные научные интересы И. В. Ягича лежали в изучении возникновения и последующего развития старославянского языка в тесной связи с историей отдельных славянских языков, и русского языка в частности. Он составил русскую грамматику для университетского преподавания, а в 1883—1884 учебном году прочитал в Петербургском университете «Лекции по исторической грамматике русского языка», оставшиеся в записи Б. М. Ляпунова. Этот курс был положен в основу более поздней работы И. В. Ягича «Критические заметки по истории русского языка» (1889). В этой книге рассматриваются все известные к тому времени памятники древнерусского языка (по XIV век, а грамоты — по XVI век включительно); для их грамматического описания автор привлек материалы других славянских языков. При этом он делал иногда краткий очерк некоторых вопросов славянской древности, приводя свидетельства о расселении славян и другие сведения. В изучении синтаксиса славянских языков, особенно русского, И. В. Ягич опирался на труды А. А. Потебни, синтаксические исследования которого, по мнению И. В. Ягича, полнотой и точностью наблюдений превосходили все, что имелось в славянском языкознании того времени.

И. В. Ягич постоянно указывал на необходимость сближения языкознания с историей и теорией славянских литератур — старославянской, древнерусской, сербскохорватской, древнеболгарской, а также с изучением их взаимоотношений и связей с византийской литературой. Его «История сербскохорватской литературы старшего периода» была переведена на русский язык; под его редакцией вышел сборник «А. С. Пушкин в южнославянских литературах».

В литературоведческих исследованиях И. В. Ягича важное место занимают вопросы устного народного творчества, фольклора и

мифологии. В работах ученого чисто языковедческие и литературоведческие начала взаимосвязаны. Б. М. Ляпунов назвал И. В. Ягича филологом, умеющим «оценить данные языка для целей литературных». Особенно ярко эта черта проявлялась в его комментариях к издаваемым памятникам, нашла свое отражение и в одной из больших работ «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке». Отдельные главы книги, например введение к обзору деятельности ученых-грамматиков Константина Костенческого, Максима Грека, представляют собой исследования историко-литературного характера. В целом же в этой интересной работе даны сведения об источниках происхождения старославянской письменности, азбуки, палеографических особенностей письма, грамматической терминологии. Здесь же раскрывается история воззрений на церковнославянский язык, на его литературные функции и развитие в отдельных славянских литературах.

И. В. Ягич придавал большое значение изучению церковнославянского языка, который он называл «санскритом» славянской филологии. Он полагал, что чем глубже изучается этот древнейший представитель славянских языков, тем яснее и содержательнее становится понимание данных языков как литературных, так и народных. При этом ученый отрицал общеславянский язык, считая его фикцией. По его мнению, существовали «простонародные» говоры, из которых позднее возникли наречия, а из последних — книжные, то есть литературные, славянские языки.

Как талантливый ученый-организатор, И. В. Ягич замыслил и осуществил ряд важных научных публикаций общеславянского значения. Одной из таких публикаций является знаменитая «История славянской филологии» (1910), в которой представлены биографии многих ученых-славистов, показаны итоги разработки всех областей славянской филологии. И. В. Ягич мечтал об издании сводного коллективного труда, в котором обобщались бы работы по славяноведению, анализировалось современное его состояние и намечались перспективы развития науки о славянстве. Эти его мысли реализовались в организации «Энциклопедии славянской филологии», проект об издании которой был принят на Предварительном съезде русских филологов в Петербурге. Вышло одиннадцать выпусков Энциклопедии в первых двух десятилетиях XX века.

*

Научная деятельность выдающегося ученого занимает одно из видных мест в истории славяноведения. 7 октября 1923 года на публичном заседании Отделения русского языка и словесности

Российской Академии наук, посвященном памяти И. В. Ягича, академик В. М. Истрин сказал: И. В. Ягич «по справедливости заслужил в последнее время имя „патриарха славистики“. И язык, и литература, и этнография, и народная поэзия — все это служило предметом его изучения. И издания памятников, и монографическая разработка крупных научных вопросов, и отдельные замечания, рассеянные во многих периодических изданиях, захватывали настолько широкую область славяноведения, что обозрение всей ученой деятельности Ягича затруднительно даже в общих чертах... Имя Ягича становится известным на первых же порах каждому слависту, какой бы отрасли славистики он ни касался. Можно, конечно, не соглашаться со многими его научными теориями и, может быть, иногда даже с большим основанием, но, несмотря на это, его труды будут надолго неисчерпаемым кладом теорий, мыслей и фактических данных для всех славистов» [Известия Отд. русского языка и словесности Российской АН (1923 г.). Т. 28. Л., 1924].

Ф. М. БЕРЕЗИН

СРЕДИ КНИГ

В. М. Лейчик

ЛЮДИ И СЛОВА

В 1982 году издательство «Наука» в серии «Литературоведение и языкознание» выпустило книгу В. М. Лейчика «Люди и слова», рассказывающую о словах и выражениях, при помощи которых называют предметы и явления современной жизни.

Бесконечны объекты номинации, то есть все то, что называется с помощью слов и выражений. А специальная номинация (профессиональные термины) гораздо более обширна, чем общезыковая. В книге представлены те области знания и деятельности,

которые имеют наиболее четко разработанные перечни названий, приведены и официальные издания, содержащие эти общепринятые названия. Так, например, промышленность и сельское хозяйство нашей страны выпускают около одного миллиона видов продукции. Поскольку перечень названий самой продукции важен для планирования и управления народным хозяйством, он составлен, обсужден и утвержден в качестве официального документа — «Общесоюзный классификатор. Промышленная и сельскохозяйственная продукция» (М., 1977). Аналогичен классификатор профессий рабочих, содержащий свыше шести тысяч единиц, — «Общесоюзный классификатор. Профессии рабочих, должности служащих и тарифные разряды» (М., 1977).

В разделе «Жигулевские горы и „Лада“» раскрывается

сложное взаимоотношение понятий и слов, анализируются три основных класса наименований: нарицательные имена, номенклатурные единицы (разновидность их — товарные знаки) и собственные имена. На ярких примерах показано, что эти классы, являясь элементами единого языка, существуют не изолированно, а проникая и переходя друг в друга. Так, слово *дизель* первоначально было фамилией изобретателя и владельца завода, то есть собственным именем; *токамак* (сокращение от *ток, камера, магнит, катушка*) также прошло путь от собственного названия до нарицательного (с. 27).

В главе II «Как построены слова» показаны способы создания названий в сфере науки, техники, общественной жизни. Один из наиболее актуальных способов — аббревиация (образование слов от других слов или словосочетаний). Слова при этом сокращаются по-разному: от одного звука или буквы до размеров слога или двух-трех звуков. В настоящее время отмечается рост аббревиатур, по форме сходных или совпадающих со словом (*САДКО* — система автоматизированного диалога и коллективного обучения в педагогике, *КАКТУС* — кабинет автоматического контроля текущей успеваемости студентов), а также активное образование сложносокращенных слов, состоящих из основ морфем: *Главмосинжстрой* — Главное управление по строительству инженерных сооружений в Москве (с. 54, 58).

Специальный раздел книги «Как правильно?» посвящен новым тенденциям в создании названий предметов и яв-

ний в современной научной, производственной и культурной сферах жизни. Вот некоторые из них: употребление прилагательных в тех случаях, где раньше применялись сочетания существительных (*проба пыли — пылевая проба, техника прыжков — прыжковая техника*); образование существительных от прилагательных, входящих в словосочетание (*грузовой автомобиль — грузовик, читальный зал — читалка*). Очень продуктивным способом стало словосложение: *магнитола* (магнитофон+радиола), *меринча* (меринос+каракульча), *дибаверин* (дибазол+папаверин). В тех случаях, когда предмет или явление обозначаются одновременно по нескольким признакам, появляются названия словосочетания. Особенно многословные возникают лишь в первый период называния. Вот один пример такого наименования: *постоянная времени изменения сверхпереходных электромагнитных величин по продольной оси при короткозамкнутой обмотке якоря синхронной машины*.

Продуктивны и другие способы номинации: семантический — применение метафоризации, метонимизации, переноса названий с предмета на предмет по общности и сходству их функций, и др. (*нос корабля, лампа электрическая — лампа керосиновая*); фонетический — сознательная перестановка звуков: *омметр* и *мометр*, *амплитуда* и *моплитуда*; комбинированные: *геоТЭЦ, анти-ЕЭС, ВНИИоргтехника, МГД-дроссель*.

Массовый приток новых названий порождает определенные трудности в их построении, написании, произношении

и употреблении. Автор книги предлагает некоторые рекомендации. Как, например, следует построить сложное прилагательное: *аграрно-индустриальная* страна или *индустриально-аграрная*? На первом месте должен стоять более важный по смыслу компонент: «в связи с прогрессом, с ростом промышленности страна из аграрно-индустриальной может превратиться в индустриально-аграрную, что и будет отражено в ее названии-характеристике». А как оформляются аббревиатуры? Род сложносокращенных слов «определяется по роду тех слов, которые она напоминает или с которыми она совпадает по форме». Орфография аббревиатур и других сложных названий, состоящих одновременно из букв и звуков, частей слов, должна подчиняться еди-

ному правилу: «буквы и звуки — прописные, части слов — строчные».

Заключительная глава «Полезные советы» адресована читателям, которые практически решают проблему названий, — ученым, открывающим новые явления в природе и обществе, конструкторам, создающим приборы и механизмы, стандартизаторам, которые приводят в строгую систему термины и обозначения; здесь содержатся общие и частные рекомендации по созданию и применению названий для разного рода объектов.

Книга В. М. Лейчика «Люди и слова» с интересом будет встречена не только специалистами-терминологами, но и самым широким кругом читателей.

Г. И. МИСЬКЕВИЧ

**М. М. Копыленко,
С. Т. Сапна.**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ СЛОЯХ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Эта книга, выпущенная в 1982 году издательством «Наука» Казахской ССР, является первым опытом социолингвистического исследования с использованием анкетирования и обработки данных на ЭВМ в Казахстане. Авторы поставили перед собою цель определить влияние комплекса социальных факторов на развитие казахско-русского двуязычия, иными словами — выявить

роль и место русского языка в речевом общении казахов-билингвов в зависимости от их возраста, образования, рода занятий, территориальной принадлежности и т. д.

Функционирование русского языка рассматривается в книге в однородной ситуации речевого общения — для всех членов коммуникации родным является казахский язык, и все они учились в казахской школе. Из книги читатель узнает о том, как распространялся русский язык среди казахов, и о характерных особенностях казахско-русского двуязычия.

Первая глава книги посвящена обоснованию анкетирования как метода конкретно-социолингвистического исследования, характеристике анкет,

а также особенностям их распространения и обработки.

Анкета, предложенная авторами, содержит социально-демографические и языковые вопросы. Для распространения анкет были избраны четыре области и областных центра: Алма-Ата и Алма-Атинская область, Кокчетав (и область), Семипалатинск и Кызыл-Орда. Анкеты распространялись среди взрослого населения коренной национальности (старше 16 лет, за исключением пенсионеров, домохозяек и студентов).

Во второй главе рассматриваются особенности использования русского языка казахами, проживающими в городе, а в третьей главе — в сельской местности.

На вопрос, в чем общность и каковы различия в использовании русского языка у городских и сельских жителей, отвечает четвертая глава. Авторы утверждают, что чем моложе поколение, тем больше лиц, владеющих русским языком, и наоборот. Мужчины чаще используют русский язык в общении с коллегами-казахами, чем женщины в той же речевой ситуации. Чем выше образовательный статус, тем шире функционирование русского языка в производственной деятельности; наибольшие показатели использования русского языка относятся к лицам, имеющим естественно-научное и техническое образование. Уровень образования оказывает воздействие также на использование русского языка при чтении политической и специальной литературы, менее выражено оно при чтении художественной литературы и газет.

Различия же таковы: в сель-

ской местности русский язык является в большей степени источником информации и постигается в письменной форме, а для живущих в городе он, помимо этого, выполняет также функции средства межнационального общения и совершенствуется в практике устной речи. Чем дольше пребывание казахов в городе, тем больше выражена склонность к использованию русского языка в производственной деятельности; у казахов же сельской местности наблюдается иная картина: чем дольше их пребывание в селе, тем шире функционирование казахского языка и т. д.

В пятой главе рассмотрены функциональные особенности русских вкраплений в казахские художественные тексты, используемые как прямое отражение двуязычных ситуаций, как средство интимизации, создания национального колорита, как прием, отражающий экспрессию иноязычности и т. д.

В заключение авторы делают вывод о том, что значение русского языка как средства межнационального общения за последние годы возросло, при этом «роль казахского языка в целом не спизилась, а наоборот, он все активнее используется в интеллектуальной сфере, особенно как средство массовой информации, как язык художественной и политической литературы».

Нет сомнения в том, что М. М. Копыленко и С. Т. Саина подготовили интересный и полезный труд, являющийся заметным вкладом в развитие социолингвистики в Казахстане.

Ф. Ф. АЛИЕВ
Алма-Ата

ДУШАН ОТКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

О стиле Тимура Пулатова

Узбекский писатель Тимур Пулатов принадлежит к многочисленному отряду советских писателей, которых называют национальными русскоязычными писателями. Его имя ставят рядом с именами Чингиза Айтматова, Владимира Санги, Юрия Рытхэу, Иона Друцэ, Виктора Козько, Сатимжана Санбаева, Рустама и Максуда Ибрагимбековых, Леонида Гурунца, т. е. тех авторов, которые представляют литературу своего народа, творя на русском языке или переводя свои произведения с родного языка на русский. К слову сказать, на современном этапе развития советской многонациональной литературы авторский перевод оценивается самими писателями как «пересоздание», но отнюдь не как буквальное следование тексту оригинала.

В последнее время писатели — представители разных народов нашей страны — часто выступают в печати, рассказывая о роли русского языка в их творческой судьбе, о его значении в процессе взаимодействия национальных культур и языков. Одно из самых интересных выступлений на эту тему принадлежит Тимуру Пулатову. В своем высказывании Пулатов ссылается на произведение Чингиза Айтматова «Белый пароход» и пишет так: «Когда национальное мышление, в котором «отпечатался» свой родной

язык, его ритм, структура, интонация, выражается в творчестве посредством русского языка, не происходит ли в этот момент взаимное обогащение языков — своего родного языка, языка рождения, детства, называния окружающего мира, и языка русского, который писатель избрал языком своего творчества? Ведь если писатель создал такое значительное произведение, как «Белый пароход», на русском языке, он все равно выразил через него тот мир, который он узнавал и открывал для себя на родном языке и который перешел потом, как его национальное мироощущение, в его сознание. И тем самым он обогатил и мир своего родного языка, мир своей национальной жизни (см. Литературное обозрение, 1976, № 8).

*

Творчество самого Пулатова — яркое и убедительное свидетельство возможностей художественного национального отображения жизни средствами русского языка. Но это отображение, хотя и отчетливо улавливается читателями, не всегда бесспорно и определенно устанавливается в области языка как формы произведения.

Действительно, когда говорят о русскоязычном творчестве авторов из национальных республик Советского Союза и о способах выражения ими национально-специфического начала, которое во многом обуславливает индивидуальный стиль, то прежде всего обращают внимание на лексику языка, родного для писателя. Лексика из самых разных языков народов СССР вводится в текст произведения для обозначения предметов местного быта, понятий традиционной культуры, географических объектов и т. д. Очень часто ее роль не ограничивается «называнием» предмета, вещи, явления — национальное слово в русскоязычном произведении приобретает дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки. Оно помогает глубже осознать и понять историю того или иного народа, его трудовую деятельность, условия жизни на разных географических широтах. Слова национального языка вводятся авторами не механически, они активно взаимодействуют со всем русскоязычным строем произведения. О таком использовании национальной лексики мы уже говорили, обращаясь к творчеству северных писателей Владимира Санги и Юрия Рытхэу (см. журнал «Русская речь», 1979, № 5 и 1980, № 5).

Для Тимура Пулатова использование лексики узбекского или таджикского языков, двух языков его детства, не столь характерно, как для других авторов. Правда, в его повестях и романах встречаются отдельные «вкрапления», которые связаны с обозна-

чением традиционных обычаев, но которые тем не менее имеют замены в русском языке. Следует отметить, что, как правило, писатель употребляет слова, широко распространенные вообще в Средней Азии. Эти лексические единицы вводятся как бы между прочим, автор не заостряет на них внимания читателей и в последующем изложении пользуется обычно русским словом. Например: «Вечерами уже хор мальчиков пел в тупике (...) был сентябрь, месяц рамазан. Весь длинный сентябрь слушал он, как хор этот (...) пел, переходя от порога к порогу и приближаясь к их воротам» (Хор мальчиков).

Какие же индивидуальные черты стиля писателя проявляются при воспроизведении им национального мира?

Обратимся к уже цитированной повести «Хор мальчиков», которая занимает важное место в творчестве писателя: здесь, как отмечал сам автор, показано усвоение ребенком двух языков в семье — узбекского, языка отца, и таджикского, языка матери и бабушки. Использование их приоткрывает отношения между взрослыми членами семьи, отношения, далеко не простые, которые маленький мальчик по имени Душан не может пока до конца понять: «Часто прислушивался он к тому, как одну и ту же вещь или одного и того же человека, скажем, его самого, по-разному называла бабушка, говорящая по-таджикски, и отец, когда беседовал он с дедушкой из деревни по-узбекски. Думал, что стоит, наверное, о чем-то сказать по-таджикски, как оно тут же напугает, смутит: ушиб, боль, смерть. А если по-узбекски — успокоит, порадует. И наоборот, «снег», «свет», «игра», сказанные по-узбекски, разозлят, а по-таджикски — вызовут восторг».

Мало кто из писателей в русском тексте произведения рискнет использовать слово *деревня* для обозначения узбекского селения: ведь в русском языке есть такие заимствования, как *аул*, *кишлак*. Но для Пулатова, как уже говорилось, национальная лексика играет даже не второстепенную, а третьестепенную роль. Ему важен показ «изнутри» мира — маленького или большого, — о котором он пишет.

Герою повести, Душану, мир раскрывается постепенно: от его кровати — к комнате и к предметам в ней; от комнаты — к дому и Сказкам Попугая, этому древнему сборнику восточных сказок, автором которого был живший в XIII веке Нахшаби; от дома — к винограднику... И постепенно, шаг за шагом, вместе с Душаном этот путь проходит читатель. Читатель идет рядом с героем повести, и потому все окружающее предстает в своей повседневности и, одновременно, в своей необычности, в своей временной непознанности. Но необычность преходяща. Не случайно главным, основным понятием мира Душана является *тайна*. Самое, казалось бы, обыч-

ное еще не стало для него обыденным. Слово *тайна* выступает как центральное не только для отдельных отрывков, но и для всей повести: в ее содержании пересекаются и преломляются вещи, явления и действия, которые и составляют пока еще такой ограниченный мир мальчика: «Вот эти окна и входная дверь еще каждый раз предлагали новые картины, и уже само их движение было сигналом предстоящего разнообразия: через дверь приходили к нему родные, неся нежность, ласку или порицание и недовольство, чужие люди, а их приход тоже означал какую-то перемену в общей атмосфере комнаты — долгое чаепитие, шепот, жалобы на жару и махание веерами. И все это имело для него какой-то *тайный* смысл, загадку, которую так и хотелось поскорее разгадать (...) все живое и неживое нуждается в защитной дымке *тайны*, какой были сейчас окружены темная смежная комната или же музыкальный сундук».

«Тайна» становится качеством вещей и предметов. Детское воображение превращает неодушевленные предметы в одушевленные, и эта способность к бесконечным метаморфозам, в понимании Душана, является свойством вещей: «(...) в темноте его иногда снова, как прежде, пугал шкаф, когда он вдруг скрипел от проезжающей по узкой их улице машины, дрожала земля, и дрожь эта через стены и двор передавалась и сюда, в комнату. Казалось, шкаф, мертвый и неподвижный, ожил, и это его качество одушевляться *тайно* и пугало Душана». Растения тоже существуют не сами по себе, а по соглашению с людьми, у них есть свои мысли и чувства: «Рядом с кроватью во дворе стоял в кадке куст олеандра, всегда зеленый и пыльный (...) Казалось Душану, что и олеандр много знает, все слышит и запоминает...». У растений могут быть свои секреты, в зависимости от которых находятся в какой-то мере люди: «*Тайной* виноградаря была его магическая власть над всеми, власть невидимая, не названная, оттого и не разгаданная пока Душаном. Он только видел: стоило виноградарю раздеться, сбросить со своих лоз прошлогодние листья и войлок, как все в доме, словно подражая ему, тоже снимали с себя зимние одежды, вдруг ставшие тяжелыми, пахнущими едой и пылью, и тоже одевались легко, во все белое и чистое».

Познание окружающего мира ребенком, по замыслу автора, в значительной степени определяется словами в их функции названия предмета и явления. Как видно из приведенных примеров, Пулатов прибегает главным образом к описательным приемам, синтаксическую особенность которых составляет обилие сложных предложений, включающих определения, следующие за определяемым существительным («шкаф, мертвый и неподвижный», «куст олеандра, всегда зеленый и пыльный», «власть, невидимая и не

названная»). Иногда Пулатов отталкивается от реплики своего героя и затем возвращает читателя к его мыслям и переживаниям, выступая как комментатор того, что думает и чувствует Душан: «— А сколько их, слов? Столько, сколько вещей? — спрашивал он, ибо по-прежнему казалось ему, что вещи сами по себе не существуют, а возникают они тогда, когда названы. Стоит найти такое слово, которым можно было бы назвать *тайну*, что скрывается в темной смежной комнате или в музыкальном сундучке, как *тайны* этой не будет».

Представления о языке в его номинативной функции, в его способности обозначать прочно связывается у героя повести с признаком одушевленности, и по этому признаку создается своеобразная антитеза слов и цифр: «Их четверо (Амон тоже со взрослыми), а он один — так делилась в часы ссоры семья, большинство и меньшинство (...) „Одинокий“ — было произнесено им слово, и слово это ранило его... не то что цифра „1“ (...) „1“ было пустым звуком, бессмысленным начертанием, линией холодной — вот почему он не запоминал цифры и не любил их за ненужность. Ведь в самом деле, как отличается цифра „1“ от слова „один“, хотя, казалось бы, выражают они одно и то же и имеют одинаковый *тайный* смысл. Он чувствовал, что только к живому применяют слово „один“, а когда оно умирает, то в ход идет цифра, как ярлычок».

Постижение «тайны» часто идет через ознакомление с традиционными национальными обычаями, главной хранительницей которых выступает бабушка. Однажды в семье речь заходит о том, что человек имеет два имени — это само по себе загадочно для младшего поколения, для Амона и Душана, потому что непонятно. В репликах бабушки слово *тайный* отнесено ко второму имени человека, но одновременно автор переключает этот признак на персонаж: «— Человек долго не знает своего *тайного* имени, он только чувствует, что имя, которое он называет всем, не есть подлинное. *Тайное* свое имя он узнает вдруг когда-нибудь, чаще перед смертью... — увлеклась бабушка, и, казалось, то, о чем она никогда не говорила, и было ее *тайным*, подлинным разговором».

Посредством переходов от прямой речи к косвенной осуществляется не только авторский комментарий: прямая речь является, как правило, внешней и оптимально сжатой формой мысли — косвенная же речь углубляет психологический анализ и расшифровывает то, что не выражено до конца в репликах персонажей: «— Скажи, а как имя мамы? — шепнул Душан, и Амон тут же пододвинулся к нему и жарко задышал ему в лицо. И они зашептали, глядя друг другу в глаза, словно в спокойствии другого искали себе утешения и мужества, ибо чувствовали, что пробираются к

еще одной *тайне*, а какова она, эта *тайна*, когда раскроется, жуткая или забавная, было для них тревожной загадкой.

И вправду, оба они не знали до сих пор, как зовут их родителей. Отец, когда обращался за чем-то к матери, окликал ее: «Мать Амона...» — и ни разу не назвал ее по имени, так же говорила с ним мать, храня в ответ и его имя в *тайне*, и даже когда говорила с бабушкой об отце, то непременно: «Отец Амона».

Это же понятие и слово, его обозначающее, распространяется на описание национального речевого этикета, который поддерживается в доме: «(...) всегда в воскресенье приходил какой-нибудь гость, и все вставали, приглашая его на фруктовый завтрак.

— Благословенно, благословенно,— говорил гость, кланяясь всем. И все тоже кланялись ему, не замечая великодушно комизма: ведь когда пятеро кланяются одному, то этот один должен чувствовать себя, по меньшей мере, принцем. Но это был не принц, просто робкий сосед (...) Спрашивать открыто, все ли у вас дома хорошо,— недостойно, словно благополучие, узнанное и названное, может быть украдено, и посему все должно храниться в *тайне*».

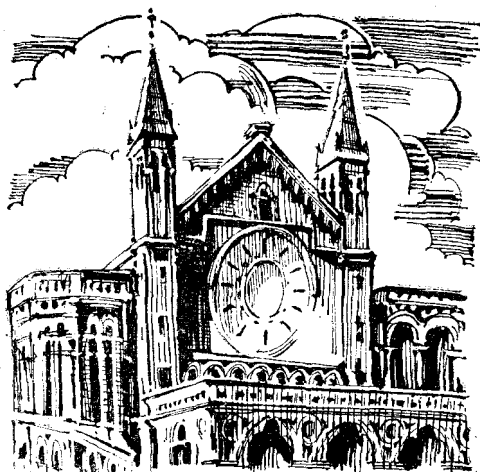
В повести Пулатова слово *тайна* бесконечно меняет свои облики, проходит целый ряд превращений, подобно тому, как меняются представления его героя, по мере того, как раздвигаются пределы окружающего его мира. Смысловая и содержательная емкость этой лексической единицы в тексте приводит к тому, что ее частотное использование не воспринимается как тавтология, как формальное повторение. Этому способствуют грамматические изменения понятия: оно передается не только «свободным» использованием существительного *тайна*, но и его употреблением в составе устойчивого сочетания («хранить в тайне»), в составе метафорического оборота («защитная дымка тайны»); оно выражено определением («тайный смысл», «тайное имя»), наречным образованием («одушевляться тайно») и субстантивированной формой («тайное»).

*

Конечно, автор воспроизводит национальный мир, родной для него самого, для его персонажей и для его героя. Но вместе с тем он приходит к обобщению, при котором сглаживаются и национальные и возрастные различия. В этом обобщении, переданном через прямую речь персонажа, отца Душана, выражено человеческое и творческое кредо писателя: «— Серо и скучно было бы так жить, ...если бы все шагали по одним и тем же следам. Каждый хочет пробираться через повое и *тайное*, а это и есть смысл и его судьба».

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

Рисунок В. Толстого

«РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» В ИНДИИ

В Индии, в городе Хайдарабаде вышел первый номер нового научного журнала «Russian Philology» («Русская филология»). Он издается отделением русского языка Центрального института английского и иностранных языков (ЦИАИЯ), который является главным учреждением в своей области для всей страны.

Периодичность журнала еще не объявлена. Очевидно, издание находится пока на стадии эксперимента, поиска. Отсюда подзаголовок «Occasional Papers», что примерно означает «непериодическое издание». В объявлении от редколлегии, приложенном к номеру, научный диапазон журнала охарактеризован так: «Русская филология» принимает научные статьи по всем аспектам русского языка, русской литературы и методики их преподавания... Редколлегия будет также рада информации о планируемых семинарах, конференциях и т. д. Можно присылать краткие сообщения о важных событиях, связанных с изучением русского языка и литературы в Индии». В этом же объявлении, в частности, сказано: «Будут приниматься рукописи на русском и английском языках». Весь первый номер составлен из статей и материалов на русском языке. Вероятно, мы не ошибемся, если скажем, что это первый журнал на русском языке, издаваемый в Индии самими индийцами.

Главный редактор журнала — нынешний заведующий кафедрой русского языка ЦИАИЯ Дж. П. Димри. Он получил традиционное индийское лингвистическое образование, а с 1969 по 1973 год учился в аспирантуре филологического факультета МГУ и защитил диссертацию по сопоставительной грамматике русского языка и санскрита. Члены редколлегии Камакши Баласубраманиан,

Дж. В. Пол и Винай Тотавар — сотрудники кафедры и тоже учились в Москве.

Журнал открывается статьей В. Сингха, специалиста по русской литературе, — «Воздействие первой русской революции на идейно-художественную систему Л. Толстого». И по серьезности поставленных задач, и по глубине осмысления художественных творений Толстого («Живой труп», «После бала», «Хаджи Мурат»), и по уровню филологической культуры статья В. Сингха представляет большой интерес. Опираясь на традиции советского толстоведения, автор вносит свой вклад в понимание того, сколь существенным было значение революционного движения начала 900-х годов для формирования социально-нравственного идеала положительного героя Толстого. Чрезвычайно важно, что индийский литературовед отвергает несостоятельную концепцию «раздвоения» Толстого на художника и мыслителя и рассматривает его деятельность данного периода в системном единстве идейного и художественного. Такой подход позволяет В. Сингху проследить, как идеи неучастия, проповедь ненасилия, ненависть к деспотизму становились определяющими в судьбе героев Л. Толстого.

Несомненный интерес и большую практическую ценность имеет и статья Г. Н. Прасад: «Фразеологизмы русского языка модели „глагол+существительное“... (опыт семантического анализа)». Хорошо известно, что фразеологизмы представляют одну из самых больших трудностей при изучении иностранного языка. И даже помощь специальных фразеологических словарей не исключает ошибок и неточностей в выборе фразеологизма-эквивалента. Предпринятое Г. Н. Прасадом сопоставительное изучение фразеологизмов двух разных языков, относящихся хотя и к узкой, но очень важной семантической группе, решает две серьезные задачи, выявляя семантику и структуру фразеологизмов обоих языков и служа целям лексикографической разработки их в двуязычных словарях. В решении главной задачи — дать правильную ориентацию в возможностях выбора нужного и самого близкого эквивалента — автор следует советской лингвистической школе. Исследуя фразеологизмы по семантическим группам (всего 35 значений), автор не только описывает устойчивые выражения обоих языков, но и выявляет фонетическую, лексическую, словообразовательную и синтаксическую специфику их перевода, что позволяет ему сделать важные практические рекомендации по методике преподавания русского языка и хинди, принципам составления двуязычных словарей и особенностям перевода с русского на хинди и наоборот.

Рубрика «Материалы и сообщения» представлена двумя работами. В первой из них («Словосочетания в русском языке»)

Р. С. Багга интерпретирует понятие словосочетания в его отношениях к понятиям слова и предложения и определяет словосочетание как самостоятельную синтаксическую единицу в составе предложения. Вторая («К вопросу об отборе и презентации страноведческого материала об СССР», автор Р. Н. Менон) — содержит ценные рекомендации по составлению учебников русского языка для индийцев.

В разделе «Рецензии» помещен отзыв Е. И. Ивановой о «Русской грамматике» АН СССР (1980); «Хроника» сообщила о семинаре индийских преподавателей русского языка, проходившем в феврале 1982 года в Хайдарабаде.

Итак, первый номер «Русской филологии» продемонстрировал возрастающий интерес к изучению русского языка в Индии и высокий научный уровень индийских русистов. Хочется поздравить редакцию журнала с удачным началом и выразить надежду, что «Русская филология» станет международно признанной трибуной русистов-словесников.

Л. И. САРАСКИНА

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что изучает прикладная лингвистика?»

А. И. Корнев, Львов

Прикладная лингвистика — направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка. Традиционными прикладными задачами языкознания являются: создание и совершенствование письменностей, создание систем транскрипции (точной записи) устной речи, систем стенографии, систем письма для слепых, повышение скорости типографского набора на основе рационального использования свойств языка, унификация научно-технической терминологии, создание и изучение развития искусственных языков и т. п. Прикладная лингвистика рассматривает не только методы решения указанных задач человеком, но также и автоматами — электронными цифровыми вычислительными машинами. В связи с этим употребляются также термины «вычислительная», «инженерная», «автоматическая» лингвистика.

СТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ в языковой культуре народа

К выходу в свет 10-го выпуска
«Словаря русского языка XI—XVII вв.»

Словарное дело составляет существенную часть национальной истории и культуры любого народа и языка. Историческая лексикография — важная, хотя, может быть, в широких читательских кругах менее других известная, область языковедческой деятельности, общей словарной работы. Вряд ли такое положение можно признать нормальным. И вот почему. Исторический словарь — это память языка, история составляющих его слов, описанная в алфавитном порядке и систематизированная для изучения и освоения. А ведь история, исторические знания вообще — это основа любой культуры, сердцевина гуманистических знаний. Через века доносят до нас слова прежних эпох дела и помыслы наших далеких предков.

Ф. И. Буслаев в своей известной книге «О преподавании отечественного языка» писал так: «Об языке должно сказать то же, что о народных исторических песнях... Как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер, так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницей всей прошедшей жизни нашей». Такими же подлинными сокровищницами «всей прошедшей жизни нашей» являются исторические словари, и в этом смысле их значение в языковой культуре народа трудно переоценить.

Из всех историко-лексикографических трудов наибольшую известность получил у нас словарь И. И. Срезневского, который вышел первым изданием в 1893—1912 годах под названием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». В трех (большого формата) томах этого словаря содержится около 40 тысяч слов из памятников русской письменности XI—XIV веков. Их толкования сопровождаются большим количеством выдержек-цитат из древних текстов. Патриарх русской исторической лексикографии, словарь Срезневского сохранил свое значение и в наши дни. Ведь, по мысли ученого, он должен был стать (да и фактически стал) «сокровищницей языка, памятни-

ком быта и образованности народа, насколько они выражаются в языке».

Второе издание словаря уже в наше время (в 1958 году) в известном смысле положило начало новому этапу русской исторической лексикографии, изданию памятников письменности. Развернулась работа над историческими и этимологическими словарями. В Институте русского языка АН СССР был создан сектор лингвистического источниковедения и издания памятников письменности. К этому времени был накоплен значительный историко-филологический материал, который и позволил приступить к новой фундаментальной лексикографической работе с более широким временным охватом русской лексики.

С 1975 года стали выходить выпуски (тома) «Словаря русского языка XI—XVII вв.». Создание его Картотеки началось в 1925 году и было связано с именами таких известных языковедов, как А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский и др. Выпуски с 1 по 6 (буквы А—И) появились в 1975—1979 годах (главный редактор С. Г. Бархударов, редактор Г. А. Богатова); выпуски с 7 по 9 (буквы К—М) вышли в 1980—1982 годах (главный редактор Ф. П. Филин, редактор Г. А. Богатова). В настоящее время главным редактором Словаря является Д. Н. Шмелев.

«Словарь русского языка XI—XVII вв.» включит в себя более 100 тысяч словарных статей, причем половина из них будет относиться к XVI—XVII векам, то есть по существу впервые получит лексикографическую обработку и описание. Цифры тут очень показательны. Картотека Словаря, хранящаяся в Институте русского языка АН СССР в Москве, базируется на обширнейшем материале источников и сама по себе представляет огромную ценность для исследователей. Список источников включает около двух тысяч наименований, а некоторые из них, в свою очередь, являются многотомными изданиями.

Среди документов, на которые опирается Словарь, — многочисленные литературно-художественные произведения древности, нравственно-культовые памятники письменности, тексты общественно-политического или делового назначения, а также грамотки и письма, отражающие народно-разговорную речь прошлых эпох. Тексты различны по жанрам и происхождению (свои и переводные), они были составлены в разных краях древнерусского государства.

Тяжек и непрост труд лексикографа-историка. Ведь ему постоянно приходится иметь дело с монолитной нерасчлененностью уставного письма XI—XIII веков, сплошными строчками полуустава XIV и XV-го, затейливой вязью скорописи XVI—XVII ве-

нов... Кстати, фрагменты из письменных памятников фототипически воспроизводятся на форзадах каждого тома и составляют в совокупности интереснейшую и уникальную хрестоматию древних русских текстов.

Но мало выделить слово из древнерусского текста: надо определить его значение (круг значений), описать изменение смыслов во времени, соотнести слова с реалиями (вещами, ими обозначаемыми), давно вышедшими из употребления и прочно забытыми. А каким нужно быть экономным и точным в отборе иллюстративного материала! Достаточно сказать, что в среднем лишь одна из 60 цитат Картотеки попадает на страницы Словаря. Впрочем, это вполне понятно: иная постановка дела привела бы к необозримости сроков издания.

Каждая словарная статья — это небольшое исследование по истории того или иного слова. Задача составителей состоит в том, чтобы установить «нижнюю» (более древнюю) и «верхнюю» (позднюю) границы фиксации слова или отдельных его значений, сделать их своеобразную историческую проекцию. Для всего этого нужны прекрасные знания объекта, время на поиск, умение и труд.

В этом Словаре «Материалы» И. И. Срезневского не только расширяются и дополняются, но и уточняются. А некоторые слова «удревняются» на несколько веков! Так, прилагательное *миндальный* датируется теперь XV веком (у Срезневского для него отмечен XVII в.). Из XVIII века (Петровская эпоха) к XVII-му отнесены теперь такие слова, как *кандидат* (1674), *категорически* (1658), *квадрат* и *кодрат* (1649), *коллегия* (1621), *комендант* (1628), *компас* (1696), *конституция* (1658), *корпус* (1675), *кофий* (1653).

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера первые фиксации слов *империя*, *император*, *инспектор*, *инструмент*, *инструкция* отнесены к началу XVIII века (вслед за Н. А. Смирновым, см. его книгу «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». СПб., 1910). Между тем слова *империя* и *император* встречаются в сочинениях князя Курбского (писки XVII века); *инспектор* и *инструмент* зарегистрированы в текстах 1679 года; *инспектор* отмечено в юридических актах 1680 года, а *инструкция* — в актах 1656 года.

В целом «Словарь русского языка XI—XVII вв.» на обширном материале показывает, что приобщение русского народа к общеевропейской культуре, практически никогда не прерываясь, проходило заметно и широко задолго до петровских преобразований, которые как бы завершали и закрепляли этот процесс, давали ему новый толчок и стимул. Словарь содержит важные сведения

о внешних связях древнерусского государства, отражает его широкие языковые контакты. По данным Словаря можно проследить, как изменялся орфографический облик (а видимо, и произношение) заимствованных слов при их освоении русским языком. Например, написание слова *инженер* на протяжении 30—80-х годов XVII века менялось так: *ингениоръ* (1631) — *инжиперъ* (1647) — *инъженѣръ* (1663) — *инженѣръ* (1683).

В Словаре широко отражается историко-культурный фон эпохи. Характерно и показательно в этом смысле отношение наших предков к книге, к письменности вообще, к «почитанию книжному». Бережное обращение с книгой воспитывалось (и весьма строго) с малых школьных лет. Ученику запрещалось, например, перегибать книгу по корешку, оставлять между ее страницами указательную деревянную палочку и т. п. Что касается работы писца (переписчика книг), то она всегда почиталась как особо важная. Обширным был сам круг чтения образованных людей русского государства: это и ученые книги по богословию, и книги по космологии (астрономии), по географии и этнографии («описание земель и правов разных народов»), по сельскому хозяйству, ремеслам и мн. др.

О высокой ступени развития письма, жанров письменности и делопроизводства свидетельствуют, в частности, материалы словарной статьи *Грамота*. В ней к 4-му значению слова «деловой документ, акт (грамота)» приводится более 130 названий письменных актов, документов — по цели их создания, характеру, свойству и т. п. И сам этот список, конечно, далеко не исчерпывающий, поскольку подобные названия объясняются и иллюстрируются примерами в статьях на соответствующие прилагательные: *вечная г.*, *вольная г.*, *доправная г.*, *затворёная г.*, *купная г.*, *златопечатная г.* и мн. др.

Интересна и по-своему показательна судьба слова *библиотека*, прослеженная по Картотеке Словаря. Это слово относится к числу интернационализмов общекультурного фонда, вхождение которых в русский язык прямо связано с переводческой деятельностью на Руси. В русских текстах и словарях до XV—XVI веков слово *библиотека* встречалось обычно лишь вместе с «переводами» — *книжный дом*, *двор печатных книг*, *книгохранильня*, *книгохранильница*, *книгохранительница*, *книжница* и т. п. Постепенно «переводимое» слово *библиотека* в связи с частым употреблением в словарях (азбуковниках) стало фактом языка и закрепились — уже без всякого перевода — в общем употреблении.

Описание слова во многих случаях предполагает включение в его определение лаконичного комментария культурно-исторического характера. В словарной статье *Лукоморье* указаны два ос-

новных значения: 1. Морской залив, бухта; 2. Берег вдоль морского залива, излучины. Кроме того, как географическое понятие *лукоморье* обозначало побережье и заливы Азовского моря. Наконец, обобщенно — это заливы и бухты на пути в Средиземное море через Мраморное и Эгейское, а также и само Эгейское море. Вот сколько конкретных реалий было в старину у современного сказочного *Лукоморья*!

Из Словаря мы узнаем, что *лапша*, например, могла быть и *гороховой*, что *зеркало* первоначально представляло собой тщательно отполированный диск из металлических сплавов (отсюда и сочетание *зеркала булатные*) и т. п. Слово *знамя* на протяжении XI—XVII веков могло обозначать не только «стяг, полотнище», как теперь, но еще и «знак, метку», и «родинку», и «клеймо», и «подпись, печать», и «документ с печатью» (например, церковное разрешение на брак), и «герб», и «воинское соединение»...— приводится 13 значений.

Словарь наглядно показывает, что для разных эпох в русском языке существовали свои системные отношения, свой круг синонимии и антонимии, свои связи культурно-исторического характера. «День *гнулся* в навечерие»,— говорили наши предки в XIII веке. «День *склонялся* к вечеру»,— скажем мы теперь. *Вдох* в XVI веке был *вдыханием*, а *выдох* — *издыханием*. *Погружение* так и было *погружением*, а вот его антонимом было *возгужение* (современное *всплытие*). В Словаре запечатлены и своеобразные лексические «потери» русского языка на протяжении векового развития. Например, к мужскому *младенец* (единственному у нас) для XVI века зафиксирована *младеница* — о девочке. Наряду с *бескормицей* существовала в старину и *безводица* (современное *засуха*) и т. п.

Словари исторического типа не только углубляют знания в истории русского языка: они делают осознанным наше владение современным русским языком и его нормами. Они объясняют истоки слов, их структуру, смысловые превращения, пынешнее нормативное употребление.

Современное *сухое вино*: что это за невидаль такая?— задаются вопросом иные ревнители логики языка в наши дни. Может ли жидкость быть сухой?

Оказывается, в старину *сухим* называли любое вещество — жидкое или твердое, если оно не имело примесей в своем составе. Широко известно было в древнерусском языке выражение *сухое золото*. Так называли чистое, самородное, беспримесное золото, которым имели высокое право одаривать своих подданных или иноземных гостей великие русские князья.

Исторический словарь легко объясняет вековую устойчивость

ударения в слове *кѹпорить* (и его производных) на слоге *-кѹ-*: *кѹпорить*, *закѹпорить(ся)*, *закѹпорка*, *закѹпоривание*, *откѹпоривание* и мн. др. В Этимологическом словаре М. Фасмера наименование *кѹпор* «бондарь» (откуда и *кѹпорить* «закупоривать, бондарничать») возводится к английскому *sooper* «бондарь» или средненижнемецкому *kirer* с тем же значением. Местом первой фиксации (вслед за Н. А. Смирновым) назван у Фасмера «Устав морской» 1720 года. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» приводит слово *кѹпарь* «тот, кто затыкает, заделывает щели в бочках, бондарь», датируя его 1673 годом. А вот глагол *кѹпорити* «затыкать, заделывать щели в бочках» отмечен в нем еще раньше — под 1659 годом.

Мы теперь забыли и *кѹпора* и *кѹпаря* (у нас есть *бондарь*), но именно от них, надо полагать, устойчиво сохраняется нормативное ударение в производных именах и глаголах и в течение нескольких веков противостоит просторечной стихии, стремящейся перенести ударение в этих словах на слог *-пор-*.

Словари исторического жанра по-настоящему, в полном смысле этого слова, можно читать — с любого тома и с любой словарной статьи. В этом состоит еще одна их важная культурно-ценностная особенность. Такой словарь располагает заинтересованного читателя к внимательному, последовательному прочтению, обдумыванию его статей и иллюстративных материалов. Ведь только так и можно выявить внутреннее развитие смысла слова на протяжении семи веков. Только тогда за историей слов встанет история употреблявшего их народа. «Одно лишь сравнение словаря языка в разные эпохи дает возможность представить характер прогресса народа», — писал французский просветитель-энциклопедист Д. Дидро.

Может, по-видимому, возникнуть и такой вопрос: а какова реальная ценность закрепленной в письменности информации о значении и употреблении слов и выражений на протяжении целого ряда веков? Не слишком ли разнороден материал, который и сам к тому же мог изменяться во времени?

Скажем сразу, что для такого скептицизма нет никаких оснований. Особенность словарной (и вообще письменной) фиксации состоит в том, что для исконной лексики языка (древнейшего ее пласта) история слов свершается в целом еще в дописьменный период, а письменность, как полагает О. Н. Трубачев, «застигает слово уже в состоянии относительного покоя».

«Словарь русского языка XI—XVII вв.» показывает, как прочно сохраняется вся основная лексика, как медленно изменяется значение слов, частота употребления тех или иных форм, как скупо отбираются временем новые средства выражения. Подсчи-

тано, например, что лишь 14 процентов корней по сравнению с древнерусским периодом можно считать отжившими. Остальные, видоизменяясь по смыслу или по форме, соединяясь с новыми приставками и суффиксами, живут в русском языке по сей день. Этим-то и объясняется непреходящая ценность лексических данных древнерусского языка, их актуальное значение для современной национальной культуры.

И не случайно друг Пушкина поэт П. А. Вяземский в период становления русского литературного языка нового времени обращал свой взгляд к русским летописям как источнику книжных богатств, бесценным кладовым нашей речи. Он писал так: «Наш язык не приведен в систему, руды его не открыты... Не всякий имеет средство рыться в летописях, единственном хранилище богатств нашего языка, не всякий и одарен потребным терпением и сметливостью, чтобы отыскать в них то, что могло бы только дополнить и украсить наш язык».

Наша общественность внимательно следит за изданием «Словаря русского языка XI—XVII вв.». Выход в свет первого тома отметила газета «Правда» (1975, 11 февр.). Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Наш современник» (1982, № 1) сравнил подготовку этого Словаря с изданием Полного собрания русских летописей. А писатель Е. Осетров так охарактеризовал его значение: «Нет сомнения в том, что когда выпуск обширнейшего словаря закончится, мы получим наиболее полный отечественный свод того, что составляло речевую суть жизни пращуров» (Лит. газета, 1981, 25 марта).

Как и всякий большой лексикографический труд, «Словарь русского языка XI—XVII вв.» — это результат огромных усилий значительного коллектива ученых, плод их самоотверженности, преданности своему нелегкому делу и большой любви к родному русскому слову. В настоящее время Д. Н. Шмелев и Г. А. Богатова работают над очередными выпусками Словаря. Редакторы издательства «Наука» готовят 11-й выпуск. Редакторы отдельных выпусков (Г. Я. Романова и О. И. Смирнова) ведут работу по букве О. Авторский коллектив продолжает составление словарных статей на буквы С и Т...

Специалисты самых разных областей знаний уже сейчас опираются в своей работе на этот Словарь как на достоверное справочное пособие, а всякий пытливый и внимательный читатель может, как говорили в XVI веке, «разогнувъ книгу... и приникнувъ, и видевъ, яко зело къ нынешнему времени ключаемо». В этой живой связи времен видна неувядаемая мудрость векового опыта народа, непрерывность и вечность народной культуры.

Л. И. СКВОРЦОВ

Изучение культурных связей русского и немецкого народов на рубеже средних веков и нового времени отмечено недавно крупным открытием. В Дании была обнаружена и издана в 1967 году обширная рукопись русско-немецкого разговорника, составленного в Пскове в первое десятилетие XVII века немецким купцом Тониесом Фенне. Это уникальный и для своего времени самый значительный памятник языкового общения двух народов на ниве мирного сотрудничества. Структура и содержание разговорника были представлены в статье «Русско-немецкий разговорник XVII века из Пскова», опубликованной в журнале «Русская речь» (1982, № 3). Дальнейшее исследование позволило нам установить новые интересные факты плодотворного сотрудничества немецкого гостя с псковитянами, изучения им русского языка и составления разговорника. Предлагаемая статья рассказывает об истории создания разговорника и о самом его составителе Т. Фенне.

Тониес Фенне — один из многих западных купцов, живших в Пскове в первом десятилетии XVII века.

Что нам известно о нем? Родной язык Фенне — нижненемецкий, следовательно, он происходил из северной Германии. Любек — единственный немецкий город, упомянутый им в разговорнике, что может служить указанием на принадлежность Фенне к купеческой гильдии названного города. Молодой человек, превосходно

знавший торговое дело, выделялся и способностью к языкам: наряду с хорошим знанием русского он был знаком с польским и латинским языками.

Документы свидетельствуют, что в Пскове Фенне занимался торговлей, изучал русский язык и составлял русско-немецкий разговорник.

Но при каких обстоятельствах он приехал в Псков? Из каких побуждений изучал русский язык и составлял разговорник? Было ли это личное желание энтузиаста-одиночки или добросовестное исполнение давнего ему поручения?

На все эти вопросы попробуем ответить, привлекая материалы разговорника и факты истории того времени.

*

Пребывание Т. Фенне в Пскове, вероятно, явилось следствием усилий правительства Бориса Годунова в налаживании более тесных торговых и культурных связей России с Западной Европой. Царь Борис вынашивал намерение, на что указывает известный историк Р. Г. Скрынников, установить морскую торговлю через Ивангород на Нарове с ганзейским Любеком. Поощряя торговлю с Ганзой (нем. Hanse, торговый и политический союз северных немецких городов во главе с Любеком), царь предоставлял немецким купцам в России значительные льготы и свободу передвижения по стране. Этим правом пользовался и Т. Фенне. Из Пскова он выезжал в Ивангород и Нарву («Тому немчину ехать в Ругодиву»), Новгород («свези меня в Новаград, я в Новаграде побываю»), в Юрьев («Робяты, готовьте якорь. Мы завтра рано или к полуночи пускаемся на озеро, ветер ныне добрый к Юрьеву бежать»). Царь Борис заботился также об изучении иностранных языков детьми из дворянских семей и посылал нескольких юношей за границу «для науки разных языков», предварив этим известную практику Петра Великого.

Западные страны, в особенности Германия и Англия, проявляли в свою очередь большую заинтересованность в торговле с Россией. Ганзейское купечество пошло в этом деле дальше других. Оно понимало, что торговля с русскими не может вестись успешно и долговременно без достаточного языкового обеспечения ее. Для создания языкового понимания между торговыми партнерами и понадобился русско-немецкий разговорник, который, как увидим позже, было поручено создать Фенне. Кандидатура Фенне здесь не была случайной. Энергичный, хорошо образованный молодой человек, очевидно, выгодно выделялся в купеческой среде. До тонкостей зная торговое дело и обладая общительным харак-

тером, он быстро и легко наладил деловые и дружеские отношения с псковским купечеством. Жители города искренне полюбили его за честность в ведении торговых дел и верность данному слову. «Надобь торговать без обманки», «яз тебе пошлю, что яз тебе посулил»,— говорил Фенне и выполнял. Псковитяне не могли не оценить этого и отвечали ему взаимностью: называли ласково «милый немчина», приглашали в гости, просили — «не проезжай моего подворья», «пожалуйте, гостите у меня здесь да ешьте, пожалуйста, хлеб и соль», слали поклоны — «челобитье тебе прислал Иван» или «Иван тебе челом бьет, чтоб ты пожаловал, к нему пришел». Таким образом, деловые и личные отношения Фенне с жителями города сложились благополучно. Дружба с псковитянами и тесное деловое сотрудничество способствовали Фенне в овладении русским языком и в создании разговорника. Он ясно осознал: лучший способ усвоить чужой язык — это прямой, то есть живой контакт, общение с местными жителями. От них и с их помощью ганзеец перенимал русскую речь: «Прошу тебя,— записал он в разговорник,— приди и сядь возле меня и говори со мной». Но только этим путем невозможно достичь поставленной цели, потому как «иной человек так внятно не говорит (слова)»,— отмечает Фенне.

Тогда он находит среди псковитян знающего, добросовестного учителя и помощника. «Прошу тебя, любый отец,— сказано в разговорнике,— учи меня прямо говорить на вашем языке, да разъясни мне, прошу, русские слова...». Этот псковитянин, по возрасту намного старше своего ученика, был усердным и терпеливым учителем, относился к немцу по-отечески: «Яз тебе рад указать и растолковать прямо, как своему родному сыну, а ты возьми на ум, не забуди, что яз тебе указываю».

С его помощью Фенне научился самому трудному — писать по-русски и овладел сложной русской орфографией, морфологией и синтаксисом. Под диктовку он записывал русские слова и предложения, а учитель так усердствовал в обучении, что ученик однажды обратился к нему с весьма понятной просьбой: «Не мешай мне, коли я пишу».

*

Из разговорника выясняется, что псковитянин знал немецкий язык. «Нарядим заповедь,— просил его ганзеец,— промежи собой по-немецки не говорить». В этой просьбе засвидетельствовано, следовательно, что в Пскове начала XVII века среди русских были люди, которые владели немецким языком. Именно этот псковитянин со знанием немецкого языка был учителем, вдох-

новителем и помощником Фенне в составлении очень раннего, редкого русско-немецкого разговорника, специализированного на торговле. И это не случайно, потому что составить торговый русско-немецкий разговорник Фенне было поручено купеческой корпорацией Ганзы.

Исследуя содержание разговорника, нам довелось достоверно установить: Фенне направился в Псков с поручением от Ганзы «русскому языку научиться». Еще в Германии, в Любеке, была ясно и конкретно определена цель его интереса к русскому языку: «Зде(сь) я... почну писать русскою реч(ю) как надобе немчину с русином по-русски говорить». Торгуя в Пскове, он «и починал писать ту русскую книгу». По заказу, принятому на себя еще на родине, Фенне несколько лет добросовестно трудился над составлением разговорника. В 1607 году немецкий гость получил от своего хозяина из Любека письмо, о чем и записал в разговорнике: «Мой господин прислал мне грамоту... и велел мне домой ехать». К сентябрю Фенне в основном завершил рукопись и, таким образом, выполнил поручение своей гильдии. Тревожные события Смутного времени и польской интервенции с ее самозванцами ускорили его отъезд в Германию.

По пути на родину он задержался в Польше и возвратился в Любек к началу лета 1609 года. Об этом свидетельствует запись, сделанная им на первой странице рукописи: «Лета 1609, 9 июня я, Т. Ф., передал эту книгу Генриху Вистингхаузену», то есть прямому заказчику русско-немецкого разговорника. Желая отвести от себя возможное неудовольствие заказчика и гильдии (представленная рукопись давала к тому повод), Т. Фенне на том же титульном листе крупными буквами вывел: «Я написал хорошо, пусть другой напишет лучше».

Русско-немецкий разговорник, составленный в Пскове в 1607 году,— плод совместного труда немецкого гостя и его русского учителя. К сожалению, Фенне не оставил нам имени своего русского друга, который помог ему перекинуть мост через языковой барьер между Россией и Германией на заре нового времени, «вошел» в его труд, результатом которого явился замечательный памятник культурного и делового сотрудничества русского и немецкого народов.

П. И. ИВАНОВ

Псков

Рисунок В. Леонова

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ОТКАЗНЫХ КНИГАХ XVII ВЕКА

Отказные книги представляют собой рукописные памятники деловой письменности, в которых фиксировались так называемые отказы — наделение служилых людей поместьями и вотчинами в качестве жалованья за службу царю. Отказные книги составлялись также при купле-продаже земельных угодий, переходе их по наследству и т. п.

В течение XVII века такие книги появлялись на всей территории Русского государства, за исключением северных уездов, но особенно они характерны для Юга, что связано с массовой раздачей поместий служилым людям в этих окраинных местах с целью укрепления и защиты южных рубежей государства.

Отказные книги писались по определенному образцу. В начале книги указывались основания для отказа поместья (жалованная царская грамота, наказная память воеводы), затем назывался челобитчик и лицо, которому было поручено произвести отказ.

В основной части документа сообщались сведения о границах отказываемых владений, количестве пашенных земель, лесных угодий и т. п. Кроме того, отмечалось наличие жилых крестьянских дворов с перечислением проживающих в них крестьян. Учитывались даже пустые крестьянские дворы и бывшие их хозяева.

В конце книги приводились имена и фамилии присутствовавших «на отказе» понятых («детей боярских и всяких чинов людей добрых») и назывался писец. Таким образом, в содержание отказных книг вошел большой антропонимический материал, в частности, личные имена служилых людей, крестьян, представителей

феодалной верхушки (князей, бояр, стольников), духовенства и других социальных слоев населения Русского государства XVII века.

Отказные книги показывают, что в XVII веке на юге Русского государства представители всех сословий именовались в основном христианскими (календарными) именами, заимствованными русским языком из древнегреческого, древнееврейского и латинского после крещения Руси киевским князем Владимиром (988 г.). В книгах эти имена встречаются в полных формах (*Андрей Федоров сын Гридяев, Мигрофан Платонов сын Сменихин, Омелян Лоцной*) и уменьшительных (*Андрюшка Кобузов, Мирошка Раманов сын Подласиков, Амеляка Позняк*), реже — в сокращенных (*Ондрюша Берсенов, Омеля Очкасов*). Употребление имени в полной или уменьшительной форме во многом зависело от общественного положения именуемого лица, его принадлежности к определенной социальной группе. Так, представители феодалной знати, высшие чины царской администрации, помещики назывались, как правило, полными именами: боярин князь *Микита Иванович Адуевской*, осадной голова *Савелей Иванов сын Провиков*, стольник и воевода *Феофон Яковлевич Беленков*, голова московских стрельцов *Василей Иванов сын Логовчин*, казначей *Иван Богданович Камынин*, полковник рейтарского строя *Семен Семенов сын Скорняков*, думной дворянин *Леонтей Романович Неплюев*, окольный *Прокофей Федорович Соковнин*, помещик *Огей Серкин*, дети боярские *Григорей Познохирев, Федор Вислогузов*. Следует, однако, отметить, что в челобитных царю имена просителей, независимо от чина и знатности их рода, писались в уменьшительно-уничижительной форме. Например, в челобитной, поданной царю Петру I генералом Христофором Андреевичем Ригимоном и дьяком Дементием Белым, читаем: «Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Русии самодержцу холопи твои *Христофорко Ригимон Демжа Белой челом быют...*». При именовании лиц, принадлежащих к угнетенным сословиям (крестьян, дворовых людей и т. д.), употребляются, как правило, уменьшительные формы имен, реже — полные и сокращенные: крестьянской сын *Рамашка* Макеев сын Федорова, дворовой человек *Фатюшка* Васильев сын Князьков, деловой человек *Матюшка* Петров, задворный человек *Петр* Федоров сын Ломакин, крестьянин *Петруша* Беляев.

Низшие чины служилых людей (стрельцы, пушкар, рейтары и т. д.) записываются в книгах как уменьшительными именами, так и полными: стрелец *Федька* Вяземцев, пушкарь *Артюшка* Истратов, солдат *Данила* Авдеев сын Ментешин, козак *Иван*

Евтропьев сын Чиликин, рейтар Леон Степанов сын Корталов, драгун *Карпушка* Гуров сын Клецов.

Уменьшительными именами иногда называли несовершеннолетних детей помещиков: отказали недорослям *Микишке* да *Гришке* да *Хвильке* Очкасовым; отказали внукам его Дмитриевым Степановым детям Некрасова недорослям *Исачке* да *Панке* в поместье; за недорослем за *Петрушкою* Нозаровым.

А. В. Суперанская, рассматривая стилистическую окраску собственных имен в XVI—XVIII веках, отметила такую закономерность: если вне закона оказывался даже самый знатный человек, во всех документах записывали его имя в уменьшительной форме. В текстах двух отказных книг, которые были составлены в Кромском уезде до 1689 года (год заговора царевны Софьи против Петра I), дьяк Ф. Шакловитый назван в соответствии с его чином по имени (в полной форме), отчеству и фамилии: по челобитию дьяка *Федора* Леонтьевича Шакловитого; дьяка *Федора* Леонтьева сына Шакловитого. В книге, написанной в марте 1690 года, то есть после раскрытия заговора царевны Софьи, активным участником которого был Ф. Шакловитый, его имя употреблено уже в уменьшительной форме: вора и лукавого изменника *Фетькино* поместье Шакловитого, что он *Фетька* вымевял у подъячего Ивана Федорова.

Как видно из отказных книг, самыми распространенными христианскими именами в XVII веке и популярными среди разных сословий населения южных уездов были имена *Иван*, *Григорий*, *Василий*, *Семен*, *Афанасий*, *Петр*. Напротив, такие имена, как *Николай*, *Вонифатий*, *Нифонт*, *Фалалей*, *Аммос*, редко носили не только крестьяне, но и представители других социальных групп.

*

В качестве личных имен жителей южных уездов Русского государства XVII века выступали не только христианские календарные имена, но и некалендарные антропонимы, образованные от основ нарицательных слов: *Дружина*, *Замятня*, *Коротай*, *Ненаш*, *Неустрой*, *Нехорошей* и другие. О том, что это были имена, а не прозвища, говорит тот факт, что в составе многочисленных именовании они стояли на первом месте, как и календарные имена: *Горчак* Перфильев сын Ошихмин, *Кручина* Юрьев сын Папонов, *Томилко* Савельев сын Аушев. Данные отказных книг позволяют рассматривать некалендарные имена как личные еще и потому, что они встречаются в одном ряду с календарными именами при перечислении членов семьи: *Давыдка* Козночеев с

детьми с *Говрилком* да с *Мишкой* да с *Косолапком*; *Карник* Дедерин с племянники с *Васьком* да с *Корогайком*; *Никифорка* Семенов с детьми с *Молюткою* да с *Сомсонком* да с *Онтошкой*. Кроме того, от этих имен образовывались отчества, как и от календарных: Иван *Венюков сын* Уколов, Артемей *Неуструев сын* Павлов, Исак *Ширяев сын* Логочев.

Чаще всего лексическое значение основы некалендарного личного имени отражает отношение родителей к ребенку, их чувства и переживания в связи с его рождением (*Ждан, Любим, Нечай*), его характер и внешний облик (*Верещага, Лобан, Худен*), возрастное положение в семье (*Меньшой, Третьяк, Позняк*).

Интересные некалендарные имена встретились в отказных книгах, которые составлялись в XVII веке в Белгородском, Воронежском, Елецком, Курском, Мценском, Новосильском уездах (в настоящее время города Мценск и Новосиль — райцентры Орловской области, Елец — райцентр Липецкой области). На наш взгляд, знакомство с этими именами приоткрывает перед читателями новую страничку из жизни наших предков. Так, из курских отказных книг узнаем, что в XVII веке несли царскую службу в Курском уезде дети боярские *Дивей* Степанов сын Афремов, *Дунай* Изотов сын Зуборев, *Прокуда* Семенов сын Дорохов, *Сунбул* Степанов сын Ноздрин и другие. Личное имя *Дивей* можно рассматривать как разговорный вариант календарного имени *Див*, однако не исключено, что оно является некалендарным именем, которое первоначально мог получить человек в качестве прозвища, и связано по происхождению с прилагательным *дивий* — «дикий» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

По мнению М. Фасмера, имя *Дунай* происходит от названия реки. В Курском уезде это имя мог носить, по-видимому, выходец из мест, прилегающих к бассейну реки Дунай. Некалендарное имя *Прокуда* связано, вероятно, с отмеченным в южных и западных говорах нарицательным словом *прокуда* — «проказник, шалун, пакостник или бедокур» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка). В. М. Шукшин выбрал для главного героя киноповести «Калина красная» фамилию Прокудин не случайно. В значении нарицательной основы фамилии содержится указание на черты характера героя.

В Новосильском уезде жили в XVII веке помещики Алым Богданов сын Филонов, *Минай* Антонов сын Левшин, крестьянин *Бунак* Петров. Личное имя Алым, возможно, представляет собой вариантное написание календарного имени Алим, а может быть и связано с нарицательным *алым*, имеющим значение в рязанских и владимирских говорах «простак, простофиля, разиня, глуповатый человек» (по В. И. Далю). Имя *Минай* могло быть образовано от

календарного имени *Мина*, однако можно предположить, что существует связь между этим именем и встречающимся в современных рязанских говорах диалектным словом *минай*, которое употребляется в значении «забывчивый человек» (Словарь русских народных говоров. М., 1982). Некалендарное личное имя *Бунак* связано по происхождению, по-видимому, с глаголом *бунеть* — «гудеть, жужжать» (Словарь М. Фасмера).

В одной из воронежских отказных книг читаем, что свидетелем на отказе был сын боярский *Северук* Косматой. В курских и воронежских говорах *северук*, *северюга* — «угрюмый, суровый человек, ворчун, брюзгач, неприступный» (по В. И. Далю).

В елецких отказных книгах отмечены имена *Аран*, *Венюк*, *Горяин*, *Гостей*, *Кашира*, *Ломака*, *Плакида*, *Путила*, *Сенюк*, *Смага*, *Соловей*; в мценских — *Болыклей*, *Бычок*, *Волокита*, *Казарин*, *Коверя*, *Курдюм*, *Лотар*, *Медведь*, *Нагай*, *Незимай*, *Непогод*, *Петеля*, *Пинай*, *Пожидай*, *Поспел*, *Суторма*, *Сухой*, *Цынбал*, *Честной*; в белгородских — *Корман*, *Льгот*, *Семыка*, *Сигиней*, *Тугарин*, *Ширяй*.

Рассматривая связь некалендарных имен с нарицательной лексикой, необходимо помнить о том, что в процессе длительного языкового развития значение слова могло претерпеть существенные изменения. К тому же большинство нарицательных слов, от которых были образованы имена, имели не одно, а несколько значений. Поэтому о значении основ многих некалендарных личных имен, бытовавших в XVII веке, в настоящее время можно говорить только предположительно.

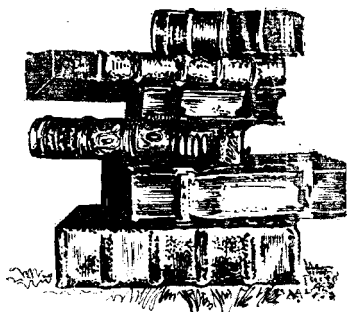
По данным отказных книг, употребление личных некалендарных имен в южных уездах Русского государства XVII века не было ограничено сословными рамками. Эти имена носили как крестьяне, так и представители других сословий. Они были в обиходе даже среди лиц духовного звания. Так, в елецких отказных книгах в качестве понятых засвидетельствованы никитский поп *Любим*, афанасьевский поп *Посник*, козмодемьянский поп *Дружина*; в курских-сергиевский поп *Нелюб*.

В отказных книгах, датированных концом XVII века, некалендарные имена в функции личных встречаются уже редко: они перешли в разряд прозвищ и фамильных прозваний.

Анализ личных имен в южных отказных книгах дает возможность дополнить имеющиеся сведения о составе и особенностях употребления этого класса антропонимов в XVII веке.

В. А. СТАДНИК

ЗАГАДОЧНЫЕ ЧИСЛА ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ

В древнерусском письме цифры по начертанию отличались от современных. Их было 27, и большинство из них совпадало по графике (начерку) с буквами, что создавало трудности для правильного прочтения текста и приводило писцов к невольным ошибкам. Разночтения в текстах могли, конечно, объясняться и другими причинами: и буквы, и цифры с течением времени теряли свой четкий рисунок, рукопись ветшала, появлялись стертости; да и само древнерусское письмо было достаточно сложным (особенно полуустав и скоропись, сравни рисунки). Но чаще всего исследователи древних текстов обнаруживают неточности в числах из-за внешнего сходства букв.

Академик Д. С. Лихачев в своей «Текстологии» (М.—Л., 1962, с. 61), отмечает, что «внешнее сходство букв особенно часто ведет к ошибкам в цифрах» (точнее — в числах, применительно к древнерусским текстам). Как показывают наблюдения, сходство букв вызывает ошибки в словах только тогда, когда можно одно слово принять за другое. Значит, похожие буквы должны быть в похожих словах, которые, в свою очередь, различаются именно этой буквой. Кроме того, случайная замена одного слова другим возможна при условии, если не искажается общий смысл текста.

В числовых обозначениях подобные условия не столь обязательны, чем и объясняется утверждение Д. С. Лихачева.

Устав (часть страницы Угличского евангелия конца XIII — начала XIV в.)

ДОУ. УТОЕСТЬТЕБЪ
УТІВГОСЛОВУ НАЛУТГІ
СЕЕСТЬОУЕНІКЪ СВѢ
ДѢТЕЛЬСТВОУІАНІО

недблшикх пошима, дн недблшикоу
 па счето. д. алтыны. д. побиюса
 на пошпожгъ. и на дшгхъ ствѣ.
 и на пражкой. и на штатѣ. и на поуѣ

Полуустав (из Судебника 1497 г.)

по а д с а т ф а с а ж к о в з а н в а с и л е н
 в а с и с а и п а а а а с м и н а м е н а з и н а
 с е с в а м о н а с т о р а з о т а е р и х п о н е м
 и н а и н о м е о т а с м и н о в о р о х а ц е

*Скоропись (из грамоты московского великого князя
 Василия Васильевича Темного середины XV в.)*

Характер описок при обозначении чисел в древнерусских текстах довольно разнообразен. Ошибки подобного рода нередко искажают действительную суть и содержание исторических памятников и поэтому привлекают к себе пристальное внимание ученых.

В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, тверского купца, совершившего более 500 лет назад знаменитое путешествие в Индию, есть ряд интересных мест, где в разных списках памятника наблюдаются расхождения в числовых данных. К сожалению, мало кто из исследователей этого памятника XV века ранее обращал внимание на такого рода разночтения, хотя они представляют собой интересный и в то же время довольно трудный для объяснения материал.

*

Ряд числовых описок в «Хождении» объясняется особенностью древнерусского алфавита, в котором одни и те же звуки могли обозначаться разными буквами, например: *Ф* — *ферт*, *Ѡ* — *фита* и другие. Обратимся к тексту памятника. Прибыв под именем купца хаджи Юсуфа из Хоросани на западное побережье Индии в город Чювиль (Чаул), Афанасий Никитин отправился

в глубь страны. Следуя традициям «хожений», путешественник ведет дневник, в котором скрупулезно отмечает количество дней, затраченных им на дорогу от одного города до другого. Так, перейдя горы Западные Гаты, Никитин попадает в город Умри, а оттуда — в Чюнейр (Джуннар). По Троицкому списку путь от Умри до Чюнейря у путешественника занял 6 дней, что, однако, не совпадает с данными Эттерова списка — «7 днѣ», то есть семь дней (Тексты приведены по книге: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. М.—Л., 1958). Какой же список сообщает правильное количество дней?

Ответ, на наш взгляд, содержится в самом тексте «Хожения». Из Баку Афанасий Никитин морем переправился в «Маздраньскую землю» (Мазандаран — область в северном Иране). Первым городом на пути русского купца оказался Чебокар (Чапакур), в котором он, как записано в Троицком списке, жил 6 месяцев.

В Эттеровом списке эта часть текста пропущена. А вот в списке Ундольского мы обнаруживаем любопытную и очень важную деталь. Здесь отмечено, что в Чебокаре Афанасий Никитин жил не 6 месяцев, а 7. Троицкий же список и список Ундольского настолько близки по своему содержанию, что это позволяет ученым рассматривать их как варианты одного и того же первоисточника. Тем более удивительно расхождение в числовых данных этих двух списков.

Следовательно, мы можем сделать следующее предположение: в обоих случаях переписчик Троицкого списка допустил характерную для древних писцов неточность, употребив вместо буквы $\tilde{З}$ — земля, обозначавшей звук *з* и одновременно число 7, другую — $\tilde{С}$ — зело, с тем же звуковым значением, но уже с иным числовым — 6. Как же это могло произойти?

В книге Л. С. Семенова «Путешествие Афанасия Никитина» (М., 1980) находим такое объяснение этому несовпадению: «Буква древнерусского алфавита $\tilde{С}$ (зело), имевшая числовое значение 6, и буква $\tilde{З}$ (земля), соответствовавшая цифре 7, очень похожи по начертанию» (с. 79).

Подобное толкование, думается, не совсем убедительно: на письме буквы $\tilde{З}$ и $\tilde{С}$ довольно четко различаются. Кроме того, Л. С. Семенов не указывает, какое из двух чисел соответствует действительности, а для нас это важно.

Можно предположить другое: неточность в Троицком списке явилась результатом так называемого «внутреннего диктанта», при котором писец проговаривал то, что переписывал. А так как буквы $\tilde{З}$ и $\tilde{С}$, как уже отмечалось выше, соответствовали одному звуку *з*, то он мог машинально вписать в текст $\tilde{С}$ (зело) вместо

Ѕ (земля). Если бы писец переносил из первоисточника букву за буквой, такая ошибка была бы исключена.

На основании приведенных соображений считаем, что путь от Умри до Чюнейря занял у Афанасия Никитина 7 дней, а жил он в «Чебокаре Ѕ (7) месяц».

*

Подобную, как нам кажется, ошибку встречаем и в другом месте «Хожения».

Возвращаясь на родину, Афанасий Никитин, судя по Троицкому списку, «взях (прошел) в Келберху (Колуберг — Гулбарга) от Бедеря 20 ковов» (Никитин считает, что «в кове по 10 верст»). Однако по Эттерову списку расстояние между этими городами оказывается короче в два раза — «10 ковов». Противоречие это раскрывается просто. Как и в первом случае, ошибся, на наш взгляд, переписчик Троицкого списка: несколько ранее приведенного текста, в этом же списке, Афанасий Никитин, рассказывая о городах, окружающих Бедерь, отмечает: «...а от Бедеря до Колубергу 9 ковов». То же самое число указывается в Эттеровом списке и в списке Ундольского. Единодушие переписчиков «Хожения» в данном случае убеждает нас в том, что на обратном пути домой путешественник никак не мог пройти «в Келберху от Бедеря» 20 ковов, что и на этот раз ближе к истине Эттеров список.

Как же получилась эта описка в Троицком списке и списке Ундольского? Возможны два предположения. Как известно, в древнерусском алфавите число 10 обозначалось буквой *Ї*, а 20 — *Њ*. Перепутать их даже в полууставном письме переписчики «Хожения за три моря» вряд ли могли. Скорее всего, причина здесь та же, что и в первом рассмотренном нами случае: писец Троицкой редакции «внутренне произносил» звук, а не название буквы. В этом случае вполне возможно допустить, что вместо *и десятиричного* (*Ї*) ошибочно было записано в тексте *и восьмиричное* (*И*), а переписчик Троицкого списка «увидел» искаженное *Ї*, как *Њ*, обозначавшее число 20 (считается, что Троицкий список «Хожения за три моря» восходит к Троицкой редакции, то есть с определенной целью переработанному варианту памятника письменности).

Есть и другое объяснение: переписчик Троицкого списка написал *Њ* — 20 вместо *Ї* — 10 под влиянием начальной буквы следующего слова — *ковов*. Кстати, в числе распространенных видов описок отмечается именно такой: «...ошибочное написание

буквы под влиянием буквы предшествующего или последующего слога» (см.: Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., АН СССР, 1963). Из сказанного ясно, что ошибка допущена в Троицком списке.

*

Результатом «внутреннего диктанта» является, очевидно, и третье числовое разночтение в текстах списков «Хожения». Афанасий Никитин, рассказывая о загадочном «Шабайтском пристанище», обращает внимание на одну из привилегий, которыми пользовались «хоросанцы» (мусульманская часть населения страны): «...а кто в нем женится хоросанец, и князь шабатской дает по тысячи тенек (денег) на жертву, да на олафу (вознаграждение), да есть на всякий месяц по *десяти* тенек...». Однако в Эттеровом списке обнаруживаем другое число: «...и князь шабатский дает... на всякий месяц по *пятидесяти* тенек...». Мало вероятно, чтобы ошибся писец Эттерова списка, произвольно переделав слово *десять* на *пятьдесят*. Можно предположить, что переписчик Троицкого списка имел дело с таким текстом, в котором правая часть числа $\tilde{N}$ (пятьдесят) со временем стерлась, а его левая «мачта» $\tilde{I}$ (десять) просматривалась достаточно ясно, что и побудило писца прочесть и записать эту цифру словом *десять*.

Несколько особняком стоит четвертая числовая описка в «Хожении». Рассказывая о древних традициях гостеприимства в Индии, Афанасий Никитин отмечает одну из них: если у «...жены от гостя зачнется дитя, и мужь даеть алафу; а родится бело, ино гостю пошлыны 18 тенек...» (Это в Троицком списке и списке Ундольского). В Эттеровом списке читаем: «...а родится дитя бело, ино гостю пошлыны 300 тенек...». Причина этого разночтения в следующем. Число 18 обозначалось на письме сочетанием двух букв $\tilde{II}$, число 300 — как самой буквой $\tilde{T}$, так и ее вариантом (причем так называемое «трехмачтовое» $\tilde{th}$ употреблялось намного чаще, чем $\tilde{T}$). В полууставном письме сочетание $\tilde{II}$ легко можно было принять за $\tilde{th}$, и наоборот.

Что же было в оригинале «Хожения» — 18 или 300 «тенек»? Предположение, что сумма пошлины составляла 18 монет вызывает возражение уже потому, что Афанасий Никитин чаще всего употреблял округленные числа (20, 30, 50... и вдруг — 18). Нет объяснений и тому факту, почему подобная пошлина равнялась именно восемнадцати, а не иной сумме. Тогда, может быть, прав переписчик Эттерова списка, и для реконструируемого текста мы должны принять число 300? На первый взгляд, эта сумма кажет-

ся слишком большой. Однако сопоставление цен на пленных и рабов говорит о том, что пошлина могла быть такой. Так, рассказывая об осаде бахманидской армией города Биченегиря и взятии крепости Белгаон, Афанасий Никитин сообщает, что пленных победители продавали по «10 тенек за голову.., а робят по 2 теньки...». О «дешевизне индийских рабов и рабынь» свидетельствуют числовые данные, приведенные И. П. Петрушевским в книге «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. (М.—Л., 1958, с. 226). Не приводя их подробно, отметим лишь, что если считать цены на рабов и рабынь (до 40 тенек) низкими, то «пошлина» за белого ребенка в 18 тенек будет слишком мала. Вспомним рассказ Афанасия Никитина о том, как были удивлены жители индийского города Чивилия (Чаула), увидев его: «...яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку». Поэтому нам представляется более вероятной сумма в 300 тенек, указанная в Эттеровом списке. Следовательно, переписчик Троицкого списка допустил в данном случае так называемую графическую ошибку, приняв $\tilde{\text{ш}}$ (300) за ИИ (18), вследствие чего и появилась в тексте загадочная цифра 18.

Анализ ошибок показывает, что для исследователя текста важным является не просто поиск и нахождение каких-то разночтений. Выбор верного варианта на основе доказательств — главная его цель.

Р. Х. АЖАЛИЕВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое транслитерация?»

Т. М. Егорова, Дедовск

Слово *транслитерация* произошло от латинского *trans* — через и *littera* — буква. Это передача букв одной письменности посредством букв другой письменности. Транслитерация благодаря своей универсальности может играть роль единого эталона для решения практических задач при многосторонних международных контактах. Например, транслитерация русской фамилии *Лапшин* — *Lapšin*: англ. *Lapshin*; франц. *Lapchine*; итал. *Lapscin*; польск. *Łapszyn*; нем. *Lapschin*.

3 мая 1740 года поручик Муромского полка Иван Васильев сын Тараканов купил в книжной лавке книг на 4 рубля с копейками, сумму по тому времени очень большую. Что же приглянулось этому поручику-библиофилу? Книга Квинта Курция об Александре Македонском, «Историография народа славенского», «Рассуждение о причинах шведской войны», «Тестамент, или завет Василия, царя греческого», «Ротификация Ништадского мира», «О поливательном крещении», «Апофегмата...» (апофегматы — старинные сборники остроумных и правоучительных изречений или назидательных рассказов). Ивана Тараканова интересовали книги самого разнообразного светского содержания. Диапазон его чтения и широта интересов отражают характер эпохи.

С начала XVIII века русская литература стала приобретать светский характер: из 600 книг, напечатанных в годы царствования Петра I, лишь 48 были церковными (История русской литературы XVII—XVIII веков, М., 1969). В своих преобразованиях и реформах царь Петр стремился преодолеть многовековые заслоны, которыми Россия сознательно отгораживалась от Европы. В чем это выражалось? Увеличилось число переводных изданий, что, бесспорно, положительно повлияло на общий кругозор россиян: русское образованное общество начинает интересоваться античной культурой. Поэтому третьей книгой, напечатанной в 1711 году, была «Апофегмата, или Кратких витиеватых и правоучительных речей книги три», — своеобразная энциклопедия знаний об античном мире.

Слово «апофегма» в переводе с греческого означает «высказывание, короткое изречение». «Апофегматы» — сборники исторических анекдотов и изречений различных философов, «словес царей, королей, князей, воевод... и иных старейшин». В первой из трех книг собраны высказывания и афоризмы, приписываемые традицией античным философам: Сократу и Платону, Аристотелю и Диогену, Фалесу и Солону, Анаксагору и Пифагору, Гераклиту и Эмпедоклу, Демокриту и Эпикуру. Вторая книга включала повести из жизни королей, князей, полководцев, сенаторов — более 100 историй, происшедших со знаменитостями древнего мира. Среди них были Юлий Цезарь и Траян, Александр Македонский и Ганнибал, Кир и Крёз, Перикл и Сципион, Помпей и Цицерон. А третья содержала «повести лакедемонян»: перед читателем оживали эпизоды из жизни известнейших людей древней Спарты — Лакедемона (Ликурга, Агиса, Павсания и др.). «Апофегмату...» сразу понравился образованный русский читатель. Тот, кто не владел латынью и греческим, теперь мог получить сведения об античной культуре из русских книг.

Высказывания античных мудрецов издавна были известны на Руси из популярной антологии афоризмов — «Пчелы». «Апофегмата...» же давала читателю более конкретные знания в области античной философии, истории и литературы. Здесь читатель находил, например, подробное описание убийства Юлия Цезаря Брутом, многочисленные стихотворные отрывки из произведений Овидия, Горация, Ювенала. Русский человек XVIII века, без сомнения, с большим сочувствием воспринимал поэтические жалобы на «некоего не додержавшего дружбу» великого стихотворца Овидия, отправленного в ссылку на самую окраину римского государства безжалостным правителем Августом:

«Егда время кому служит, и лице светло являет,
Тогда всяк тому главу преклоняет...
Во благо время мнози друзи бывают,
А в безвременство и свои отвергают».

В таком переводе впервые увидел русский читатель фрагмент из I-й книги «Скорбных элегий» Овидия.

Кроме поручика Тараканова, история сохранила еще несколько имен русских читателей и, очевидно, почитателей этого замечательного сборника. Среди них подьячий Иван Никитин и подканцелярист Алексей Головкин, копиист Афанасий Васильев и регистратор Иван Шавров, певчий Петр Яковлев и «купецкий человек» Григорий Кулагин (подробнее см.: Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. Л., 1976). «Апофегмата...» стала одной из самых читаемых светских книг века. Об этом говорит само коли-

чество изданий: она переиздавалась в XVIII веке 9 раз, причем тиражами для того времени довольно большими: в 1716 году было напечатано 600 экземпляров, а в 1723 году — 1200 книг (см.: Описание изданий гражданской печати. 1708 — янв. 1725 г. М. — Л., 1955).

В основу сборника, очевидно, частично легли два произведения греческого писателя Плутарха: «Сравнительные жизнеописания», включающие 50 биографий знаменитых людей Древней Греции и Рима, и «Моралии» («Моральные сочинения»), содержащие многочисленные исторические анекдоты и мудрые изречения.

Составитель «Апофегматы...» добавил в нее немало историй, почерпнутых и из других источников. Книга приобрела такую популярность, что некоторые художественные образы и эпизоды заимствовали из нее и использовали позже писатели XVII и XVIII веков. Сюжеты для своих виршей нередко брал из нее первый русский профессиональный поэт Симеон Полоцкий. Русский просветитель, педагог, издатель XVIII века Н. Г. Курганов включил целые фрагменты из «Апофегматы...» в свой знаменитый «Письмовник», много раз переиздававшийся и заслуживший высокую оценку А. И. Герцена.

*

Откуда же появилась в Москве XVIII века эта удивительная книга? Посмотрим любое из девяти русских изданий «Апофегматы...», например то, которому в 1981 году исполнилось 200 лет. Перед нами книжечка небольшого формата, в глянцеви́том темно-коричневом переплете, украшенном тонкой паутинкой извилистых черных линий. На титульном листе ее читаем надпись: «Апофегмата, то есть кратких витиеватых и правоучительных речей книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры различных древних философов. Переведена с польского на славенский язык». Теперь все ясно. Московским и петербургским изданиям «Апофегматы...» предшествовали книги, напечатанные в Вильно и в белорусском местечке Любчи, а их было немало — в XVII веке она переиздавалась 11 раз.

Многочисленные русские читатели не знали имени автора-составителя этой любопытной книги. Его перу принадлежало и предисловие, утраченное в русском переводе. Вот оно: «Много книг в наше время написано, но не многие из них привлекли к себе внимание. Причина в том, что эти книги или слишком большие; или там много всякой путаницы; или речь идет о малоинтересных вещах: спорах, раздорах, генеалогии. Взяв их в руки, читатель оказывается словно в каком-то непроходимом лесу и стремится ско-

рее от них отделаться. Тем самым эти книги отбивают у читателя всякую охоту к чтению. Однако необходимо следовать Горацию, который писал: надо читать такие книги, которые, будучи небольшими, содержат в себе большую силу... Здесь все кратко и ясно, эту книгу ты будешь читать с радостью и пользой. Радость состоит в том, что ты встретишься с многими мудрыми авторами. Польза же заключается в следующем: все, что ты прочитаешь, быстро усвоишь и сможешь все это применять в частной и общественной жизни. Есть два рода читателей: одни все порицают; другие — относятся к литературным трудам так, как советовал мудрый Соломон: читая мудрых, сам будешь мудрее» (Перевод с польского С. А. Подокшина, в кн.: Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии. Минск, 1977, с. 39).

Имя автора-составителя «Апофегматы...» — Беньяш Будный. Он стал для России XVIII века настоящим Колумбом, открывшим демократическому русскому читателю богатейший мир античной культуры. Окончив один из западноевропейских университетов (немецкий или итальянский), он одно время жил при дворе белорусских магнатов — новогрудского воеводы Федора Скумина и его племянника Адама Хрептовича. В 1594 году Беньяш Будный поступил на службу к Радзивиллу, известному своей богатейшей библиотекой. Вскоре Будный выпустил в Вильно свои первые книги. Это были переводы на польский язык двух произведений Цицерона — «О старости» и «О дружбе». Наиболее самостоятельным произведением Будного стала «Апофегмата...». Повести, стихи, афоризмы он часто сопровождал своими комментариями. И вот во второй половине 1599 года в книжных лавках Вильно, а затем и других городов Литвы и Белоруссии появилось первое издание книги с длинной надписью на титульном листе: «Коротких и ясных повестей, которые по-гречески называются Апофегматы, книги 4. Через Беньяша Будного, слугу... пана Кшиштофа Радзивилла, княжившего на Биржах с Дубинок, воеводы Виленского величайшего гетмана Великого княжества Литовского теперешних новых и разных лучших авторов собрана и сделана. Напечатана в Вильне (у Яна Карцана) в год 1599» (Перевод с польского А. И. Аннушкина).

Четыре книги составили «Апофегмату...» на польском языке, но русскому читателю стало известно только три. Отсутствовала последняя — «Кратких и витиеватых повестей книга четвертая, в ней же положившаяся гадательства честных жен и благородных дев непростых», то есть книга, содержащая рассказы мудрых жен. В России «Апофегмата...» была напечатана «повелением царского величества». Один из ее рукописных списков хранился в особой царской библиотеке и, очевидно, был известен царю Петру I, повелевшему напечатать книгу. Но почему же он исключил четвертую

часть, в которой собраны повести мудрых жен? Ответить на этот вопрос поможет нам одна из историй, помещенных в ней.

«Химера — сиракузянка, старая женщина, в то время, когда все жители Сиракуз проклинали своего жестокого правителя и хотели, чтобы он скорей умер, она одна каждое утро просила бога даровать тирану здоровье. Правитель, узнав об этом, спросил у нее, почему она так делает. На это старая сиракузянка сказала: „Когда я еще была девушкой, Сиракузами правил жестокий тиран. Тогда все просили бога, чтобы он послал ему смерть. Но вот умер этот тиран, а после него к власти пришел еще худший. Когда и тому желали скорейшей смерти и он умер, его место занял ты, еще более жестокий, чем твои предшественники. Вот почему, боясь, что после тебя к власти придет более худший, чем ты, тиран, я и прошу бога о твоём здоровье“» (Перевод с польского на русский А. И. Аннушкина).

Да, слишком уж крамольными для Руси XVIII века были повести и высказывания мудрых жен.

По немногочисленным рукописным переводам «Апофегматы...», предшествовавшим ее печатным изданиям, кое-кто из российских читателей, очевидно, все же сумел познакомиться и с 4-й книгой. Один из известных нам сегодня рукописных списков русского перевода «Апофегматы...», содержащий все четыре книги, хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Уже в первом русском издании 1711 года подверглись значительным редакционным изменениям комментарии Будного к некоторым повестям. В виленском издании 1599 года после повести о Перикле, который перед смертью сказал, что не помнит никого из жителей Афин, кто пострадал бы безвинно по его воле, Будный пояснял: «Перикл тем дает понять, что он не был тираном. Ибо мы знаем, что его доброе сердце... перевешивало желание приговорить кого-либо к смертной казни. А иные, кто стоит у власти, люди небольшого ума, по любой причине быстро готовы присудить не только голову отсечь, но и живьем спалить человека» (Перевод А. И. Аннушкина). В русских изданиях эти комментарии, конечно, были сняты. Слишком уж злободневно звучали бы такие слова в Москве и Петербурге, где многие еще хорошо помнили, как 14 апреля 1682 года «за великие на царский дом хулы» были торжественно сожжены в пустозерском срубе протопоп Аввакум, поп Лазарь, старец Епифаний и дьякон Федор (Русские писатели XVII века. М., 1973).

И все же подбор повестей и афоризмов «Апофегматы...» во многом соответствовал тому новому мировоззрению, которое складывалось в России в это время. Если раньше рекомендовалось «в просто-

те богу угождати» и наука воспринималась как нечто граничащее с колдовством, то в конце XVII — начале XVIII века все изменилось. В Москве открылись первые гимназии, многочисленные «цифирные школы», первое высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия (1687). Правительство срочно направляет молодых людей в чужие края учиться. И в книге Будного русский читатель находил вдохновенный гимн учению: «Учение всем от сего хваляше: яко юным людем приносит трезвость, старым утешение, нищим обогащение, богатым украшение». Сложности учения не должны смущать стремящихся к знанию, убеждал писатель: «Трудность учения всякаго человеческим тщанием умягчаема бывает».

В России начала XVIII века постепенно утверждается вера в силу человеческого разума, незаметно оттесняя на второй план многие традиционные предрассудки. Мудрость как неподвластная времени добродетель восхвалялась и в «Апофегмате...»: «Красен ли еси, подожди мало, и не будеши таков, но иже учен и мудростию одарен, того хвали».

В это время преданность государству становится критерием ценности человека, а общественная польза — высшим этическим мерилom. И эти новые представления входят в русский обиход вместе с новыми понятиями: общественная польза, общественное дело, гражданин-патриот. Такого «доброго гражданина» из Спарты ставил в пример соотечественникам Будный. Он рассказывает о спартанке Лацине, пославшей сына на поле брани. Узнав о его гибели, она сказала: «Того ради родих сына, дабы за отечество свое не боялся главы своей положить».

Все это делало книгу Будного необычайно современной в России начала XVIII века. В приводимых писателем словах Аристотеля — «не подобает смотреть откуду кто родом, но какова места и сава достоин» — новый читатель видел упрек родовитым невеждам, претендующим на ответственные государственные должности. Особый смысл приобрело это высказывание после 1722 года, когда был издан «Табель о рангах». Теперь и поручик Тараканов, и подьячий Иван Никитин могли надеяться дослужиться до 8-го класса (для военных — это был чин майора, для гражданских — коллежского асессора), после чего им жаловалось звание потомственного дворянина.

«Апофегмата...» в какой-то степени носила прикладной характер и давала читателю полезные советы, внушала идеи, которые, будучи весьма прогрессивными для своего времени, соответствовали общему характеру внутригосударственной политики, проводимой Петром I.

Даже в сокращенном виде (утратив последнюю, четвертую часть), анонимная, лишенная предисловия и некоторых авторских комментариев, книга Беняша Будного и через 100 лет после своего первого издания не оставляла равнодушным русского читателя, сердце которого откликалось на горячий призыв ее автора: «Сего ради блажен человек, который обретет премудрость... частым чтением человек разумен бывает».

Л. У. ЗВОНАРЕВА

Рисунок В. Леонова

Отрывки из «Апофегматы»

О КОРОТКИХ ПОВЕСТЯХ

Александр Царь Македонский Аристотеля философа имел в великом почитании, о котором так говаривал: Не меньше должен есмь учителю своему, яко и отцу: от отца бо имею живот, а от Аристотеля то имею, чем житие мое добре препроводить могу.

К сему Александру принесше из казны царя Дария скрыну дражайшую (драгоценную шкатулку), спросили: Во что ея употребить, рече: по моему разсуждению всего лучше хранить в ней книги Омировы (Гомера), являя, яко учения и писания людей ученых подобает имети в великой чести.

Цицерон: Войну не для инаго чего надобно начинать, только чтоб люди мирно и правдою после жили. Паче свободы и великаго смысла ничто есть естеству человеческому.

О ЛАКЕДЕМОНСКИХ ПОВЕСТЯХ

Леон вопрошен, в коем общенародии безбеднее жить, отвеща: где все в равне и правда сильна, а неправда слаба.

Общенародие тем больше цветет, егда люди достойные суть в почитании и доброе воздаяние приемлют, а бездельники небрегоми бывают.

Лакедемончик вопрошен: Почто взял жену зело малого возраста, рече: того ради, что от двою злу избирати, лучше избрах меньшее зло. Сим показа, яко диво на свете жена добрая.

О РАЗГОВОРАХ ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫХ

Неблагородного человека дело, еже в очи кого хвалить, а за очи хулить.

Человека разумного знак, еже бы никого до беды не привести.

Доброта без разума пуста.

Больше верь очам своим, неже речам чужим.

Хотящим от Платона уведати, что разности меж ученым и неученым, отвеща: Такова разнь, какова меж лекарем и больным. Аристотель часто приятелем своим и друзьям говаривал: Якоже зрак приемлет свет, тако человек от учения, ученый бо скоро видит, что за чем идет, а человек без учения аки слеп, слеп, не увидит, что мешает, не постережет, что за чем идет.

Ксенократ некому многоречиву глагола: слушай много, говори мало, даде бо нам природа два уха, а одне уста.

Диоген вопрошен: что человеку на свете лучшее, поведает: вольность всего лучши.

Солон вопрошен: что есть острейшее меча, отвеща: язык злаго человека.

Теофраст поведает, дать мечь бешенному, а власть человеку злomu, едино есть.

Зенон поведает, лутче поткнуться ногою, неже языком.

Пишут о царе Александре Македонском, иже слышав от философов поведующих, яко не един есть свет, но мнози, плакаше глаголя: Увы мне! Яко аз и единого еще под власть свою не покорил света.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Когда на Руси была напечатана первая книга?»

О. И. Королев, Москва

Первая, точно датированная русская печатная книга «Апостол» издана в 1564 году Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в Москве, а в 1574 году во Львове И. Федоров выпустил в свет первый известный нам славянский учебник грамоты «Азбуку».

Известно, что разговорная речь весьма существенно отличается от речи письменной. Если в письменной речи один канал информации (сам текст), то в устной два канала: 1) информация, которая содержится в словах, и 2) информация, поступающая помимо слов, посредством интонации, пауз, мимики, жестов и т. п.

На существовании второго канала информации основывается искусство художественного чтения. Народный артист СССР В. Папазян писал: «...сам по себе язык рук почти так же красноречив, как и текст, особенно тогда, когда слов меньше, чем мыслей, когда за двумя-тремя фразами скрыта целая философия. Жест не только подчеркивает и комментирует текст, но и красноречиво говорит то, чего не хватает в словах» (Папазян В. Жизнь артиста).

Жест может быть выражен словами, стать «языковым жестом». Значение «договориться» можно передать с помощью словосочетания *ударить по рукам*. Фразеологические обороты активно используют «языковые жесты»: *всплеснуть руками, пожать плечами, покачать головой, махнуть рукой* и т. д.

Народное искусство чрезвычайно лаконично. Особенно справедливо это утверждение по отношению к устному народному творчеству, где лаконизм усиливается различными приемами, в том числе и приемами, основанными на «языковом жесте».

Сложнейшие внутренние переживания, характер взаимоотношений персонажей фольклорного произведения могут быть переданы элементом внешнего движения. Полны экспрессии, художественно выразительны и эмоционально богаты такие, например, описания:

Женушка не любит,
Радость ненавидит,—
К людям ходит личиком,
Ко мне ходит плечиком.

Ш е й н П. В. Великорусс в своих
песнях... далее — Ш е й н

Перед мальчиками пройду пальчиками;
Перед старыми людьми пройду белыми грудьми.

Соболевский А. И. Великорусские народные
песни; далее — Соболевский

Он идет, душа, — не тряхнется,
Переступит — не ворохнется.

Песни, собранные П. В. Киреевским;
далее — Киреевский

Коллективный народный гений давно заметил связь физического движения с психологией и искусно использовал это знание в своей словесности. В русской лирике сложился особый поэтический прием, который мы бы условно назвали приемом «метафорической трансформации». Имеем в виду примеры типа:

Уж я полюшком — перепелушкой,
Я по улице — серой утицей,
Я по дворику — добрым молодцем,
Я по сеничкам — красной девицей,
Во высок терем — молодой женой.

Васнецов А.
Песни Северо-Восточной России

Уж я по двору, двору светлым месяцом,
А я улицей серой утицей,
Через черную грязь черною галушкой;
Я во горницу входила красной девушкой.

Киреевский

На первый взгляд, перед нами ряды обычных сравнений и нет нужды говорить о каком-то особом поэтическом приеме. Однако это только на первый взгляд. Сравнение, столь частое в фольклоре явление, обычно единично, хотя возможна иногда совокупность сравнений, как в примере:

Сама ко милому загуляю,
Как белая рыба по Дунаю,
Как сиз селезень по заречью,
Серый-то заяц по залесью,
Бел горностаи во чистом поле.

Соболевский

В нашем случае ряды языковых конструкций только внешне похожи на творительный сравнения. Конечно, мы можем представить характер движения песенного персонажа в каждый отдельный момент, поскольку знаем характерные особенности передвижения перепелки, утки, молодца и т. д. И в этом есть нечто от сравнений,

хотя выбор сравниваемого во многом зависит от языковой стороны текста, от рифмы, например: *улице-утицей, полюшком-перепелушкой* и т. п.

Нам кажется, что в рассматриваемых случаях важен не столько характер отдельного сравнения, сколько многократность сопоставления. Из этой многократности рождается ощущение сложности переживаний героя, проступает динамика эмоционального мира персонажа.

Я ходил-то, ходил, добрый молодец, скорым зайчиком;
По приступочкам-то я шел горностайчиком;
По новым-то сениям я шел добрым молодцом;
Ко кроватушке-то я подходил милым дружком.

Соболевский

Ко любавину двору
Добрым молодцем иду,
Через черную грязь —
Серым журавлем,
Через быструю речку —
Ясным соколом.

Там же

Вот по старым по приметам
Через улицу серой утицею,
Через сад-виноград перепелицею,
Через широкий двор красным кочетом,
А в высок терем добрым молодцем,
Пришел милый друг к красной девице.

Там же

Налицо следование одной метафоры за другой, передающее смену не только характера внешнего, физического движения, но и диалектику внутреннего мира. При этом заметно стремление к «очеловечиванию» трансформации — от «зайчика» к «молодцу», от «утицы» к «молодой жене».

Структурная основа конструкции — два параллельных ассоциативных ряда: ряд пространственных представлений и ряд метафор, в большинстве своем взятых из лексико-семантического поля «животный мир».

Элементы «трансформации», оставаясь внешне конкретными, по существу обобщены, как обобщены метафоры и особенно символы. Поэтому так продуктивен этот прием, истоки которого в седой древности.

А. Т. ХРОЛЕНКО

Рисунок С. Гавриловой

Долгая жизнь сказочной формулы

Едва ли не самыми первыми из усвоенных еще в раннем детстве фразеологизмов являются выражения, восходящие к фольклорным формулам. Об истории одной из них, ставшей широко употребительной в русском языке, эта публикация.

Не по дням, а по часам относится к числу внутренних поэтических формул народных волшебных сказок. Это выражение используется для показа волшебного роста героев: «А мальчик был какой-то особенный: растет не по дням, а по часам» (Ончуков Н. Е. Северные сказки; далее — Онч.); «И вот Снегурочка растет не по дням, а по часам» (Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века; далее — РС... XIX в.).

Состав формулы постоянно меняется. Она часто расширяется за счет образных выражений: «И тот Иван-царевич растет не по годам, а по часам, как пшеничное тесто на опаре киснет» (РС... XIX в.); «Сын растет не по годам, а по цясам. Утром принесла, а в вечеру на ногах пошел» (Онч.); «Эти малые деточки растут не по дням, а по часам — в 10 часоу все ровно стали, што 10 годоу» (Соколовы Б. М. и Ю. М. Сказки и песни Белозерского края; далее — Сок.); «И этот сын стал так расти не по дням, а по часам. Как час, так он выше, больше, толще» (Северно-русские сказки в записях А. И. Никифорова; далее — Ник.). Меняется и лексический состав формулы, при этом активно изменяются оба существенные, замены подбираются из той же тематической группы, куда

входят и заменяемые слова, — «временные промежутки». Варианты фразеологизма многочисленны и разнообразны, так что неизменной остается только его структура: *не по* (большой промежуток времени), *а по* (меньший промежуток времени): «А Вася да Ваня растут не по годам, а по часам» (Ник.); «И стал он не по цясам, а по минутам растет» (Там же); «Ростут эти ребята не по годам, по месечам» (Онч.).

Иногда два лексических варианта, объединяясь, создают расширенные формулы: «Ну вот эти детоцьки растут не по цясам — по минутам, не по минутам — по секундам» (Ник.); «Ростет Иван крестьянский сын не по годам и по месяцам, а по дням и часам» (Онч.).

Выражение *не по дням, а по часам* относится к числу собственно сказочных, в других жанрах фольклора оно почти не встречается, единичные примеры употребления его в былинах (Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым), видимо, можно квалифицировать как влияние языка сказки на былинную речь.

Судьба формулы при выходе за пределы фольклорной речи связана, во-первых, с ограничением ее видоизменяемости. Из всех известных нам употреблений этого словосочетания во внефольклорных текстах (по данным картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР и собственной картотеки автора) только единичные примеры отражают употребление фразеологизма *не по дням, а по часам* в трансформированном виде: «Крепость набиралась сил. Силы росли у ней не по часам, а по минутам» (Фурманов. Мятёж); «Но скоро переживает любовник все возрасты страсти. Вечный младенец в своем лепете, в своих прихотях, взысканиях, ссорах, не по годам, а по часам растет он своими желаниями, мужает волей, берет силу взаимностию» (Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»).

Во-вторых, сказочная формула, превратившись во фразеологизм русского литературного языка, расширила свое значение. За пределами фольклорного текста «быстро растущими» могут быть многие предметы и явления действительности: «...на пестром фоне хорошо знакомого мне прошлого, где уже умирающего, где окончательно исчезнувшего, я вижу растущую не по дням, а по часам новую Москву» (Гиляровский. Москва и москвичи); «Быстрее и неожиданнее его (кино. — О. Д.) за те годы возникла, выбросила первые побеги и вдруг стала расти не по дням, а по часам еще только одна отрасль всей видимой техники — авиация» (Успенский Л. В. Записки старого петербуржца).

Расширение значения фразеологизма проявляется еще и в том, что преодолевается постоянство слова-сопроводителя фразеологиз-

ма — *расти*, хотя абсолютное большинство употреблений фразеологизма зафиксировано именно с этим словом или производными от него.

За пределами сказочных текстов *расти* заменяется не только словами одной с ним лексико-семантической группы со значением «развития, увеличения» («...я мучилась недоумением: отчего я не могу с первого раза подружиться с Катей и понравиться ей раз навсегда... Но горе мое усиливалось не по дням, а по часам, потому что с Катей всякое дело шло очень быстро» — Достоевский. Неточка Незванова), но и словами, выходящими по значению за пределы указанной лексико-семантической группы: «У нас все меняется не по дням, а по часам. Был однажды случай, когда я уходил на работу по песку, а вечером возвращался домой уже по асфальту» (Никитин. Семь слонов); «Весна шла дружная, состояние в природе менялось не по дням, а по часам...» (Солоухин. Фотоэтиюд — Наш современник, 1982, № 3); «На зимнего Николая угодника Корней простудился и слег в постель. Он надрывно кашлял, худел не по дням, а по часам» (Филатов. Королева оркестра. — Неделя, 1981, № 9).

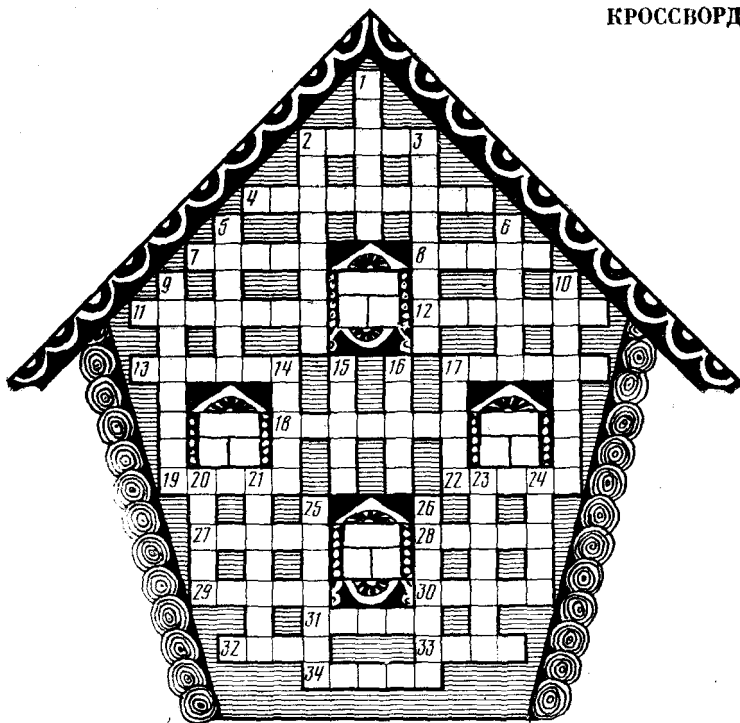
Фразеологизм *не по дням, а по часам* со значением «очень быстро, стремительно» (*расти, развиваться, увеличиваться* и т. п.) зафиксирован современными толковыми и фразеологическими словарями. В «Кратком этимологическом словаре русской фразеологии» (Русский язык в школе, 1979, № 5) авторы связали, правда, с оттенком неуверенности, первое употребление фразеологизма с А. С. Пушкиным. Действительно, самый известный пример употребления сказочной формулы — это отрывок из «Сказки о царе Салтане...» (1831 г.):

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.

Одновременно с А. С. Пушкиным в 1831 году использовал эту сказочную формулу и знаменитый современник и учитель поэта В. А. Жуковский: «Царевич рос не по дням — по часам; и сделался чудо-красавец» (Сказка о царе Берендее...).

Без сомнения, А. С. Пушкин, тонкий знаток и собиратель русского фольклора, употребил в своем произведении понравившуюся ему выразительную сказочную формулу.

О. А. ДАВЫДОВА

По горизонтали: 2. Совокупность художественных приемов или правил, которые считаются обязательными в ту или иную эпоху. 4. Русский советский писатель, литературовед, критик. 7. Величайший мировой памятник художественной литературы (Германия). 8. Рассказ А. П. Чехова. 11. Персонаж пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп». 12. Имя кучера из произведения Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». 13. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 17. Суждение, выражающее оценку чего-нибудь. 18. Русская народная сказка. 19. Советский актер, сыгравший роль жениха в фильме «Свадьба» по водевилю А. П. Чехова. 22. Город, из которого отправился в свое знаменитое путешествие Афанасий Никитин. 27. Старинный русский струнный музыкальный инструмент. 28. Советский писатель, автор повести «Жестокость». 29. Персонаж, часто встречающийся в пьесах А. Н. Островского. 30. Имя героини романа Мопассана «Жизнь». 31. Советский художник, автор триптиха «Александр Невский». 32. Венгерская писательница. 33. Богиня радуги, в древ-

негреческой мифологии. 34. Советский актер, сыгравший главную роль в фильме «Женитьба Бальзамина».

По вертикали: 1. В грамматике: часть слова до окончания. 2. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». 3. Автор строк:

Что ты жадно глядишь на дорогу

В стороне от веселых подруг?

Знать забило сердечко тревогу —

Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.

5. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 6. Мастерская живописца, скульптора, фотографа.

9. Город, в котором родился А. П. Чехов. 10. Доска с написанным на ней священным текстом. 14. В старину: монета в три копейки. 15. Цикл стихов А. Блока. 16. Старинная шелковая узорчатая ткань. 17. Предварительный образец книги или журнала. 20. Кличка собаки древнегреческого героя Одиссея.

21. Роман Ж. Санд. 23. Русская народная песня. 24. В средние века на Руси: воин царской придворной охраны. 25. Русский писатель, живший в подмосковном имении, ставшем впоследствии музеем-усадьбой. 26. Русский драматург, поэт, переводчик XVIII века.

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Захолустное место в старой России, глухое, отдаленное, называлось *медвежьим углом*. Однако даже во втором издании Словаря Даля, издании восьмидесятих годов прошлого века, такого названия не находим, как нет его и в более ранней русской лексикографии. Сдается, подобное название — явление довольно позднее, едва ли не второй половины прошлого столетия. Примечательный факт: все ранние случаи его употребления в художественных текстах связаны с этим временем.

Обстоятельную характеристику медвежьего угла встречаем в рассказе П. И. Мельникова-Печерского «Медвежий Угол»: «В Зимогорской губернии есть уездный город Чубаров — глушь страшная. Тому городу другого имени нет, как Медвежий Угол... В Медвежьем Углу гостиниц нет. Привезли меня к Абрамовне, что содержит единственный в городе постоялый двор... Город как город. Каменный собор на грязной, немощеной базарной площади, нескончаемые заборы, незатейливой наружности бревенчатые домики, дырявые тротуары, заваленные всякой гадостью и травой поросшие улицы, каменные присутственные места, развалившаяся больница, ветхий навес с пустыми рассохшимися бочками, с испорченными пожарными трубами, — словом, то, что каждый видал не в одном десятке русских городов. Не по торговым иль промышленным надобностям возникали наши Чубаровы... При учреждении губерний ткнули пальцем на карте, сказали: „быть городу“, и стал город. Оттого тем городам и чужда городская жизнь. Сколь бы ни хлопотали о хозяйстве „медвежьих углов“, какие бы ни сочиняли

инвентари их имуществ, какие б ни производили исследования, как бы затейливо ни составляли росписи доходов и расходов, по силе коих, без разрешения высшего начальства, лишней метлы купить нельзя,— „медвежьи углы“ на веки вечные останутся „медвежьими углами“. Зато села, что на бойких, привольных местах построены, запросто, как бог послал — с каждым годом богатеют, каменные дома в тех селах что грибы растут, кипит торговля, заводятся училища, больницы, даже библиотеки. Иваново, Павлово, Лысково, Кукарка,— сравните с ними „медвежьи углы“...»

Начав с конкретного описания условного города Чубарова, или Медвежьего Угла, автор далее прибегает исключительно ко второму наименованию, в его представлении наиболее яркому означению глухого, отдаленного места. Ср. высказывание персонажа другого его произведения: «Место мое, говорит, в Питере, не у вас в трущобе с волками да с медведями...» (Дедушка Поликарп). Рассказ «Медвежий Угол» впервые был напечатан в журнале «Русский вестник» в 1857 году. С легкой руки его автора *медвежьи углы* и *уголки*, а также *закоулки* и *края* замелькали в текстах художественных произведений и в публицистической литературе второй половины XIX века, а затем и текущего столетия: «Что прикажете в здешнем медвежьем закоулке делать?» (Писемский. Тысяча душ); «Усадьба их находится в самом, как говорится, медвежьем углу нашего захолустья» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «Старый помещичий дом в таком медвежьем уголке, что надо чуть ли не двое суток скакать на почтовых, прежде чем доберешь-

ся до ближайшей станции железной дороги» (С. В. Ковалевская. Воспоминания детства и автобиографические очерки); «Тетки и отец считают себя древнего рода, самого коренного в этом лесном медвежьем крае» (Боборыкин. Василий Теркин); «Десяток лет — детское время! И все же за эти десять лет, тотчас после гражданской войны, молодежь наша дала множество книг, которые освещают жизнь даже самых темных и отдаленных от центров культуры „медвежьих углов“» (Горький. О литературе); «Яблоков. Все кричат — медвежий угол! А мы столице не уступим. Для нас искусство — все!» (А. Н. Толстой. Кукушкины слезы).

В современном словоупотреблении: «Профессия горного инженера тяжелейшая... Частенько — жизнь в медвежьих уголках. За тридцать земель» (Бондарев. Тишина).

Современное развитие нашей Родины, можно сказать, сводит на нет употребление подобного рода наименований. И если мы обратились к ним, то прежде всего именно потому, что в их истории особенно наглядно выступает органическая зависимость судьбы отдельных лексических элементов от культурной жизни общества. Не лишены определенного интереса и истоки формирования такого рода фразеологизмов. Если утрата рассматриваемых наименований определяется исчезновением захолустий, значениями которых они служили, то появление в языке подобных образований не было связано прямой зависимостью с возникновением упомянутых захолустий. Необходимость эмоциональной характеристики пребывавших в забвении отдаленных мест оказалась в известное время вызванной обостренным отношением прогрессивной общественности к особо тяжелым проявлениям социально-экономического гнета и запустения в этих захолустях.

Медвежьего угла с таким значением прежде в русском языке не было, хотя подобное образование отмечалось еще в XVI столетии: «им дал, в Суздале, князь Андрей Андреевич Нохтев земли Медвежей Угол и с пустошми на реце на Увоте» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.); в ряду монастырских владений в Суздальском уезде отмечалось: «селцо Медвежей Угол з деревнями» (там же). В обоих случаях говорится о селении и прилегавших к нему деревнях и землях. *Сельцом* тогда называли не маленькое село, а «село без церкви, но с двором землевладельца или с какими-либо его хозяйственными постройками, хотя бы и без крестьянских дворов» (Ключевский. Курс русской истории). Медвежий Угол упоминается в рукописи XVII века. В 1630 году из вотчины Суздальского Покровского монастыря, расположенной в Талицкой волости, старица Софья писала: «да в Ряховском гсдрь приказе и в Михеевском и в Медвежье Угле есть гсдрь пустошей десяток...». Сорок лет спустя из

Медвежьего Угла с жалобой на ослушника-крестьянина обращался к монастырским властям староста Спиридонка. От 1691 года сохранилась отпускная память (деловой документ) на уроженку Медвежьего Угла крестьянскую дочь Федосью Иванову, выходявшую замуж за крестьянина в иную вотчину. В приходной книге Покровского монастыря за 1698 год читаем: «принято Медвежя Углу з дрвнями со крстьян с пятидесят с пяти дворов тритцат шесть алти четыре денги платил крстьянин Афонка Карпов с товарыщем». Как видим, селение Медвежий Угол прослеживается в памятниках письменности в течение XVI—XVII веков. Едва ли можно сомневаться в том, что это селение существовало и в XVIII столетии. В середине XIX века в «Списке населенных мест Российской империи» оно уже не упоминается, но, видимо, еще живет в памяти народной.

Сравнение заброшенных «медвежьих углов» с оживленными торгово-промышленными пунктами П. И. Мельников-Печерский проводит в пределах родной нижегородской округи и смежных владимирско-суздальских мест. Полагаем, что и *Медвежий Угол*, как старинный суздальский топоним, был ему знаком. Им и воспользовался писатель как общей образной характеристикой отдаленных, заброшенных углов, хиревших глухих селений. Семантической предпосылкой этого послужила близость в определенных контекстах значений слов *глухой*, *отдаленный* и слов *медвежий* и *угол*. Представление о глухом, отдаленном месте как месте медвежьим естественно, а *угол* обладает переносным значением «местность, обычно глухая, отдаленная». Ср.: *Воротами в угол* (живет в закоулке, в захолустье) [Словарь Даля].

С. И. КОТКОВ

Рисунок В. Комарова

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Физпол — синтетическое покрытие для стадионов.

«Физпол... Так называется новое синтетическое покрытие для стадионов. Оно создано в результате творческого содружества двух Волгоградских институтов — физической культуры и политехнического, не уступает по своим качествам известным ранее образцам

синтетических покрытий на основе полиуретана, а по некоторым показателям и превосходит их... *Физпол* — такое название получило новое покрытие в честь содружества двух названных выше институтов [*физическая культура + политехнический институт*]...» (Вологодский комсомолец, 1982, 20 авг.).

Н. И. Сергеева
Чебоксары

Семья сыта и прохладна

В современном русском языке прилагательное *прохладный* соотносится с существительным *прохлада* и имеет два значения: «умеренно холодный, освежающий» и «равнодушный, холодно-безразличный».

В древнерусском языке семантический план этого слова был иным и соотносилось оно не только с церковнославянским словом *прохлада* «приятная свежесть», но и с собственно русским *прохлада* «удовольствие». Последнее встречаем в памятниках письменности начиная с XVI века. Из «Домостроя», например, узнаем, как хорошая хозяйка, купив одного барана, может получить от этого много удовольствия: «Купити боранца, а дома облупити, а овчинки скопити ч(е)л(ове)ку на шубку, бораней потрох-прибыл(ь), в столе потешение, у порядливой (хозяйственной) жены или у добра повара мно(го) примыслу: из грудины ушное (бульон) нарядити, почки нач(и)нити, лопатки изжарити..., печен(ь) иссекши с луком, перепонкою обертев, изжарити на сковороде, лехкое також... и как делати из одног(о) борану много прохладу».

Возможно, *прохлада* «удовольствие» появилось в древнерусском языке в результате преобразования и переосмысления церковнославянского слова *прохлада* «освежение» и «покой, отдых».

Церковнославянскому языку, главным назначением которого было обслуживание религиозного культа, были хорошо известны такие слова, как *прохладити, прохладжати, прохладжатися, прохлада, прохладжение*. Эти слова употреблялись в тех же значениях, что и соответствующие им греческие или латинские слова в оригиналах, с которых переводилась церковнославянская культовая литература, и, таким образом, значения этих слов, особенно вторичные, возможно, были семантическими кальками с соответствующих греческих или латинских слов.

Однако многие греческие и латинские древние книги тоже были переводными и часто содержали легенды, возникшие на территориях с иными климатическими условиями (в так называемых «жарких странах»). Отсюда и представление об охлаждении как явлении приятном, спасительном, способном вернуть бодрость, жизнь, дать желанный отдых душе и телу. Возможно, что и представление о рае, как о месте, где всегда «прохладно», т. е. приятно, возникло именно у древних обитателей жарких стран. Во всяком случае, древнеиндийскому языку известны слова, восходящие к тому же индоевропейскому корню, что и *хлад*, и имевшие значение «приятное освежение» и «наслаждение».

В древних текстах нередко встречается выражение: *утѣшение и прохладжение*, где *прохладжение* «радостное состояние души, душевный покой» синонимично слову *утѣшение* «успокоение, утешение», «радость, удовольствие». Слова эти прочно вошли в народно-разговорный язык. С XVI века, когда начинается усиленный приток элементов народно-разговорного языка в письменный язык, интересующие нас слова в изобилии встречаем в самых разнообразных по жанру литературных памятниках, и прежде всего — в Домострое, памятнике собственно русском: «А лете [хозяин] прохладжаетца (лакомится), есть дыни и стручье, морков(ь), огурцы и всякой овощ; У мужа в год все припасено: и ржы, и пшеницы, и овса, и гречи, и толокна и всякие запас(ы), и ячмени, солоду, гороху, и коноплю..., жена с слугами и сем(ья) сыта и прохладны (довольны), и гостя употчивают без убытка». В XVI веке появляется в памятниках письменности и слово *прохладъ* «удовольствие».

Прохладъ и другие слова этой корневой группы становятся очень употребительными в литературном языке XVI—XVIII вв. Значения их так или иначе связываются с представлением об удовольствии, наслаждении, приятном, веселом времяпрепровождении. Причем в XVII веке удовольствие ассоциируется прежде всего с обильной и вкусной едой, лакомством, угощением: «А рубци и губы,

и уши, и ноги коровьи — на студень, во вес(ь) год пригодятца. Коли не делаи квашенину — всегда прохлад. У промышленного мужа и у промышленные жены и у добрые порядни (хозяйки) во всем спорыня (выгода), а всегда прохлад и себѣ и семье, и гостем» (Домострой).

Интересно описание празднества, устроенного казанским царем для своих подданных: «Поставляше царь до 1000 шатров на праздники своя, и велможи ево, в них же корчемствоваше, пияше с ними и всяцами потешенми царьскими веселящися, честь [празднику] творяще; такоже и граженя вси... гуляюще по них, пияху в корчемницах царевых, купяще на цену, и прохлажахуся» (Казанский летописец. XVI в.).

Можно предположить, что переосмысление *прохлаждаться* «насыщаться» в *прохлаждаться* «получить удовольствие от пищи, напитков», «наслаждаться» могло возникнуть в монашеской среде. Большинство монахов не гнушалось удовольствий, о чем свидетельствует, например, следующее донесение: «И не диво, государь, что скучают [монахи, приехавшие из Москвы в Соловецкий монастырь]: палтусины, государь, рыбы есть не хотят, троски также; одна, государь, семга; а иных рыбь никаких нет, и иных, государь, прохладев никаких нет же: от того, государь, и скучают» (Субботин. Материалы для истории раскола. 1677 г.).

Из доноса келаря Пафнутия съ братиею на наместника Брянского монастыря Иоанна «о делаемых имъ неприличных иноческому чину поступках» узнаем, что «у себя в келье намѣстник пьет и ест с своими советники и с челядники и с молодыми ребята и питается пространно, по своему извычаю, на своей особой поварне велить припасать много яств со всякими пряными зельемп; также питье хмельное держить у себя доброе и безвременно у себя пьет и прохлаждается по своей воли. Не токмо сам, но и последний челядник всегда в прохладе... и оттого монастырю чинятся великие протори и убытки» (Дополнения к Актам историческим. 1682 г.).

Иван Грозный, упрекая монахов в невоздержанности, в страсти к обильной и вкусной еде и хмельным напиткам, писал в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь, что монахам следует «поести и испити за жажу, а не за прохладъ» (т. е. есть и пить, утоляя жажду и голод, а не для удовольствия).

Впрочем, к «роскошному житию» были склонны не только монахи. Царские наместники, чиновники, различные управители и их челядь тоже кормились за счет крестьян. В «кормление» раздавались села и деревни. Приезжающих на места с различными заданиями чиновников обязано было кормить местное население. Чиновники же часто злоупотребляли своими полномочиями, о чем свидетельствует, например, следующее предписание: «Для своей

корысти и для кормов у Соли долгово времени не жить, не так, как прежние писцы писали года по 3 и по 4 и жили у Соли ж жёнами и з детьми прохладом, и тем мирским людем учинили своими большими расходы скудость» (Писцовые дела. 1645 г.).

Прилагательное *прохладный* соотносится в языке XVI—XVIII веков не только с *прохлада* «приятная свежесть», но и с *прохладъ* «удовольствие, наслаждение». Очень показателен в этом отношении следующий отрывок из дипломатической переписки: «А в королевском селе здешнего лутчи, жити прохладнее, и избы теплы, и дров и рыбы здешнего болши, и вам будет во всем пространнее (свободнее)... король лутчее вам делает, что велит вам в село ехати, для вашего ж прохладу, потому что там просторнее, изба здешнего болши и тепле, и рыбы много, и дух легче, а здесь теснота... избы студены» (Шведские дела. 1569 г.). В этом контексте *прохладный* «приятный» соотносится с *прохладъ* «удобство», «благополучие, благо», «удовольствие».

Очень часто, однако, *прохладный* значит не только «приятный, вызывающий удовольствие», но и «довольный». Вот образчик дипломатического разговора русского посла с английской королевой: «Нечто будет вы в моем государстве были не прохладны?» И Григорей говорил королевне: «...Всем твоим великим жалованьем были доволны и покойны и прохладны» (Английские дела. 1601 г.). Поскольку отношение к послам является проявлением отношения к государству, которое они представляют, иностранные государи, по свидетельству самих послов, очень заботились, чтобы послы всегда были «прохладны», и чтоб «кручины» им «никакой не было».

Часто *прохладъ*, *прохлаждаться* встречаем в контекстах рядом с *потеха* «развлечение», *тешиться* «развлекаться, забавляться»: «Имел тот король при своем чертоге некоторой огород или сад, в котором часто прохлаждался и тешился» (Римские деяния. 1688 г.). «Прохлады» предписывались иноземным придворным церемониалом и состояли обычно из гуляний, верховой езды, пикников и других обязательных развлечений: «И апреля в 4 день ездил шах на поле тешитца..., а по князя Ондreja прислалъ аргамаки, чтоб князь Ондрей ехал к нему для прохладу в поле... И говорил шах князю Ондрею: севодни велел есмь тебе быти у себя на дворе для прохладу, чтоб тебе прохладитися» (Посольство Звенигородского. 1596 г.).

Прохладъ «веселье», «игры, развлечения, забавы», «гулянье, празднество» и *прохлаждаться* (*прохлажаться*) «веселиться, забавляться» употребляются и при описании свадебного обряда в «Домострое»: «и в те поры [на другой день после свадьбы] в обеих дворах бывает веселие и прохлада... И тесть и теща и приежжие бояре поедут к себе тем же обычаем... и прохлажаются на своих дворах: на обе половины бывает веселие».

Пышные празднества, балы, карнавалы, затеи для развлечения пресыщенной роскошью знати — все это можно было передать в языке XVI—XVIII веков словом *прохладъ*. Соотносимое же с ним прилагательное *прохладный*, кроме значений «приятный» и «довольный», приобретает еще и значение «веселый, увеселительный, развлекательный, забавный».

Русским послам, отправлявшимся за границу, по-видимому, правительство указывало внимательно приглядываться к иноземным порядкам и подробно доносить об обстановке, увеселениях, развлечениях заграничных дворов. Дипломатические донесения пестрят описаниями придворных балов, карнавалов, приемов, спектаклей. Приводимые в отчетах мельчайшие подробности, особенно касающиеся «комедийного действия», — свидетельство огромного интереса московского двора к светским развлечениям, принятым в других державах.

При дворе царя Алексея Михайловича проявляется большой интерес к «комедийным действиям», то есть к театральным зрелищам. Историк В. О. Ключевский писал об этом: «Не без религиозной робости отважились в Москве на это увеселение, «бесовскую игру, пакость душевную», по воззрениям строгих блюстителей истого благочестия. Царь Алексей советовался об этом с духовником, который разрешил ему театральные зрелища, приводя в оправдание примеры византийских императоров» (Ключевский В. О. Сочинения. Т. III. М., 1957).

В подмосковном селе Преображенском была построена «комедийная хоромина» — театр. Здесь в 1672 году была представлена первая комедия — об Эсфири. «Комедии» играла труппа, снешно набранная из детей торговых и служилых иноземцев. Комедийному делу их обучил пастор Готфрид Грегори, которому царь Алексей Михайлович приказал «учинить комедию». Пьесы, несмотря на традиционные библейские сюжеты, были новомодные. Они поражали зрителя пушечным громом и страшными сценами казней, но вместе с тем и забавляли, смешили, так как обязательным персонажем этих пьес был *шут* с грубыми, иногда непристойными выходками.

На придворной сцене, кроме комедии об Эсфири, разыгрывались и другие комедии, в том числе «жалостная» комедия (трагедия) об Адаме и Еве и «прохладная» (веселая) комедия об Иосифе.

О. И. СМЕРНОВА

Рисунок С. Гавриловой

А ВОСЕ, АВОСЬ И АВОСЬКАТЬ

«А *весе*, господине, грамота...» Начальные слова этой фразы нередко встречаются в деловой письменности XIV — начала XVI века и могут быть буквально переведены на современный русский язык как «а вот». Сравните еще: «а *весе*, господине, з грамоты список» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI века); «а *во со* (последнее слово читалось как *сѣ*.— *Е. О.*), господине, те люди добрые перед тобою» (там же) и др. В документе XVI века читаем: «А *весе* ныне приходил к великому государю нашему от отца государя вашего посланик Анди бек...» (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I. СПб., 1890).

А *весе* (а *во се*) в потоке разговорной речи легко теряло конечный гласный звук, превращаясь в *а вось*, а потом и в *авось*. Это слово, однако, значило совсем не то, что современное русское *авось* «может быть». Оно продолжало выполнять ту же указательную функцию, что и породившее его словосочетание *а во се* (а *весе*). Самые ранние примеры употребления в памятниках письменности такого «указательного» *авось* относятся к началу XVI столетия. В одной из грамот этого периода мы читаем: «Был в той земли старцу Касьяну наперед меня суд с теми залешаны; да и грамота, господине, у нас на них правая; *авось*, господине, грамота перед тобою» (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I, 1860); такое *авось* встречается в ней дважды. Или еще: «И царь мне молвил: всрь ми, *авось* тебе челма, а то тебе знамя; да положил на меня челму» (Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II, СПб., 1895). В этом примере интересно проявилась синонимика словосочетаний *а вось* (хотя вполне возможно, что оно уже слилось в слово) и *а то*: если первое указывало на ближайший предмет, то последнее — на отдаленный (в данном случае — знамя).

Словосочетание *а вось* состояло из начинательного союза *а* (с него часто в старорусском языке начинались предложения), указательной частицы *осе* (составленной из указательного местоимения среднего рода, слившегося с древней указательной частицей *о*, которая, с этимологической точки зрения, содержится и в таких русских словах, как *вот*, *вон*) и перед которой развился звук *в* (как и в словах *восемь* из *осмь*, диалектных *вострый*, *вобцина* — «общее дело» и т. д.). Указательная частица могла употребляться и без начинательного союза. Например: «А князь Василей Косон побеже, и угони его Борис Тоболин и... нача кликати: *вось* и князь Василей Юрьевич» (Устюжский летописный свод, 1436 г.). В «Сказании про храброго витезя про Бову Королевича» по списку XVII века читаем: «Почел говорить: *вося*, государыня, дары от короля Додова» (Дунаев Б. И. Библиотека старорусских повестей). Следы этой частицы обнаруживаются и в языке второй половины XVIII века, например, в пьесе А. П. Сумарокова «Рогоносец по воображению»: «В и к у л. А хорош граф-ат? Ха в р о н ь я. Такой пригожий, преузорочной и обходительной, что *вось* тебе».

В документах XV—XVI веков встречается также частица *асе*, состоящая из тех же компонентов — начинательного союза и указательного местоимения *се*: «*а се*, господине, наши старожилцы пред вами» (1509 г.); «*а се*, господине, грамота отца нашего перед тобою» (1510 г.) и др. (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. I, 1860). Это *асе* (или *асё*) имело значение «вот», «здесь». Известно также употребление его в роли утвердительной частицы *да*, как, например, в «Книге толкований» протопопа Аввакума: «Толко у них и вытвержено: *асе*, государь, *восе*, государь, добро, государь» (1677 г.) или в тексте одной из пословиц XVII века: «*Ась*, сударь, *вось* сударь, здесь сударь» (Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899).

Частица *асе*, *асё* или *аси* как побудительное указание, соответствующее словам *а вот*, *а ну*, *смотри*, зарегистрирована во многих севернорусских говорах.

Итак, в период своей молодости словосочетание *а восе*, впоследствии слившееся в *авось* (с утратой безударного конечного *е*), выступало как указание на что-то такое, что находится невдалеке. Какие же смысловые изменения произошли в нем позже, приведшие к развитию в русском языке частицы *авось* со значением «может быть»? К сожалению, памятники письменности не донесли до нас тех синтаксических построений, в условиях которых протекал данный процесс. «Кристаллизация» этого значения происходила в живой разговорной речи, которая, как известно, в памятниках письменности отражена крайне скупо. Разнообразие контекстов и

ситуаций порождало целую гамму смысловых оттенков в частице *авось*, среди которых были такие, как «вдруг» и «если». *Авось* «вот» и *авось* «вдруг» связаны между собою тем, что данное слово произносилось (а точнее — вырывалось из уст говорящего) при внезапном появлении чего- или кого-либо или при условном допущении такого появления (ср. в современной песне: «Вот приедет он с фронта домой И под вечер со мной повстречается»). В русских говорах имеется интересный аналог такого *авось* — это *вот* в словосочетании *не вот*, то есть «не сразу, не вдруг» [Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)].

Смысловое развитие частицы *авось* можно представить цепочкой приблизительно таких переходов: «вот» → «вот оно!» → → «вдруг» → «если» (ср. синонимы в современном языке: *а вдруг* он явится не вовремя // *а если* он явится не вовремя) → «может быть». Первое значение словом *авось* уже утрачено, второе и третье сохраняются в русских говорах (в частицах *асе*, *асё*, *аси* и в выражении *не вот*, где *вот* — синоним старорусского *вось*). К XVII веку восходят первые случаи употребления уже ставшего частицей слова *авось* (или *авосе*) со значением «может быть», например: «*Авось* попадет, что заец в теньята» (Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий).

Слово *авось* употреблялось раньше не только как частица. Становясь существительным, субстантивируясь, оно получало значение «неожиданная удача, случай». С таким значением оно вошло в наречие *на авось*, то есть «наудачу». Как уже отмечалось, *авось* как возглас удивления произносилось при появлении чего-то непредвиденного, как побудительно-указательное слово — что-то вроде *гляди-ка!* или диалектной частицы *вбна*, тоже отместоименного происхождения (но только первоначально указывающей на отдаленный предмет). Поэтому *надеяться на авось* — это, в сущности, полагаться на случай, который здесь образно именуется *авосем*. С равным успехом на его месте могло оказаться любое из употреблявшихся в подобной ситуации слов — *асе*, *асё*, *вбна* и т. д.

В языке XVIII века интересующая нас частица встречается только в современной форме *авось*. Интересной особенностью употребления является ее способность сочетаться с другими частицами, что, видимо, было связано с влиянием устной речи. Чаще всего она сливается с частицами *-таки*, *ли*, *бы* и союзом *либо*. Об употреблении слова *авось* «иногда с придачею частиц: *ко*, *то*, *же*, *ну*, *вот*, *либо*; может быть, станется, сбудется, с выражением желания и надежды» писал в своем Словаре В. И. Даль. С частицей *-таки*: «Налеткины щенята, слава богу, живы; *авось-таки* которой-нибудь удастся по матери; а мне уж едакой жены не нажить» (По-

виков. Живописец). *«Авось-таки* милосливой Спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебшпком управимся» (там же). С союзом *либо*: *«Авось-либо* он за нас вступится и секретаря уймет...» (Новиков. Трутень); *«Не тужи, красная девица, авось-либо* дождемся и мы своей воли» (Аблесимов. Мельник колдун, обманщик и сват); *«Авось-либо* моя Лиза к тому времени найдет себе жениха по мыслям» (Карамзин. Бедная Лиза); *«Авось-либо* я с полком к вам приеду. *Авось-либо* дослужуся до чина» (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву). С частицей *ли*: *«Авось ли* проживем» (Письма русских писателей XVIII века). А в «Книге бесед» Аввакума (1675 г.) имеется словосочетание *авось бы*, которое точнее переводить не «если бы» (как в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», вып. I), а «вот бы» (т. е. с еще не стершимся оттенком указательности): *«Авось бы* ты умерла, ведь бы им (детям.— Е. О.) жить же без тебя».

*

Как существительное *авось* в нашей разговорной речи употребляется намного реже, чем как частица. В такой функции это слово может развивать новые смысловые оттенки, не зарегистрированные толковыми словарями. Так, в заметке с названием «Почем нынче „авось“?» (Социалистический Донбасс, 22 сент., 1981) *авось* употребляется как синоним слов *беспечность* и *халатность*.

Существительное *авось* проникло и в устойчивые обороты речи, например, «От *авося* добра не жди», «*Авось* до добра не доведет», «*Авось* — дурак, с головою выдаст», «*Авось* с небосем водились, да оба в яму ввалились» и др. (Словарь Даля).

В русских народных говорах имеется много слов, образованных на базе существительного (или субстантивированной частицы) *авось*: прилагательное *авосев* — «рассчитанный на авось» (в поговорке: *Авосевы города не горожены*), *авоська* — «удача, случай». *Надеяться на авоську* — это то же, что и *авоськать*, то есть действовать наудачу, а поступающий так человек именуется *авосьником* или *авосьницей* (см.: Словарь русских народных говоров. Вып. I, М.—Л., 1965). Появлению в городском просторечии слова *авоська* «сетчатая хозяйственная сумка» посвящена статья Е. А. Левашова «Авоська» (Русская речь, 1976, № 3).

Е. С. ОТИН

Донецк

САРЫНЬ НА КИЧКУ

С выражением *сарынь на кичку* мы встречаемся не так уж часто в современном русском языке и, встретившись, начинаем гадать о том, какое имеет оно значение. Обращаемся к словарям и справочникам, где находим истолкование его смысла: «бурлаки, убирайтесь все к носу, прилягте, молчите и с места не трогайтесь!». Так истолковывает значение этого выражения В. Борисов в статье во «Владимирских губернских ведомостях» за 1858 год. Его объяснение приводит В. М. Мокиенко в книге «В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений» (М., 1975). «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова поясняет это выражение таким образом: «по преданию — возглас волжских разбойников, которые, овладев кораблем, так приказывали экипажу отправляться на нос корабля, чтобы не мешали грабить».

Читатели могут встретить это выражение в романе Ст. Злобина «Степан Разин». Помните, когда палач Самсонка взмахнул топором, чтобы отсечь Разину голову, «...Степан собрал все последние силы и крикнул, как казалось ему, по-старому, сотрясая криком всю площадь и башни Кремля, крикнул так, чтобы с криком выдохнуть жизнь: — Сарынь, на ки-ичку-у!..». Призыв к восстанию угнетенного люда звучал в этом мощном возгласе Степана Разина (меня казнят, но дело борьбы народной, дело восстания не угаснет).

А помните повесть В. Осеевой «Динка»? Героиня ее — отчаянная девчонка Динка, детство которой прошло на широких волжских просторах. Целая глава повести так и называется: «Сарынь на кичку»: «...на берегу раздался отчаянный боевой крик: — Са-

рынь на кичку!... Сарынь на кичку! — с удалью и отчаянием кричала она (Динка), нанося удары и отбиваясь от своих противников... Непонятные слова, которые она выкрикивала, подстегивали Леньку как призыв на помощь... Чудодейственные слова...». Позднее, когда мальчишки были отогнаны, «Ленька лукаво спрашивает: — А какими это ты словами ребят пугала? «Сарынь на кичку!» Выдумала тоже! — усмехается он. — Нет, что ты! Я ничего не выдумала. Это же слова Стеньки Разина!.. А когда Стенька напал на врагов, то он всегда так кричал — для смелости просто, чтоб победить! — объясняет Динка. — Да, есть такие слова: скажешь их про себя и вроде сразу сила прибавится, — соглашается Ленька».

Но что такое *сарынь* и *кичка*?

Слово *сарынь* происходит от древнерусского названия *сара* или *сар* (так называли матросов на кораблях). Известные исследователи истории этого слова Б. О. Унбегаун и М. Фогараши показали, что по данным сохранившихся письменных памятников русского языка слово *сара* (*сар*) было в употреблении примерно с конца XVI до начала XVIII века. В Петровскую эпоху оно было окончательно вытеснено заимствованным из голландского и сохранившимся до наших дней словом *матрос*.

Впервые слово *сара* (*сар*) встречается в англо-русском словаре, составленном англичанином Марком Ридлеем в 1599 году. В нем английское слово *matiner* «матрос» передано русским *сара*. В другом, более позднем словаре 1618—1620 годов (составитель — тоже англичанин Ричард Жемс) русское слово *sage* (так оно передано в латинской транскрипции в словаре) переводится по-английски как *a sailor* «матрос». В других русских источниках ранние примеры употребления слова *сара* (*сар*) Унбегаун относит к 1667—1670 годам, а Фогараши, дополнив материалы Унбегауна, обнаруживает слово *сара* (*сар*) в тексте 1659 года. В нем описывается, как русские послы на «английском корабле капитанов и корабельщиков и сар подчивали довольно». Обратим внимание на то, что *сара* соседствует со словом *корабельщик* не как равноправное, равнозначное с ним слово. Корабельщик и сара — это разные категории обслуживающего корабельного персонала согласно корабельному уставу. Корабельщики командовали сарами, сары им подчинялись. Об этом говорят такие примеры, приведенные Фогараши: «корабельщики велели саром и достальные парусы все снять», «корабельщики велели саром ис полу вынимать пушки и ставить по местам». Из цитат мы видим, что сары — это работники-матросы. В связи с этим вспомним, что в весьма популярной в Петровское время «Повести о Василии Кориотском...» говорится о разных ка-

тегориях матросов: старших матросах, младших, просто матросах и, что для нас особенно интересно,— рабочих-матросах.

Слово *sara* (*sar*) считается восходящим к голландскому слову *sjoonwer* (читается как *шаувер*). Оно, как пишет об этом нидерландский исследователь Р. Мёлен (Голландские слова в русском), означало не просто матроса, а рабочего на корабле, занятого всякого рода работами, требующими применения большой физической силы. Именно эту категорию плававших на кораблях имели в виду голландские мореходы. Стало быть, и в русском языке это слово обозначало людей «низшего сорта», которые по сравнению с корабельщиками не имели специальной подготовки, позволявшей управлять судном с парусным оснащением. Сравните древнерусское выражение *галерной работник сиречь сара* (1696 г.). Становится поэтому понятным, что голландское значение могло пронизать и русское слово. Одновременно с *sara* в нашем языке употреблялось и слово *сарынь* с усилительно-собирательным значением, получившим оттенок «толпа, масса, множество, сброд, сволочь». Именно такими экспрессивными контекстами иллюстрирует употребление слова Даль в своем Словаре: «*сарынь* ж. собр. вост. кал. (сорь?) толпа мальчишек, шалунов; толпа, ватага черного народа, сволочь, чернь. *Сарынь на улице гомонит. Сарынь на кичку! бурлаки, на нос судна! по преданию, приказ волжских разбойников, завладевших судном. Велика сарынь (толпа), да некого послать*».

Включение слова *sara* (*sar*) в словарь-полевой блокнот иностранца-англичанина уже в конце XVI века говорит о том, что в разговорном русском языке этого времени оно уже было достаточно широко распространено как название матроса на иностранном корабле. И поэтому обнаружение слова в текстах первой половины XVII века не могло явиться особенно большой неожиданностью. Работа над подготовкой публикации русских рукописных газет (вестей-курантов) за первую половину XVII столетия позволила выявить еще более ранние случаи употребления слова *sara* (*sar*) в русской письменности, чем те, на которые ссылается Фогараш. Так, в отрывке из стокгольмского сообщения о событиях, происходивших в августе 1617 года, говорится о шведском после, которого хотят послать в Англию. Ему предписывают «королю аглинскому говорить чтоб не поволит караблем и сарам у польского короля наймоватись и полсково б короля прошенья не послушел, а польской король караблями и карабелными людьми добре скуден» (Вести-Куранты. 1600—1639 гг.). И еще один пример из вестей-курантов, датируемый 1649 годом: «аглинского резидента или куртмейстера с двумя богатыми аглинскими торговыми человеки... обманством отвезли и тем особные счастья (обстоятельства) прилучилися потому что карабелные сары которых сар родимцы

(близкие, родственники) тех торговых людей за ними послали их освободить и те сары наехав за несколько милей от города Глюкьстата и их освободили».

Случилось так, что слова *сара*, *сарынь* оказались «волжскими», принадлежностью жаргона волжских бурлаков. Известный комедиограф XVIII века В. Лукин в своей комедии «Щепетильник» (1765) употребляет слово *сарынь*. Одним из первых он использует для языковой характеристики персонажей из простого народа приметы (фонетические, морфологические и лексические) областного крестьянского говора. Вот образцы разговора простых работников Мирона и Василия на «костромском» наречии (г. Кострома, как известно, расположен на Волге): «[Мирон] (вынув группу купидонов, изображающих художества и науки, смеется). Смотрит-ка! Что за проказ! Какая их сарынь (толпа, масса.— В. Д.) рабенок. (Смотрит через подзорную трубу). (Испугавшись): Ах, братень! Никак это ангели божии! прости меня, чарь небесный!.. Экии мемцы-та безбожники, как они их в кучу сколько смякали...»

Слово *кичка* в древнерусском языке, кроме значения «женский головной убор», имело значение «нос или передняя часть судна, помост на носу речного судна, выступающий площадками снаружки бортов». В говорах *кичка* означало дерево, выкорчеванное с корнем. Его клали в основание судна, часть бревна приходилась на нос, отсюда и его название *кичка*.

До сих пор в современных волжских говорах сохраняется слово *кика* в значениях «нос судна», «перекладина, укрепляющая налubu расшивы на носу судна» и уменьшительное *кичка* (или *кычка*) со значениями «нос, передняя часть речного судна, баржи», «помост в носовой части речного судна, баржи, выступающий за борта», «перекладина, укрепляющая носовую часть речного судна, баржи», «сидение в носовой части речного судна, баржи», «столбик в носовой части баржи для закрепления снастей».

*

Так, появившись в русском языке как название матроса на иностранном корабле, слово *сара* (*sar*) просуществовало почти целое столетие, вышло из употребления как название матроса, оказалось в языке простого народа; в ограниченной жаргонно-профессиональной и территориальной сфере (языке волжских бурлаков) получило наращение в виде суффикса *-ынь* (в выражении *сарынь на кичку*).

В. Г. ДЕМЬЯНОВ

Рисунок В. Толстоногова

Лето 1842 года Н. В. Гоголь вместе с поэтом Николаем Языковым провел в Германии, на курорте в Гастейне. Выехав на несколько дней в Мюнхен, он поспешил поделиться со своим другом свежими впечатлениями и 5 августа отправил ему письмо, резко отличающееся от других писем этого периода, полных творческими тревогами, заботами об издании «Мертвых душ» и религиозными раздумьями. Окрашенное знакомым нам гоголевским юмором, насыщенное шутками и легкой иронией над досадными мелочами жизни, оно заставляет вспомнить многие страницы его художественных произведений. Вот отрывок из этого письма:

«В Мюнхене жарко и душно — в сем да будет заключено первое слово. Того же дни я вспомнил о Гастейне. Комната у меня великолепна..., но солнце меня тревожит все утро. Табльдот (общий обеденный стол в пансионатах, курортных столовых и ресторанах на Западе.— А. П.) для немецких табльдотов королевский, но кофий смотрит подлецом... Общество здесь почти то же, что и в Гастейне, но как-то не так обходительно: Полежаев, Храповицкий, Сопиков хотя и принимают, но не с таким радушием, нет той непринужденности в оборотах и поступках. Ходаковский тоже, хотя и навевается чаще, но есть в нем что-то черствое, городское, слишком щеголеват, не так нараспашку, как в Гастейне, и еще беда:

завел он дружбу страшную с помещиком, которого в Гастейне мы никогда не видали, и я сам даже не помню хорошо его фамилии, Пыляков, кажется, или Пылинский. Подлец, какого только ты можешь себе представить. Подобного нахальства в поступках и наглости я не видал давно: лезет в самый рот. Тепляков тоже здесь несносен, его бы следовало скорее назвать Допекаевым. Нет, Гастейн наш — рай... Здесь я не в силах даже письма написать, а не то, чтобы предаться как следует размышлению...»

Казалось бы, все здесь понятно и ясно. Гоголь смеется и шутит, но за шуткой его скрывается жалоба: на солнце, не дающее спать по утрам; на жару и духоту, из-за которых и письма не напишешь; на плохой кофе; и особенно — на здешнее русское общество, представителям которого даны развернутые шутливо-иронические характеристики.

Кто же они, эти лица из мюнхенского окружения Гоголя, носящие известные в истории русской культуры фамильные имена?

Может быть, Полежаев — это прославленный поэт, продолжатель традиций декабристской лирики, Александр Полежаев, автор знаменитой поэмы «Сашка»? Но А. И. Полежаев скончался еще в 1838 году.

Ну, а Сопиков? Не тот ли это Сопиков, чьи труды по книговедению создали ему славу основателя русской библиографии? Отпадает. В. С. Сопиков умер в Петербурге в 1818 году.

В таком случае, может быть, Тепляков (которого Гоголь, играя словами, предлагает назвать Допекаевым) — это известный в свое время поэт, автор «Фракийских элегий», заслуживших высокую оценку Пушкина? Не исключено. Виктор Тепляков умер в Париже 14 октября 1842 года и в августе мог бы находиться в Мюнхене и Гастейне.

Чтобы не гадать, обратимся к «Именному указателю», который дается в приложении к XII тому Полного собрания сочинений Гоголя (1952) и содержит все личные именованья, представленные в опубликованных здесь письмах. Мы найдем в этом алфавитном списке имена, отчества и фамилии не только всех гоголевских адресатов, но также и всех лиц, о которых хотя бы раз упоминает Гоголь. Здесь указаны, например, банкир Авикдор, владелец дома Дейенгер, лакей графов Толстых Жозеф, слуга Л. К. Вельгорской Петер и многие другие. Должны быть здесь и интересующие нас имена.

Должны быть, но... их нет. Значатся Н. А. Полевой и Я. П. Полонский, но между ними нет Полежаева. Названы С. М. Соллогуб и И. И. Сосницкий, но пропущен Сопиков. Есть Е. А. Хомякова и А. Д. Хрипков, но нет Храповицкого. Не найдем мы здесь также

Ходаковского и Теплякова, не говоря уже о сомнительном Пылякове (Пылинском) и придуманном в шутку Допекаеве.

Странный пропуск! — и, чтобы объяснить его, нам не остается ничего другого, как заглянуть в комментарий к интересующему нас письму. На странице 608 того же XII тома автор комментария Г. М. Фридлендер (он же составитель «Именного указателя») пишет: «Полежаев, Храповицкий, Соников, Ходаковский и т. п. — шуточные прозвища знакомых Гоголя и Языкова, образованные из соответствующих действий (лежать, храпеть, сопеть и т. п.). Аналогичная игра слов часто встречается в письмах Гоголя, а также в „Мертвых душах“».

Итак, Полежаев, Храповицкий, Соников, Ходаковский и другие — не фамилии, а прозвища знакомых Гоголя и Языкова! Именно поэтому они, вероятно, не попали в «Именной указатель». Но если это прозвища, то кто был их носителем? И каковы подлинные фамилии тех, кто их носил? Комментарий не дает ответа на эти вопросы и, как ни странно, даже не ставит их. А это необходимо было сделать — и тогда выяснилось бы, что знакомых, которые бы имели такие прозвища, в окружении Гоголя и Языкова не было.

Впрочем, чтобы прийти к такому выводу, достаточно лишь внимательно прочитать гоголевское письмо — и понять, что Гоголь шутит! Шутит, смеясь и предвкушая, как будет смеяться читающий письмо и понимающий его Языков. Потому что здесь — как всегда у Гоголя — смешное не в отдельном слове, выражении или обороте. Здесь все смешно и несерьезно. Серьезен только смех, охватывающий весь — в данном случае мюнхенский — мир, который под пером Гоголя превращается в мир смешного абсурда и веселых нелепиц. Но мюнхенское общество, описание которого занимает большую часть письма, — и есть абсурд и нелепица.

Ограничимся только одним примером. В самом деле, можно ли себе представить, что пятеро русских, знакомые Гоголя и Языкова (по-видимому, тоже выехавшие за границу для отдыха и лечения), все вместе и одновременно перебрались из Гастейна в Мюнхен и там — тоже все вместе! — как по волшебству, странным образом изменились в характерах, поведении и поступках?

В этой нелепице, однако, есть свой особый — смеховой — смысл, и он откроется нам, если мы согласимся, что мюнхенско-гастейнское общество русских — это сам Гоголь, с его действиями, состоянием и самочувствием, которые естественно должны были измениться с изменением обстановки и условий жизни при переезде из Гастейна в Мюнхен.

Мягкое тепло курортного местечка сменилось духотой раскаленного на солнце города с его узкими, пыльными каменными улицами, и потому Тепляков превращается в несносного Допекаева

(Гоголь играет здесь связью между значениями глаголов *лечь* «жесть, нещадно палить» и *допекать* «надоедать»). Иными — более частыми, но зато менее приятными — стали и прогулки: Ходаковский «не так нараспашку, как в Гастейне» и завел дружбу с Пыляковым-Пылинским, который «лезет в самый рот». Хуже стал сон: «Полежаев, Храповицкий, Сопиков хотя и принимают, но не с таким радушием», как в Гастейне, на свежем воздухе...

Теперь понятно, что все фамилии, названные Гоголем в письме к Языкову, — вовсе не шуточные прозвища его знакомых, вроде фамилии *Сердечкин*, которая в XIX в. была общеупотребительным средством шуточной характеристики любого влюбчивого человека (как и мы сегодня можем назвать того, кто щедр на посулы, — Обещалкиным, а болтуна — Балалайкиным и даже Емелей Балалайкиным). Фамилии *Полежаев*, *Сопиков*, *Храповицкий* и другие используются здесь и не как обычные фамилии людей, и не как прозвища, и не как «говорящие» фамилии литературных персонажей (ведь за такими именами, как Скотинин, Онегин, Дикой и т. п., стоят тоже люди, хотя и вымышленные). Эти гоголевские фамилии скрывают под собой обычные нарицательные имена — названия предметов, действий и состояний. Они выступают как своего рода маски. Словесные маски. И поскольку собственные имена людей наука обозначает термином антропоним, можно назвать эти словесные маски антропонимическими.

*

Совершая такие переименования, Гоголь играет словом и создает веселый словесный маскарад, опираясь на многовековые традиции русской народной смеховой культуры, которая вырабатывалась в древней карнавалльно-скоморошней речи, в комическом слове шутов, гаеров ярмарочных балаганов, странствующих школяров сказочников. Это их веселая фантазия создала хоровод ряженных, который в русской сказке ведут животные, выступающие под масками-личинами собственных имен в личных именовании различных типов: лиса Лисавета, кот Котофей, филин Филимон Иванович, петух Петухан Куриханых, гусь Гаган Гаганович, заяц Виляюшкин, медведь Михаил Потапович Топтыгин и многие другие. В пословицах, поговорках, присловьях и загадках также обычно шутовское замещение названий предметов и действий собственными именами, похожими на географические названия — топонимы. Ср., например, топонимически замаскированный рассказ об ударе по лицу: «Съездить кого в Харьковскую губернию, Зубцовского (Мордасовского) уезда в город Рыльск, в Рождественский приход» (Даль В. И. Пословицы русского народа).

Способность выступать в качестве шутливо-смеховой словесной маски у разных типов собственных имен оказывается различной. Крайне ограничены такие возможности у личных имен, маскарадное использование которых целиком определяется их звуковой близостью к тем или иным нарицательным именам (таковы приведенные выше сказочные имена животных). Иначе обстоит дело с такими собственными именами, как отчества и фамилии, а также топонимы, которые свободно образуются от любой основы. Так, фамильные суффиксы *-ин* (ср. Малинин), *-инский* (ср. Белинский), *-ицкий* (ср. Искрицкий), *-ов* (ср. Кусков), *-овицкий* (ср. Маловицкий), *-ович* (ср. Носович), *-евич* (ср. Межевич) и другие обслуживают все типы основ, и, следовательно, любое нарицательное имя может быть преобразовано в фамильное имя-маску. Вот несколько примеров таких фамильных антропонимических масок из современной художественной литературы: «Немного успокоившись, Дашка с обидой думала: „Вот дурья башка, с ним уже и пошутить нельзя... Пусть бы попробовал, сунулся, я бы ему такого пощечинского заката...“» (Сукачев. Чудной); «— Везет же людям, — ...позавидовал Самогорнов, — Небось коньчачишку плеснет или ромишевича...» (Марченко. Год без весны); Ср. у В. Шукшина (о ситуации игры в шахматы): «— Так, Славка... Ты так? А мы — так! Шахович» (Вянет, пропадает). Или у Гоголя (в связи с врачебными рекомендациями не садиться и не ложиться после обеда, а стоять на ногах): «...чтоб это было неперменный закон, как послушание, наложенное на послушника, то же, что после обеда Стойкович» (Н. В. Гоголь — Н. М. Языкову, 15 фев. 1844 г.).

Очевидно, что во всех подобных случаях фамильные суффиксы не изменяют значение преобразуемого в фамилию слова. Они лишь формально преобразуют основу, придавая ей внешний облик фамильного имени, что и позволяет таким образованиям функционировать в качестве антропонимической маски. Осознавая противоречие между антропонимической формой имени и нарицательным его содержанием (отсюда проблема выбора между прописной и строчной буквой), читающий или слушающий пытается устранить это противоречие, вновь и вновь переходя от формы к смыслу и обратно. В этих переходах как раз и заключен комизм антропонимических масок, их игровая, смеховая сила.

Их внутренняя двойственность и противоречивость проявляются также в колебаниях по отношению к категории одушевленности — неодушевленности. Они, обозначая неодушевленные предметы и действия, должны использоваться как существительные неодушевленные (ср. *устроить скандал* и — в соответствии с этим: *устроить скандалевич*). Однако, имея форму русских мужских фамилий, они могут вести себя и как существительные грамматически

одушевленные: «...такого пощечинского (а не такой пощечинский) заката». Ср. устаревшее выражение *платить глазопьялова* (а не *глазопьялов*) «пьялить глаза» у писателя второй половины XVIII и начала XIX века А. Т. Болотова: «...и как не было никого, с кем бы можно было мне заняться разговорами, то принужден был я, по пословице говоря, только „платить Глазопьялова“» (Жизнь и приключения Андрея Болотова...).

*

Потенциальная грамматическая одушевленность антропонимических масок таит в себе возможности дальнейшего образного развития и усиления заложенного в них игрового, комического начала. Осуществляется это путем персонификации, когда за пустой фамилией-маской возникает вымышленный образ того или иного лица. Простейшим приемом оказывается здесь осложнение антропонимической маски титульным именем или показателем чина и сословной принадлежности. Так кукушка становится генералом Кукушкиным, в лесные владения которого бежали сибирские каторжане (Словарь В. И. Даля), а чай превращается в адмирала Чаинского: «— Ну, так пойдем поговорим. В двадцать минут, во-первых, успею вздуть адмирала Чаинского...» (Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Теперь остается только поместить такое вымышленное лицо в вымышленную же или реальную жизненную обстановку, наделять его определенными признаками внешности, чертами характера, особенностями поведения, и тогда рядом с Гоголем, как мы это видели в его письме к Языкову, окажутся его несуществующие знакомые, живущие за границей русские дворяне, помещики Ходаковский, Тепляков (Допекаев), Пыляков (или Пылинский), Полежаев, Сопиков и Храповицкий.

Двое последних еще раньше сопровождали Гоголя в его поездке по Германии. 27 сентября 1841 года он писал Н. М. Языкову: «Достигли мы Дрездена благополучно. Выехавши из Ганау, мы на второй станции посадили к себе в коляску двух наших земляков, русских помещиков, Сопикова и Храповицкого, и провели с ними время до зари».

В поэме «Мертвые души» (гл. 9) Гоголь сам объяснил генеалогию этих своих знакомцев и всей их честной компании: «Вылезли из нор все тюрюки и байбаки... Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знали только, как выражаются, с помещиками Завалишиным да Полежаевым (знаменитые термины, произведенные от глаголов «полежать» и «завалиться», которые в большом ходу у нас на Руси, все равно как фраза: заехать к Со-

пикову и Храповицкому, означающая всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во всех иных положениях, с захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями)...

Нельзя не заметить, как настойчиво подчеркивает Гоголь привычность, общеизвестность образов Завалишина и Полежаева, Сопикова и Храповицкого, их общерусское распространение. Это «знаменитые термины», которые «в большом ходу у нас на Руси». Несомненно, что они вошли в поговорку еще до Гоголя (он сопровождает их оборотом «как выражаются») и, подкрепленные его могучим авторитетом, продолжали употребляться и в последующие десятилетия, сохраняя всю свою жизненность и актуальность в захолустной России, скованной обломовским сном. Развивая гоголевскую традицию, их обличительной силой воспользовался Салтыков-Щедрин, с презрением писавший о людях, которые «...давным-давно отказались от всякой общественной деятельности и не прекратили дружественных сношений только с самыми ближайшими соседями: Сопиковым и Храповицким» (Об ответственности мировых посредников).

Из дружной четверки этих сонных байбаков, бывших в русской дворянско-помещичьей культуре XVIII—XIX веков столь популярными, наиболее жизнеспособным оказался Храповицкий, имя которого продолжало употребляться в достаточно разнообразных контекстах. К нему можно было отправиться, можно было заехать, с ним интересно было поговорить или перекинуться несколькими фразами... Ср.: «— Ну, — скажет, вставая, князь Алексей Юрьич, — бог напитал, никто не видал, а кто видел, тот не обидел. Не пора ль, господа, к Храповицкому?» (Мельников-Печерский. Старые годы); «— Ну, брат-казначей, ты уж и расплачивайся за меня, а я пойду на сеновал с Храповицким поговорить!» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Сегодня такое словоупотребление уже не встречается. Начиная со второй половины XIX века эта четверка мифических покровителей русской сонной одури стала бытовать в серии поговорок с именем Храповицкого, из которых до наших дней дожила лишь одна — в виде застывшего фразеологического оборота *задать (задавать) храповицкого*. В такой форме его отмечают все словари современного литературного языка, сопровождая иллюстрациями из текстов А. Сухово-Кобылина, П. Боборыкина, А. Чехова, а также ряда советских писателей. Фразеологизм этот выступает сейчас наряду с выражением *задать (задавать) храпака* (это два варианта одного фразеологизма), и фамильное имя в его составе оказывается всего лишь пустой антропонимической маской, потерявшей былое образное содержание. Впрочем, и в этом своем качестве — в силу привычности и стертости — имя *храповицкого* уже почти не восприни-

мается. Неслучайно, что «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (в отличие от всех других словарей) квалифицирует это имя (Храповицкого) как застывшую форму не существительного, а прилагательного.

Утратив заключенные в них образы, ушли из языка и некоторые другие антропонимические маски. Давно не стало празднo любобытствующего Глазопялова. Навсегда исчез, лишившись даже призрачного существования в пословице, покровитель беглых каторжников генерал Кукушкин. Непонятен современному читателю и требует специальных пояснений упомянутый Гоголем в «Мертвых душах» князь Хованский — однофамилец древнего княжеского рода (вспомним «Хованщину» Мусоргского), чье имя произведено от глагола *ховать* «скрывать, прятать». Тот князь Хованский, за подписью которого, «как выражаются у нас на Руси», вручались «известные рекомендательные письма», т. е. взятки (Гоголь. Мертвые души. гл. 11). Ср.: там же: «В это время обратились на путь истины многие из прежних чиновников и были вновь приняты на службу. Но Чичиков уж никаким образом не мог втереться, как ни старался и ни стоял за него подстрекнутый письмами князя Хованского первый генеральски секретарь...»

Для нашего языкового сознания этого князя Хованского уже не существует. Он забыт так же, как и его современники Завалишин, Полежаев и Сопиков. Всех этих антропонимических масок уже нет. Однако живы приемы и традиции их образования и использования. Эти традиции сохраняются и сегодня, в современной непринужденной разговорной речи, и из этого вечно живого источника их отражения могут проникать в язык художественной литературы наших дней.

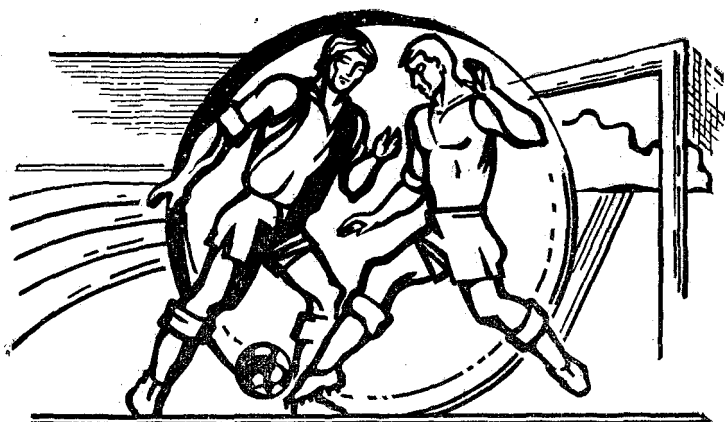
А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

Рисунок В. Леонова

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Скорпиопáрий. Помещение для разведения и изучения скорпионов. Возможно, название это носит не повсеместный характер. «Здесь разместились уникальная лаборатория — работники заповедника имену-

ют ее „скорпионарий“. Они отлавливают скорпионов, держат их в „одиночках“» (Комс. правда, 1982, 6 июня). Слово *скорпионарий* имеет отчетливо ощущаемую «внутреннюю форму»: совершенно ясно, что оно воспринимается в ряду таких аналогичных образований, как *террарий, дельфинарий, океанарий, розарий, лимонарий,*

НАПАДАЮЩИЙ И ФОРВАРД

Спорт в современном мире очень популярен, особенно спортивные игры. Как известно, футбол, регби, теннис, гандбол, хоккей и др. начали развиваться в Англии. С середины XIX века спортивные игры стали распространяться и в других странах Европы. В России к концу XIX века популярность их быстро росла. Необходимо было отражать в печати новые виды спорта, а для этого понадобилась специальная лексика.

Перед специалистами по физическому воспитанию и переводчиками встала проблема передачи на русский язык терминов спорта. С этой задачей они справились по-разному: использовали заимствованные слова (часто даже в иноязычной графике); иногда заменяли русскими обозначениями; кроме того, во внимание принималась терминология, уже бытовавшая в разговорной практике спортсменов, а также лексика русских народных подвижных игр (городки, лапта и др.). Основная же масса терминов спорта формировалась путем специализации общеупотребительной лексики русского языка. В России первая специальная литература по спортивным играм начала выходить в 90-е годы XIX века.

Современный русский термин *нападающий* (спортсмен, игрок нападения в футболе, хоккее и некоторых других командных спортивных играх) возник в результате терминологизации общеупотребительного слова. Однако не сразу это слово утвердилось в качестве спортивного термина, специализация его проходила постепенно и сопровождалась интересными лексико-семантическими процессами и активным взаимодействием с другими обозначениями.

Первоначально для наименования игрока нападения привлекались такие слова: *передний*, *передовой* — точный перевод английского *forward*; *боец* — от англицизма *fighter* (участник состязания, боец): «Игроки становятся в три ряда: передний составляют бойцы или передовые» (Павлова. Сборник подвижных игр на открытом воздухе. 1896). Одновременно появляется слово *нападающий*. Оно очень легко и свободно входит в спортивную лексику, без сопроводительных ремарок, пояснений, без кавычек, которыми часто снабжают слова с оттенком новизны. Сказывается его известность в общелитературном языке и точный, удачный выбор в качестве наименования игрока атакующего, игрока нападения. Слово *нападающий* в значении общеупотребительного имени существительного было широко известно в русском языке XIX века и зафиксировано в Толковом словаре В. И. Даля: «*Нападающий* — кто нападает».

При специализации этого слова за основу взят его основной смысл — «тот, кто нападает». За этим содержанием в процессе употребления слова в спортивной сфере закрепляются новые смысловые оттенки, отражающие специальное понятие. В результате за словом *нападающий* закрепляется значение «спортсмен, игрок нападения в футболе, хоккее и некоторых других командных спортивных играх». Об этом свидетельствуют такие примеры: «Нападающие образуют собой нападающий отряд, между тем как привратные (так в конце XIX века называли защитников) представляют собою резерв. Связь между ними поддерживают пограничные (этим словом обозначали игрока полузащиты, то есть полузащитника)» (Футбол. 1895); «Нападающие становятся в линию перед коновыми воротами, к которым один из игроков посылает мяч из угла ногой» (Павлова. Сборник подвижных игр); «Кун выигрывается, когда мяч пройдет между его столбами под поперечиной, если он не кинут или не перенесен в руках кем-либо из нападающих» (Дементьев. Английские игры на открытом воздухе. 1897).

В конце XIX века из английского заимствуется слово *форвард*. Первое время оно иногда употреблялось в иноязычной графике: «Предводитель расставляет 9 человек, играющих на равном друг от друга расстоянии, они называются нападающими (*forwards*)» (Футбол).

С начала XX века игрока нападения называют главным образом русским термином *нападающий* и англицизмом *форвард*: «Германская защита не дает венгерским форвардам забить большое количество мячей...» (журн. Спортивное слово, 1909, № 12). Иногда встречаются и другие наименования, носящие, однако, случайный характер: *шутист*, *загонщик*, *игрок*. *Шутист* в этом ряду занимает особое место, являясь русским неологизмом; это суффиксальное образование от *шут* — «сильный, верный удар»: «Penalty (штрафной

удар) — своего рода дуэль между сторожем и самым верным „шутистом“, где у противника больше шансов» (Футбол. 1912).

Эта вариантность объясняется стремлением подобрать наиболее подходящие наименования для нового понятия, стихийностью терминотворчества, отсутствием каких-либо авторитетных лексикографических источников по спортивной терминологии. К 20-м годам XX века широкая синонимия в обозначении игрока нападения в спортивных играх в значительной степени была сокращена. Благодаря регулярному использованию слова *нападающий* в новом качестве, его содержание еще более специализировалось, конкретизировалось: сфера употребления слова сузилась, ограничилась областью спорта. Изменилась и лексическая сочетаемость слова, оно активно и свободно стало сочетаться с другими спортивными терминами: *нападающий команды, нападающий сборной, нападающий пасует, нападающий забил гол* и др.

В 20-е годы со значением «игрок нападения» регулярно употреблялись только два наименования: *нападающий* и *форвард*. Остальные параллельные обозначения к этому периоду выходят из употребления.

В новом осмыслении слово *нападающий* зафиксировано в словаре: «*Нападающий* — в футбольных и хоккейных командах один из пяти игроков, составляющих линию нападения» (Б. Чесноков. Энциклопедический словарь по физической культуре. 1928 — первая фиксация). К 30-м годам *нападающий* становится более употребительным, а частотность заимствованного слова *форвард* заметно уменьшается. В 40—50-е годы *нападающий* полностью вытеснил англицизм *форвард*, став единственным наименованием игрока нападения в спортивных играх. «Словарь русского языка» (т. 4, 1961) справедливо сопровождает слово *форвард* пометой «устарелое».

Однако в 60—70-е годы через печать, радио и телевидение, благодаря интернациональному характеру, термин *форвард* вновь становится употребительным. Но теперь он используется в качестве синонима к слову *нападающий* с целью избежать повторения во фразе одного и того же слова. Причем широко употребляется англицизм только в языке публицистики, в специальной же литературе встречается крайне редко. Вот примеры из газеты «Советский спорт»: «Форварды продолжали беспрестанно тревожить канадского вратаря, а затем к нападающим стали подключаться и защитники» (1977, 22 дек.); «Дважды, в 1973 и 1979 гг., Б. Михайлов признавался лучшим нападающим чемпионатов мира и Европы» (1980, 17 дек.); «На этот раз опытный форвард так и не подобрал ключей к воротам „Динамо“» (1980, 21 дек.); «Поскольку вратарю приходится выходить далеко из ворот, то защитники обязаны внима-

тельно следить за нападающими соперника, отсекают их от шайбы» (1980, 21 дек.).

Таким образом, спортивный термин *нападающий* появился в результате терминологизации общеупотребительного слова. Его становление в качестве термина сопровождалось борьбой с другими русскими словами в этом значении и с заимствованным обозначением. Современный термин *нападающий* утвердился в лексике спорта благодаря мотивированности значения и тому, что он удачно отражает понятие. Интернациональное же слово *форвард* в 70-е годы вновь стало активно употребляться в языке публицистики как синоним к *нападающий*.

И. М. ЮРКОВСКИЙ

Кишинев

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Читательница А. К. Улановская (Киев) интересуется произношением слов иноязычного происхождения, типа *жюри*, *парашют*.

В русском языке буквы *ж* и *ш* передают твердые шипящие звуки, например: [жý]джий, [шý]ло, [жá]дность, [шý]жный, [жý]ница. Во французском языке звуки, соответствующие русским *ж* и *ш*, более мягкие. Поэтому слова, заимствованные из французского, первоначально произносились со смягченными шипящими: [ж']юри, пара[ш']ют, бро[ш']юра. С течением времени слова *брошюра* и *парашют*, довольно часто употреблявшиеся в речи, «обрусели», стали произноситься по законам русской орфоэпии с твердым *ш*. Еще одним показателем того, что слово-пришелец освоено языком, можно считать появление производных от него. От слов *брошюра* и *парашют* возникли однокоренные образования: *брошюровать*, *брошюровка*, *брошюровщик* и *парашютный*, *парашютист* и др.

В употреблении слова *жюри* была меньшая необходимость, оно реже использовалось в речи. Поэтому в его произношении дольше удерживались иноязычные черты. Это поддерживалось также некоторыми словарями и произношением дикторов Всесоюзного радио и телевидения. Но не только смягченный звук *ж* говорит о неосвоенности русским языком слова *жюри* — от него нет ни одного производного. Однако теперь и оно звучит в литературном языке преимущественно с твердым — русским шипящим *ж*. Именно такое произношение мы можем рекомендовать нашим читателям.

Л. Н. Кузнецова

ЭТИ СЛОВА, конечно, многим хорошо известны, но с историей их знакомы, возможно, не все.

Слово *капелла* происходит от латинского «сарра», что значит «капюшон, мантия». Как отмечается в словаре N. Zingarelli «Vocabolario della lingua italiana» (Bologna, 1970), в древности капеллой называлось место почитания кашпы св. Мартина Турского. В средние века капеллой стала называться католическая часовня или придел в церкви, где размещался хор; позднее название *капелла* закрепилось за хором. В XVIII веке возникает термин *a sarrella* (итал. в стиле капеллы, то есть хоровое пение без инструментального сопровождения).

С течением времени словом *капелла* стали называть не только церковный хор, но вообще всякий хор, исполняющий произведения без инструментального сопровождения, а также оркестр.

Впервые слово *капелла* (правда, в устаревшей форме — *капеллия*, *капелль*) находим в «Российском с немецким и французским переводом словаре, сочиненном Иваном Нордстетом», в первой части издания (1780 г.). В Словаре В. И. Даля впервые зафиксирована форма *капелла* «хор певчих или музыкантов».

В России широкое распространение в XVIII веке получили вокальные и вокально-ин-

струментальные капеллы, создаваемые из крепостных певцов и музыкантов. Поэтому не случайно уже в XVIII веке в Петербурге создается хор, получивший название Придворной певческой капеллы. В XIX веке ею некоторое время руководил М. И. Глинка. Теперь эта капелла носит название: Ленинградская государственная академическая капелла им. М. И. Глинки.

В середине XIX века слово *капелла* приобрело и значение «концертный зал, где исполняются классические хоровые произведения и вокально-инструментальная музыка». В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» читаем: «Получить билет в придворную капеллу, в театр и т. д. никто не может так легко и скоро».

Слово *консерватория* отмечено в словарях несколько позже, чем *капелла*. Его мы находим в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» Н. Яновского (ч. II, 1804 г.). *Консерватория* пришло в русский язык из итальянского conservatorio (лат. conservo «хранить, сберегать»).

В Италии *консерваториями* в XVI веке назывались приюты, дома для сирот и беспризорных детей. В них воспитанников обучали различным ремеслам, а с XVII века — музыке. Уроки музыки постепенно заняли основное место в воспитании детей. В XVIII веке консерватория в Италии становится учебным заведением, готовящим музыкантов-исполнителей, композиторов.

Таким образом, проследившая историю слова *консерватория*, мы обнаруживаем пока два значения: «1. Приют, сиротский дом. 2. Учебное заведение, готовящее музыкантов различного профиля».

В конце XVIII — начале XIX веков консерватории как высшие учебные заведения открываются во Франции, Германии, Англии, Чехии и других странах.

В России первая консерватория была открыта в Петербурге в 1862 году. В Москве открытие консерватории состоялось в 1866 году. Большая роль в создании консерватории в Петербурге принадлежит А. Г. Рубинштейну, в Москве — его брату Н. Г. Рубинштейну.

Кроме уже приведенных выше двух значений, слово *консерватория* имеет еще одно — «зал, где проводятся концерты». Нам стала уже привычной фраза: «Концерт состоялся в Большом или в Малом зале консерватории», а в разговорной речи возможны и обычны такие выражения: «Он пошел в консерваторию», «Вчера она была в консерватории».

Слово *филармония* из всех трех рассматриваемых нами слов отмечено в словарях значительно позже. Мы находим его только в Словаре иностранных слов 1937 года.

Филармония в русский язык пришло из французского *philharmonie* (греч. *phileō* — люблю и *harmonia* — гармония). Слово переводится как «любовь к гармонии». Однако такой дословный пере-

вод объясняет нам еще очень немного. Словарь современного русского литературного языка дает два значения слова: «1. Учреждение, занятое организацией концертов и пропагандой музыкального искусства; 2. Музыкально-драматическое училище при Московском филармоническом обществе в конце XIX — начале XX в.». К первому значению словарь дает в качестве оттенка «Концертный зал, театр, в котором проходят концерты, организованные этим учреждением». Этот оттенок, как нам кажется, может рассматриваться и как самостоятельное значение.

Слово *филармония*, как видим, отмечается в словарях довольно поздно, да иначе и не могло быть, потому что филармонии как учреждения до Октябрьской революции просто не было. В Москве и некоторых других городах были филармонические общества, то есть собрания любителей музыки с целью устройства концертов, школ. В России первое филармоническое общество появилось в Петербурге в 1859 году.

Первая филармония как организация, пропагандирующая главным образом музыкальные произведения, была создана в 1925 году в Москве. В настоящее время в СССР насчитывается около 130 филармоний. В их составе — как отдельные исполнители, так и целые коллективы.

В. С. ФИЛИППОВ

Рисунок В. Леонова

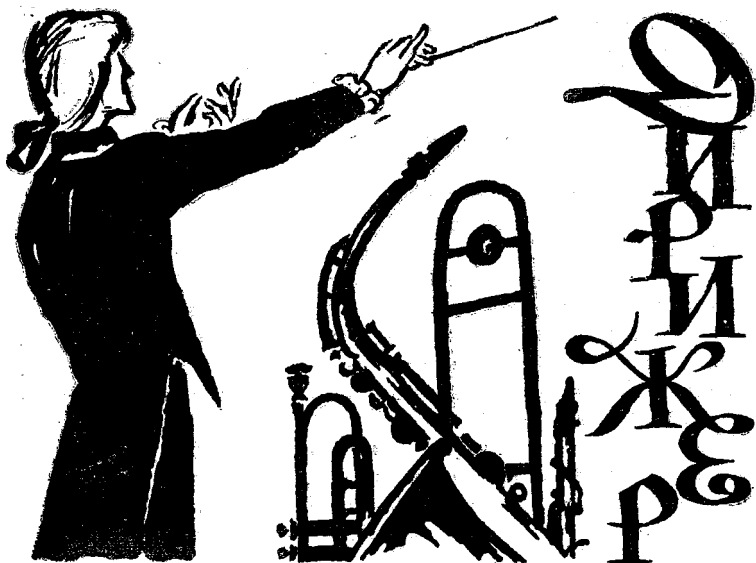
СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Газ — трубы — это соглашения (контракты) о поставках природного сибирского газа из СССР по газопроводу в страны Западной Европы и о поставках труб для строительства этого газопровода и различного нефтегазового оборудования из стран Западной Европы в СССР. Конструкция *газ — трубы* состоит из двух слов, разделенных отчетливой паузой (на письме — тире) и обозначающих в каждом случае опорные понятия. Она эко-

номна, так как заменяет полную, иногда громоздкую формулировку. Так, в нашей печати широко пользуются сочетанием *соглашения (контракты) газ — трубы*: «И подписали с Москвой соглашение «Газ — трубы», названное контрактом века» (Лит. газета, 1982, 24 февр.).

Рассматриваемая конструкция представляет собой интерес не только как таковая, но и как одно из частных проявлений наблюдаемой тенденции вводить в речевой оборот наиболее экономные формулы.

Н. Ф. Шумилов

Я слушал музыку, следя за дирижером.
 Вокруг него сидели музыканты — у каждого
 особый инструмент
 (Сто тысяч звуков, миллион оттенков!).
 А он один, над ними возвышаясь,
 Движеньем палочки, движением руки,
 Движеньем головы, бровей, и губ, и тела,
 И взглядом, то молящим, то жестоким,
 Те звуки из безмолвия вызывал,
 А вызвав, снова прогонял в безмолвье.

Солоухин. Дирижер. Рапсодия Листа

Дирижер — сравнительно новое слово в русском языке. В своем основном значении оно широко известно как «лицо, управляющее оркестром, хором, ансамблем и т. п.». Слово было образовано от французского глагола *diriger* «управлять, направлять, руководить». Впервые оно было включено в «Новый словотолкователь» Н. Яновского (1803). В разное время от него были образованы слова *дирижировать*, *дирижирование*, *дирижерский* и, ставшие устаревшими, *дирижерка*, *дирижерство*, *дирижировка*.

Истоки профессии «дирижер» уходят в глубь тысячелетий. Как только люди начали вместе петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах, так и появилась необходимость в руководителе. Первым таким организатором был, видимо, запевала — один из

певцов хора. Он «держал тон», указывал ударами в ладони или постукиванием ноги темп и громкость пения.

Дальнейшие попытки добиться слаженного исполнения музыки были предприняты в Древнем Египте и Древней Греции.

Мысленно перенесемся в театр Древней Греции. На площадке для пения, пляски и декламации, называемой *орхэстрэ*, развивается драматическое действие. Оно протекает согласованно, как бы на одном «дыхании». Однако как удастся нескольким десяткам артистов справляться со столь сложной задачей? Кто направляет их? Руководитель всем известен — это *корифей* (греч. *koryphaios* — «вождь, предводитель»). Скрываясь за сценой от зрителей, он ударами ноги «подсказывает» чтецам, хористам, музыкантам нужные ритм, темп, оттенки исполнения. Различный отсчет ударов ноги *корифея* имел свои названия, которые впоследствии перешли в стихосложение как наименования стоп: *ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест*.

Шло время. Менялись способы и характер управления музыкальным коллективом. Известно, например, что дирижировали с помощью пальцев рук, палкой, свернутой в трубку нотной бумагой, а иногда и смычком. Было время, когда руководили не только в одиночку, но и вдвоем, втроем; сами дирижеры находились на сцене, за сценой, перед оркестром (даже спиной к нему), за оркестром. При всем этом дирижер не переставал быть членом инструментального или вокального ансамбля.

Все эти способы управления стали почвой для развития современного дирижирования, когда дирижер, взяв в руки дирижерскую палочку, встал лицом к оркестру.

В эпоху средневековья дирижеры назывались *капельмейстерами* (нем. *Kapelle* «хор, оркестр» и *Meister* «мастер, руководитель»). Они руководили при светских дворах, при церквях и соборах капеллами, сочиняли музыку к различным торжествам. Позднее *капельмейстерами* стали называть дирижеров театральных, симфонических, военных оркестров. В России слово *капельмейстер* впервые отмечено в словаре И. Нордстета (1780). Встречается оно в литературе XIX века и нашего времени. В новелле В. Ф. Одоевского «Последний квартет Бетховена» читаем: «Помнишь ли ты, когда в Вене, в присутствии всех венчанных глав света, я управлял оркестром моей ватерлооской батальи? Тысячи музыкантов, покорные моему взмаху, двенадцать капельмейстеров, а кругом батальный огонь, пушечные выстрелы...»

Капельмейстер находим в стихотворении «Перед закатом» современной поэтессы Ю. Друниной: «Хорош усатый капельмейстер, А если проще — дирижер»,

Надо заметить, что *капельмейстер* долгое время являлось конкурентом слова *дирижер*. Ср.: «В начале нынешнего столетия (XIX в.— В. И.), когда музыкальные формы были просты, а оркестр немногосложен, хорошие дирижеры не были редки. Но теперь, после усовершенствований, внесенных в инструментовку Бетховеном, Вебером, Мендельсоном, Глинкой, Вагнером и, наконец, Берлиозом, при своеобразии современной формы хороший капельмейстер — большая редкость» (Кюи. Избранные статьи). Начиная с середины прошлого века активное употребление слова *капельмейстер* связывается с деятельностью дирижера военного оркестра. Лишь в конце 40-х годов нашего века военные капельмейстеры стали именоваться *военными дирижерами*: «Я был военным капельмейстером: начинал с маршей и мелких пьес в полковом оркестре, затем... как дирижер духового оркестра корпуса участвовал в серьезных концертных выступлениях» (Музыкальная жизнь, 1980, № 9).

От *капельмейстер* были образованы *«капельмейстерша, жена его. Капельмейстеров, -шин, ему, ей принадлежащий; капельмейстерский, к этому званию относящийся. Капельмейстерство, ср.: наука, звание, искусство и должность капельмейстера»* (Словарь В. И. Даля).

С середины XIX века дирижера хора стали называть и *хормейстером*. Первая часть слова восходит к греческому *horos* «хор», а вторая к немецкому *Meister* «мастер, руководитель».

В настоящее время *хормейстер* употребляется наряду с такими сочетаниями, как *хоровой дирижер, дирижер хора и руководитель хора*. От него образовано прилагательное *хормейстерский*.

Небезынтересно, что слова *дирижер* и *дирижировать* бытовали в прошлом веке и в значениях «руководитель танцев на балу» и «управление, распоряжение танцами на балу»: «...пригласил (Кити на вальс) лучший кавалер, главный кавалер по бальной иерархии, знаменитый дирижер балов, перемониймейстер, женатый, красивый и статный мужчина, Егорушка Корсунский» (Л. Толстой. Анна Каренина); «...кавалер (Нины), дирижировавший мазуркой, устраивал какую-то сложную фигуру...» (Куприн. Молох).

В заключение отметим, что в настоящее время слово *дирижер* порой употребляется в переносном значении: «„Маэстро“ ...является дирижером гигантского внешнеполитического пропагандистского оркестра США, призванного обрабатывать мировую общественность в нужном для администрации Вашингтона направлении» (Московская правда, 1982, 27 ноября); «Словом, она была здесь главным дирижером, только «палочкой» служили... денежные купюры...» (Вечерняя Москва, 1983, 14 янв.).

В. Д. ИВАНОВ
Рисунок В. Комарова

А Ш Е И М Я

Личные имена — это особые слова со своей особой судьбой. Почти каждое имя произошло в далеком прошлом от какого-нибудь нарицательного слова. Вот, например, имена: *Петр*, *Максим*, *Василий*, *Ирина*. Если бы мы решили их заменить словами, от которых они произошли (*Петр* — от греч. *камень*, *Максим* — от лат. *большой*, *Василий* — от греч. *царь*, *Ирина* — от греч. *мир*), то получили бы систему личных имен, очень похожую на ту, которой пользовались наши предки. Приведем некоторые образцы русских имен в XV—XVI веках: *Мир Гамов сын Тыртов*, помещик (Новгород, 1571), *Царь Емельян*, крестьянин (Новгород, 1495).

Параллелизм старых русских имен и календарных (заимствованных на Руси после введения христианства) просматривается и на таких примерах: *Образец Рогатый Бестужев* (Ярославль, 1569), *Федор Рогач* (Обонежье, 1496) — календарные русские имена *Корний* (*Корней*), *Корнилий* восходят к латинскому слову со значением «рогатый»; *Борис Васильевич Малой* (Новгород, конец XV в.) — календарные *Павел*, *Павла* образованы от латинского слова со значением «малый».

Приведенные примеры говорят прежде всего о единстве имятворчества у всех народов и о единстве образов, лежащих в основе имен у людей разных культур. В то же время примеры свидетельствуют и о том, что перевод основы имени, как правило, создает новое имя. У арабов, например, было много имен, обозначающих различные горные породы и колючие растения. Они полагали, что прочность предметов придаст силы и людям, получившим такие имена. Сирийское имя *Кифа* образовано от слова со значением

«камень». Это имя заимствовали греки в форме *Кефас*, в византийском чтении — *Ки́фас*, перевели основу этого имени своим словом со значением «камень» и образовали от него имя *Петрос*. И в списках византийской церкви оказались *Ки́фас* и *Петрос*, а в списки русских имен они попали в формах *Ки́фа* и *Петр*.

Имя *Петр* оказалось более жизненным, чем *Ки́фа*, которое по своему строению скорее похоже на женское (ср. *Кира*, *Марфа*). Малая распространенность и необычность позволили Н. В. Гоголю использовать имя *Ки́фа* в одном из поэтических отступлений в поэме «Мертвые души» для создания образа отца семейства *Ки́фы Мокиевича* и его сына *Мокия Ки́фовича*.

В период становления именных систем у разных народов в результате перевода возникали новые имена. Правда, у русских этот процесс был представлен не очень широко. Например, путем перевода греческих *Пистис*, *Элпис* и *Агапе* были созданы имена *Вера*, *Надежда*, *Любовь*. Соответствующие им мужские имена были заимствованы в их византийском звучании: *Пист*, *Елпидий*, *Агапий*. Имя *Верн*, бывшее в списках календарных имен XI—XIII веков, не удержалось. Русские мужские двусловные имена *Богдан*, *Боголеп*, *Боголюб* — также своеобразный перевод греческих *Фе(о)дот*, *Феопрений*, *Феофил*. Получается, что, переводя имена греческие, мы создаем новые русские, например *Богдан*, а заимствуя греческие в их звучании, — тоже создаем новые: *Федот*.

Из слов русского языка можно образовать много имен (*Людолоб*, *Смелый*, *Граждана*, *Здравосмысла*), но это не сделает их русскими именами. Можно заимствовать греческие имена, например: *Махаон*, *Перифет*, *Тидей*, *Эгеста*, *Ютурна*, но и они имеют очень низкий шанс превратиться в русские, потому что не связаны с нашими культурными традициями. Так, в 20—30-е годы нашего столетия новорожденных иногда называли *Джон*, *Рид*, *Ромена*, *Ролана*, *Джонрид*, *Саккованцетти*. Имена эти подвергались русификации, вовлечены в сферу русского словоизменения, словообразования, но не стали именами русского народа. Личные имена легко переходят из одного языка в другой, но при этом не обязательно становятся именами данного народа. Главное в имени — связь с народом и его культурой.

★

Необходимо отметить, что разные культуры создавали порой параллельные имена. Особенно это относится к именам церковного списка, которые, употребляясь у разных народов в разном звучании, сопоставлялись с одним образом. Параллелизм в восприятии этих образов привел к развитию одинаковых общественных оценок

имен у разных народов. Не случайно, например, именами — представителями русского народа — стали *Иван* и *Мария*, английского — *Джон* и *Мэри*, французского — *Жан* и *Мари*. Разные общественные условия привели к одинаковому результату — широкой распространенности этих имен. В старых русских переписных книгах нередки записи типа: «У Ивана Родионова сын Ивашко 15 лет, да Ивашко же 3 лет». Это объясняется тем, что в деревнях имя младенцу давали при крещении по календарю, часто даже не спрашивая родителей, как зовут их старших детей.

Интересные старые народные попытки приспособить иноязычные имена к русскому звучанию. Например, в русских грамотах XIV—XV веков упоминаются немецкие и ливонские бюргеры: *Иван Мясо* (1417), *Иван Белый* (1301), *Иван Кортавый* (1463). Германского феодала *Герхардта фон Клев* новгородская летопись именует князь *Григорий из Заморья Клевский*. Шведский посол *Кристер Лёве* (1488) в русских документах значится *Костянтин лютый зверь*, то есть лев. Передача имени *Герхардт* как *Григорий* и *Кристер* — как *Костянтин* — это замена с помощью близких по звучанию имен, понятных в русской среде, в соответствующем культурном окружении. Именем *Иван*, очевидно, заменялись западные *Иоханн* (ес), *Ян*, *Йон* и т. д.

Замены иноязычных имен их эквивалентами, принятыми в условиях иной культуры, допускаются при чрезвычайных обстоятельствах и сейчас: перемена местожительства и культурно-языковой среды. Так, немца по имени *Якоб* в русской среде называют *Яковом*, потому что форма *Якоб* не будет принята окружающими. В условиях русско-украинского двуязычия, например, когда разноязычные собеседники хорошо знакомы с обеими культурами, происходят постоянные замены имен: *Микита* — *Никита*, *Олександр* — *Александр*, *Одарка* — *Дарья*, *Палажка* — *Пелагея* и т. д. В западной и восточной частях Украины происходят несколько иные взаимные замены: *Федора* — *Тодора*, *Феодосия* — *Теодозия*, *Феофил* — *Теофил*, *Фадей* — *Тадей*, *Панас* — *Танась* (*Афанасий* — *Атанасий*). Основная причина их — невозможность в условиях близкородственных языков пользоваться двумя разными именными системами. Каждый раз говорящий старается приспособить имя несколько иной культурно-территориальной системы к своей собственной.

В юридической практике нередки случаи, когда вследствие проживания в различных местах, а иной раз просто в результате небрежной записи, в разных документах одного и того же человека имя оказывается написанным по-разному. В некоторых случаях (получение заказного письма, посылки, оформление пенсии, поступление на работу) такие записи могут вызвать затруднения.

В помощь работникам паспортных столов и загсов издательство «Русский язык» выпустило «Справочник личных имен народов РСФСР» (М., 1979). В условиях двуязычия (и многоязычия), имеющего место во многих республиках нашей страны, Справочник позволяет уточнить, какому народу принадлежит то или иное имя, как оно пишется на языке, родном для его носителя, поможет правильно записать фамилии, имена в документах, образовать от них отчество, а также установить единое русское написание имен разных народов.

В Справочнике, помимо списков имен 36 народов РСФСР, даны пять приложений. Так, Приложение I «Происхождение и значение некоторых имен» дает возможность уточнить правильность регистрации имен, проводившейся в разных районах нашей страны. В это Приложение включены все русские имена, в том числе церковных списков, а также их соответствия в славянских, романских, германских языках, ограниченно представлены и восточные имена. Культурно-исторические соответствия имен необходимо знать, особенно работникам загсов, при регистрации новорожденных.

*

Перевод имен личных с одного языка на другой по смысловому значению исключается. Он ведет, как правило, к созданию нового имени (*Леон — Лев*). Имена личные не связаны со значением тех нарицательных слов, от которых они когда-то отмежевались, образовав свой самостоятельный класс слов. Былое значение основ собственных имен вскрывает исследователь, изучающий культуру народа и его язык. Это представляет большой историко-познавательный интерес, но никак не связано с современным функционированием имен в языке и в обществе.

В то же время, в процессе контактирования представителей разных языков друг с другом, при переводах художественных текстов и официальных документов, возникает необходимость замен имен одной культуры именами, занимающими аналогичное место в другой культуре (*Джон — Иван*). В условиях двуязычия происходят замены имен одних систем их традиционными соответствиями в других (украинское *Олексій* — русское *Алексей*). При записи имен личных, заимствованных из национальных языков, происходят замены букв, отсутствующих в принимающем языке: татарское *Гелзар* — русское написание *Гульзар*. Все это разнообразные виды особых переводов, не представленные у имен нарицательных.

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИ И... АРИФМЕТИКА

В письмах двух читателей «Русской речи» выражается недоумение по поводу того, как в некоторых произведениях писателей XIX века литературные герои характеризуются с помощью мер длины и веса. «В повести И. С. Тургенева „Муму“, — пишет И. Николаев из Москвы, — в начале (2-й абзац) написано: «Из числа всей ее челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем и глухонемой от рождения...». Вершок — 4,45 см, то есть рост Герасима — около полуметра. Не мало ли для богатыря? Может быть, это ошибка или опечатка? А может быть, я чего-то не знаю, с чем-то не знаком в определении роста человека во времена Тургенева?»

Действительно, если считать с помощью очевидного умножения, получается: $4,45 \text{ см (или, точнее, как указывают словари, } 4,44 \text{ см)} \times 12 = 0,53 \text{ м}$. Как-то не вяжется с привычным представлением о внешности героя повести «Муму»... Однако здесь действует несколько более сложная математическая процедура; вот как характеризует ее Г. Я. Романова в книге «Наименование мер длины в русском языке» (М.: Наука, 1975): «Для XIX века можно отметить странное с точки зрения простых арифметических подсчетов употребление слова *вершок* при описании роста: В нем [Головане] было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков; сложение имел широкое, сухое и мускулистое (Лесков. Несмертельный Голован...) [далее в тексте книги следует приведенный пример из «Муму». — Б. Ш.]. Здесь писателями использован обычный для XIX века способ описания роста, когда упоминается только количество вершков свыше двух аршин, которые подразумевались сами собой, но не назывались, так как нормальный рост любого человека всегда был больше двух аршин». Следовательно, считать рост человека и животных следовало по формуле: «стольких-то вершков (сверх двух

аршин)» (Словарь современного русского литературного языка), и рост Герасима должен равняться 2 аршинам (то есть $0,711 \text{ м} \times 2 = 1 \text{ м } 42 \text{ см}$) + 12 вершков ($= 0,53 \text{ м}$), итого 1 метру 95 сантиметрам — почти «баскетбольный» рост для нашего времени, вполне «гвардейский» для описываемой Тургеневым эпохи.

Эти единицы — аршин и вершок — использовались в официальной документации еще в начале XX века. Ср., например, в полицейском донесении 1907 года: «Приметы: Возраст — 20 лет. Рост 2 арш. 9 вершков, телосложения атлетического...» (Вл. Позинский. Час опасности). А вот современный писатель в научно-популярной книге для детей должен расшифровывать данные о росте в вершках: при Александре II в России «освобождались от воинской службы священнослужители, лица, не способные к военной службе физически, и те, чей рост менее двух аршин и двух с половиной вершков (153,34 см)» (Елизаветин. Про войны).

Второе письмо — читателя З. У. Аюбова из Грозного: «Еще в школе обратил внимание на такой любопытный факт из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», как указание на двадцатипудовый вес главного героя. Путем несложного подсчета определил, что Тарас Бульба весил ни много ни мало 326 кг! А может, пуд по тем временам весил меньше, чем 16,3 кг?»

Нет, пуд — эта старинная русская мера веса — не меняла своего количественного значения (40 фунтов — 16,38 кг). А вес Тараса Бульбы действительно... великоват: «Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжел и толст», — пишет Гоголь. Как же объяснить это «двадцатипудовое бремя»?

Понимание этого заложено в самом поэтическом строе повести, пронизанном гиперболизацией. Известно, что гиперболой в литературоведении принято называть художественный прием, выражающийся в значительном, подчеркнутом преувеличении, в приписывании какому-либо лицу или предмету признака в такой мере, в какой они этим признаком отнюдь не обладают (см.: Краткая литературная энциклопедия). Использование этого приема художественной речи было в высшей степени присуще произведениям Гоголя. Напомним хотя бы такие общеизвестные места из гоголевских повестей, как «рот величипой в арку Главного штаба» (Невский проспект) или описание Днепра в «Страшной мести»: «Редкая птица долетит до середины Днепра...». Подобных гипербол немало и в самом «Тарасе Бульбе»: это и «шаровары, шириною в Черное море», которые надели Остап и Андрий, вернувшись из бурсы домой, и карманы у «консула», наблюдавшего за поведением бурсаков (он «имел такие страшные карманы в своих шароварах, что

мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговли»), и ряд других. Одной из гиперболически-выразительных характеристик и является «двадцатипудовый» вес Тараса Бульбы в повести.

Б. Шварцкопф

■ СКОРО И БЫСТРО

Е. М. Самойлова из Купянска интересуется различием и сходством в употреблении наречий *скоро* и *быстро*.

Скоро и *быстро* имеют близкие значения, соотносительны в употреблении, но в то же время каждое из этих слов отличается оттенками смысла и особенностями функционирования в речи.

Быстро характеризует способ осуществления действия, подчеркивает интенсивность его протекания. *Скоро* указывает на близость наступления во времени каких-либо перемен (переходов); чаще всего — на близкое начало или завершение действия.

С последним связано то, что *скоро* и *быстро* сочетаются по большей части с формами разных видов: *я быстро пишу, но скоро приеду*. Приведем примеры: «Она говорила нервно, быстро, глядя куда-то в окно...» (Соколов. Искры); «Она [вода] пока темнеет от печали, Но скоро почернеет от тоски» (Ошанин. «По озеру легко и безмятежно...»).

Интенсивность протекания действия предполагает краткость времени его осуществления; этим обусловлено то, что *скоро* и *быстро* могут выступать как синонимы: «...Хомутова я нашел скоро» (ср. *быстро*) (Воробьев. Ермак); «Ему нужно было доставить Артамона Ильича... Скоро (ср. *быстро*) они собрались и поехали» (Г. Успенский. Нравы Растеряевой улицы). В таких случаях, однако, смысловые акценты несколько отличаются: *скоро* подчеркивает близость во времени наступления результата, *быстро* — динамичность приведшего к определенному результату действия.

Подобное (едва заметное) семантическое различие выступает также тогда, когда слова *быстро* и *скоро* указывают на возвращение, последующее через короткий промежуток времени. Сравните: «— Извините, пожалуйста,— говорит она виновато Ляджипу,— я скоро...» (Исмагилов. Приглашение на танец); «— Я быстро,— сказал Петя, судорожно глотнув,— я мигом, туда и обратно» (Смоляницкий. В головном дозоре). В первом случае указывается на близкое (*скоро*) возвращение говорящего к делам, касающимся говорящего и его собеседника (выражаемое содержание), из чего следует, что тот (говорящий) незамедлительно управится с другими делами (предполагаемое содержание). Во втором случае, наоборот,

подчеркивается, что говорящий незамедлительно (*быстро*) управится с делами, не касающимися слушающего (выражаемое содержание), из чего тот должен заключить, что отсутствие говорящего будет недолгим (предполагаемое содержание).

В русском литературном языке XIX века отмеченное смысловое различие между словами *скоро* и *быстро* ощущалось менее отчетливо. *Скоро* как синоним ближе стояло к *быстро* и использовалось для характеристики способа протекания действия. Например: «Мы ехали довольно *скоро*» (Пушкин. Капитанская дочка); «Он шел подле Ракитина *скоро* (ср. *быстро*), как бы ужасно спеша» (Достоевский. Братья Карамазовы); «Он не обладал счастливым даром *скоро* (ср. *быстро*) сходиться с людьми» (Мамин-Сибиряк. Горное гнездо).

В современном русском языке *скоро* само по себе в подобном употреблении, как правило, не встречается. Однако прежняя, более тесная синонимическая связь (способность к замещению одного другим) между *скоро* и *быстро* отображается в употреблении производных образований от *скоро* — формы сравнительной степени, наречия с уменьшительно-ласкательным суффиксом и др. Сравните: «—...Ну как, на вышку будем подниматься? — Конечно! Пошли *быстрее* (ср. *скорее*), — заторопилась Таня» (Дворкин. Восемь часов полета); «— *Скорей* (ср. *быстрей*), Наталка, — заторопилась Женья, взглянув на командира» (Медведев. Сильные духом).

Скоро и *быстро* как более или менее близкие синонимы употребляются в предложениях с обобщенным содержанием: «— Всем спасибо. Говорят, человек *быстро* (ср. *скоро*) забывает добро... Это не так. Мы будем помнить» (Дворкин. Восемь часов полета); «...Павлович говорил, А сам чай морковкою заваривал: — *Скоро* (ср. *быстро*) псам брехать в ночи отвыкнется, Коль с конюшни сивка не откликнется» (Тряпкин. Ожидание).

Для современной русской речи более характерно обособленное (несинонимическое) употребление слов *быстро* и *скоро*, в котором одно слово или не может заменить другое, или такая замена влечет за собой изменение смысла. Например: «Никита ничего не сказал Тане, но она вдруг наклонилась к нему и *быстро* [нельзя заменить словом *скоро*] поцеловала в губы»; «Так уж повелось, такая была традиция (а возникла она и укрепилась очень *быстро*)» (Дворкин. Восемь часов полета), — легко заметить, что замена *быстро* словом *скоро* не была бы равнозначной; «Я вот *скоро* [нельзя заменить словом *быстро*] уеду и не узнаю ваших историй. Рассказали бы мне о своей первой любви» (Кузнецов. За московскими холмами).

Может показаться, что, дифференцируясь по смыслу, *быстро* и *скоро* в употреблении отдаляются друг от друга. На самом деле

это не так. Теперь, по-прежнему неся в себе уточняющую характеристику действия, указанные слова в употреблении не «повторяют», а, благодаря различию выполняемых функций, как бы восполняют друг друга. От этого взаимодействие в языке между ними становится более определенным и тесным.

Н. А. Луценко
Донецк

■ МИНУВШИМ ДНЕМ ИЛИ ВЧЕРА?

Читатели М. М. Орлов, А. И. Виноградов и другие просят разъяснить, в каких случаях целесообразно *вчера* заменять словами *минувшим днем*. Последнее выражение нередко употребляется в выпусках Последних известий и международных передачах Всесоюзного радио.

Обратившись к нормативно-стилистическим пособиям, мы можем определить устоявшееся употребление в литературном языке синонимичных выражений *вчера* и *минувшим днем*.

Вчера — обычное, нейтральное слово, применяющееся как в обиходно-бытовой речи, так и в любой иной — книжной, публицистической, художественно-повествовательной и т. п.

Минувшим днем окрашено оттенками более высокой речи. Ср. у Пушкина: «Бойцы поминают минувшие дни И битвы, где вместе рубились они». Еще более эта высокая стилистика проявляется тогда, когда прилагательное *минувший* выступает в функции существительного: «На старости я сызнова живу, Минувшее проходит предо мною» (Пушкин).

Если в обыденной бытовой фразе типа *Я вчера купалась на озере* заменить слово *вчера* на равное ему по смыслу *минувшим днем*, то это значит изменить нейтрально-бытовую стилистику фразы на какую-то иную. Скорее всего, фраза приобретет оттенок иронии, насмешливости, ибо высокий стиль, который присущ выражению *минувшим днем*, здесь неуместен по содержанию. Вместе с тем традиционно-стилевая прикрепленность прилагательного *минувший* к речи литературно-книжной (на это указывают и синонимические словари, когда рассматривают его среди близкозначащих слов *прошлый*, *прошедший*, *истекший*) в последнее время значительно поколеблена.

Читатели правы, когда говорят в своих письмах о пристрастии Всесоюзного радио в рубриках «Последних известий», «Международных комментариев» и подобных к использованию выражения *минувшим днем* вместо обычного *вчера*. Наша проверка не просто подтверждает это наблюдение, но и показывает, что сочетание

минувшим днем лишь одно из серии однотипных временных выражений с прилагательным *минувший*. В разных падежных формах *минувший* конструирует обширный и открытый ряд: *минувшим летом, за минувшую пятилетку, в минувшем году, в минувшем пятилетии, за минувшие сутки, в минувшую зиму, минувшей ночью, в минувшее воскресенье, за минувший 1980-й год*.

Во всех этих примерах у прилагательного *минувший*, так же как и у его синонимов *прошлый, прошедший, истекший*, реализуется временная семантика: «такой, который предшествовал настоящему, окончился до наступления его, предшествовавший ему — о годе, месяце, неделе, времени года, о любом отрезке времени». Компоненты этого синонимического ряда легко заменимы в конкретном словоупотреблении: *за прошлую неделю, за минувшую неделю, за прошедшую неделю, за истекающую неделю*.

Все слова данного синонимического ряда обладают способностью соединяться с разными и многочисленными существительными временной семантики, что вполне объяснимо исключительной внеязыковой актуальностью данной группы слов в языке вообще. Свойством обширной сочетаемости с существительными обладает и прилагательное *минувший*. Это, однако, не может быть веской причиной для предпочтения его перед синонимичными словами и излишнего увлечения им в речевой практике.

Сопоставим близкозначащие слова *вчера* и *минувшим днем*. Ни один из современных синонимических словарей не отмечает у слова *вчера* в качестве синонима сочетание *минувшим днем*. Таким синонимом является сочетание *вчерашний день*, снабженное ограничительной пометой — *просторечное*. Сам по себе этот факт не оспаривает речевой синонимичности рассматриваемых выражений, а говорит скорее лишь о том, что заметное употребление *минувшим днем* вместо привычного и нейтрального *вчера* в передачах Всесоюзного радио (и газет также) — явление новое, речевое, не получившее еще лексической и фразеологической идиоматичности.

Обладая одной и той же семантикой, то есть смыслом, конкурирующие выражения *вчера* и *минувшим днем* различны не только со стороны стилистической, как мы заметили ранее, но и грамматической. *Вчера* — наречие времени; *минувшим днем* — творительный падеж от атрибутивного словосочетания *минувший день*, выполняющий функцию наречия (творительный падеж имени часто выражает время, ибо отвечает на вопрос *когда?* — *ночью, утром, летом, осенью*). У наречия *вчера* отсутствуют формы словоизменения, а у именного словосочетания *минувший день* они есть. Многочисленные и многообразные предложно-падежные реализации именного сочетания на много превышают сочетаемость с неспрягаемым, несклоняемым и несогласуемым наречием. Покажем это на

простых примерах: *минувший (прошедший, истекший) день* принес нам новые вести о событиях на Ближнем Востоке; за *минувший (прошедший, истекший, вчерашний) день* на полях совхоза скошено травы в полтора раза больше, чем было запланировано; Правительство обратилось с предложением о прекращении огня, которое вступило в силу во второй половине *минувшего (прошедшего, истекшего) дня*. Во всех этих случаях невозможно (или неудобно) употребление слова *вчера*, в то время, как *минувший (прошедший, истекший) день* таких преград не имеет.

Обширные и многообразные словоизменительные конструкции сочетания *минувший (прошедший, истекший) день* создают количественные преимущества в сравнении с употреблением неизменяемого слова *вчера*.

Вместе с тем надо иметь в виду, что именное сочетание *минувший день* относится к разряду свободных сочетаний слов. В свободных же сочетаниях возможна замена атрибутивного компонента на любой, близкий ему по смыслу. Здесь, как было сказано ранее, уместны такие синонимы, как *прошедший, истекший*.

Излишнее увлечение каким-либо словом (или оборотом), особенно, если есть синонимический выбор, имеет нежелательные последствия. И не только потому, что речь заведомо обедняется, становится однообразной и скучной. Механические повторения одного и того же оборота (или слова), пронизывая речевую ткань постоянных рубрик радио, телевидения и прессы, рожают штампы.

Т. С. Коготкова

■ РОЖКИ ДА НОЖКИ

Ученица 10 класса Аня Кацерикова (Челябинская обл.) нам пишет: «Мы с подругой поспорили, откуда взялось выражение *рожки да ножки*. Неужели оно связано со сказкой про козлика или это случайное совпадение?»

Отвечает на этот вопрос кандидат филологических наук О. Г. Сальникова.

Начнем с небольшого уточнения: устойчивое словосочетание *рожки да ножки* восходит не к сказке, а к песне про серого козлика, и «мелодический фактор», думается, весьма существенно повлиял на судьбу крылатого выражения. В современную русскую фразеологию поступает больше песенных, нежели сказочных выражений (по справочнику «Крылатые слова» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной их число соответствует 13 и 2 единицам), потому что песни цитируются чаще, чем сказки. В самом деле, песню

про серого козлика поют в IV акте комедии И. С. Тургенева «Месяц в деревне», дважды ее вспоминает В. В. Маяковский («Окна Роста» № 4 за 1919 год и стихотворение «Корона и кепка» 1927 года), ею постановщики оживляют III акт оперетты «Марица» И. Кальмана, а количество музыкальных и литературных пародий, обращений к песне в детских спектаклях и мультфильмах трудно поддается учету.

Чем же объяснить успех непритязательной детской песенки и цитаты из нее, ставшей крылатой? Успех разделяют с «Козликом» и другие детские песни, например про елочку, поросят; их обаяние не стирается от частого повторения, потому что с этими песнями нас связывает воспоминание — «сильнейшая способность нашей души».

В разнообразных стилях используются крылатые выражения: «в лесу родилась елочка», «трусиска зайка серенький», «нам не страшен серый волк», «чижик-пыжик», «мы едем, едем, едем», «испекли мы каравай», «вот компания какая!». Но песне про козлика особенно повезло во фразеологии. Выражение *рожки да ножки*, взятое из зачина последнего куплета песни, фиксируется с 1955 года фразеологическими словарями. Поскольку фразеологизм еще молод, состав его в словарях не вполне определен, то даны разные его варианты: *остались у бабушки рожки да ножки*; *остались от козлика рожки да ножки*; (остались) *рожки да ножки*.

Когда же стало устойчивым интересующее нас выражение, и, попутно, каково происхождение песни о козлике? Обратимся за дополнительными сведениями к толковым словарям и этимологическим разысканиям по фразеологии. Отсутствие фразеологизма *рожки да ножки* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и в диалектологических словарях говорит о том, что оно чуждо старинной народной речи. «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова и 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» иллюстрируют фразеологизм поздними примерами, с 1930-х годов. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. III, 1939) еще нет этого фразеологизма, но в статье «Рожок» приводится пример: «Остались от козлика рожки да ножки». *Песня*.

Сведения о происхождении песни «Жил-был у бабушки...» разноречивы. Если Н. М. Шанский и др. в «Кратком этимологическом словаре русской фразеологии» возводят фразеологизм к «народной песне неизвестного русского автора», созданной в первой половине XIX века, то Н. С. и М. Г. Ашукины указывают на польские источники песни. Действительно, наиболее распространенный мотив песни о козлике (он обработан Д. Б. Кабалевским, Ю. Слоновым) имеет ритм мазурки и близок интонационно песне Ф. Шопена «Же-

ление», а кроме того, академику В. Н. Перетцу удалось найти в нотном сборнике XVII или XVIII века польский прототип песенки. С 1855 года песня появляется в русских сборниках и становится достоянием городского фольклора.

И все-таки, думается, фразеологизм *рожки да ножки* сформировался в юмористических стилях не ранее 1920-х годов. Одним из первых открыл экспрессивные ресурсы песни про козлика В. Маяковский, с его неиссякаемым интересом к языку и фольклору улицы. Вероятно, первых читателей Маяковского поражало неожиданностью сравнение кадетов и императора Николая II с бабушкиным козликом:

Кадет по неважной пошел дорожке,
Остались бабушке ножки да рожки.

(Текст сопровождался карикатурой, выполненной поэтом)
В программном стихотворении «Корона и кепка», посвященном 10-летию Февральской революции, поэт пишет:

И пошел
по небесной
скатерти-дорожке,
Оставив бабушкам
ножки да рожки.

Шутку Маяковского подхватывают И. Ильф и Е. Петров в романе «Двенадцать стульев» (1928): «Через пять минут стул был обглодан. От него остались *рожки да ножки*. Во все стороны катились пружины», а затем в «Золотом теленке» появляется небезызвестная ковтора «Рога и копыта». Следует напомнить также о популярном сборнике пародий, в том числе и на песню о козлике, под названием «Парнас дыбом» (Харьков, 1925, 1926). Закономерно, что выражение *рожки да ножки* вошло в литературный язык именно в 1920-е годы, в период бурной его демократизации.

В настоящее время и фразеологизм, и песенка сохраняются в нашем обиходе, и связь между ними пока не порывается. Песня уже не раз обновлялась доступным только ей способом — сменой мелодии. Так, с конца 1940-х годов с чьей-то легкой руки распространилось пение «Козлика» на мотив песенки герцога из оперы Верди «Риголетто». Остроумное наложение детского стишка на музыку блестящей теноровой арии высекло искру экспрессии, дав песенке новый взлет популярности.

Что касается песенного выражения *рожки да ножки*, то его богатая предыстория совсем не ощущается в современном употреблении. Тексты А. С. Новикова-Прибоя, А. Н. Толстого и других писателей показывают дальнейшую нейтрализацию выражения, оно

полностью освоилось в системе фразеологии, уподобившись другим афтонимичным рифмованным оборотам типа *корешки или вершки, богатство с ногами, бедность с ногами*, вступив в синонимические отношения с фразеологизмами *всего ничего, с гулькин нос, кот наплакал* и подобными.

Таким образом, интенсивная жизнь в искусстве, музыкальном быту и живой речи сформировала за несколько десятилетий из крылатого выражения поговорку; в других условиях для подобной эволюции потребовались бы, вероятно, века.

■ ЗАДЕЙСТВОВАТЬ

Читатель Гущенко Д. С. (Темиртау) просит рассказать о глаголе *задействовать*.

Задействовать принадлежит к числу неологизмов, сравнительно недавно вошедших в словарный состав русского языка. В значительной степени именно этим обстоятельством объясняются факты отрицательного отношения к нему: известно, что многие новые слова принимаются далеко не сразу и далеко не всеми. Тем более что в данном случае мы сталкиваемся с несколько необычным образованием.

Задействовать относится к тому же словообразовательному типу, что и глаголы *заасфальтировать, законспектировать, зарегистрировать* и другие, обладающие общим (словообразовательным) значением «совершить (довести до результата) какое-нибудь действие». Однако если большинство этих слов образовано от переходных глаголов, обозначающих какое-либо конкретное действие (ср.: *асфальтировать улицу, регистрировать делегатов*), то *задействовать* является производным словом от непереходного глагола *действовать*, который обозначает не какой-то конкретный вид деятельности, а действие как таковое, вне его направленности на определенный объект. Правда, здесь нужно сказать, что приобретение производными глаголами переходности — явление в языке отнюдь не исключительное: *дымить, но задымить стены; жить, но прожить деньги*.

Кроме того, своеобразие и тем более новизна слова вообще не могут быть достаточным основанием для признания его ненормативным, «неправильным», засоряющим речь. В языке немало таких образований, которые в том или ином отношении отличаются от других, стоящих в том же ряду, и тем не менее они живут и употребляются, потому что существует потребность в них как словах с определенным значением. К такого рода фактам следует отнести и глагол *задействовать*.

В самом деле, совсем нелегко найти однословный синоним для него в таких, скажем, сочетаниях, как *задействовать новое оборудование, задействовать бригаду на строительстве дома. Задействовать*, безусловно, обладает «своим», только ему присущим значением, которое можно сформулировать следующим образом: *задействовать* — «ввести в действие; привлечь к работе, исполнению какого-нибудь дела, использовать при решении какой-либо задачи».

Слово *задействовать* появилось скорее всего в профессиональной речи и до сих пор несет известный отпечаток профессионального словоупотребления. Косвенным свидетельством этого может служить характер его использования в художественной литературе. Например, в широко известном романе В. Богомолова «В августе сорок четвертого», опубликованном в 1974 году, *задействовать* (*задействован, задействованы*) встречается, главным образом, в речи советских контрразведчиков — устной и письменной: «Под вашу личную ответственность все прибывшие должны быть немедленно *задействованы* в качестве старших оперативно-розыскных групп смешанного состава» (текст документа); «Все прибывающие должны быть *задействованы* с ходу, без малейшего промедления» (речь персонажа).

Слово *задействовать* в значении «ввести в действие» приведено во втором издании «Словаря русского языка» в 4-х томах, причем с пометой «специальное» (это пока его единственная словарная фиксация). Кстати, в последнее время терминологическая и профессиональная лексика русского языка пополнилась целым рядом новых образований с приставкой *за-*. В словаре «Новые слова и значения» (М., 1971) и опубликованных словарных материалах помещены, например, такие слова, как *задублировать, закартографировать, запрограммировать, зарегулировать, застандартизировать, заякорить*.

Глагол *задействовать* сегодня достаточно широко используется и в общеразговорной речи и оттуда проникает на страницы печати, в язык других средств массовой информации: «*Задействованы* все наиболее известные службы опросов общественного мнения» (Правда, 1982, 27 ноября); «Вся необходимая техника *задействована* на обводнение поймы» (Правда, 1983, 23 янв.). Впрочем, это слово еще нередко заключается в кавычки, сопровождается определенными оговорками: «Если Продовольственная программа задевает интересы 260 миллионов человек, то уж самое меньшее 130 миллионов умов должно быть, как говорится, „задействовано“» (Литературная газета, 1982, 28 июля).

Неудивительно, что слово *задействовать* для многих звучит пока не вполне привычно. Однако нельзя не согласиться с Н. З. Котеловой, помещающей этот глагол в ряд таких новооб-

разований, которые, «не понравившись» вначале, затем получают общее признание (Откуда приходит слово.— Литературная газета, 1982, 28 июля).

Сейчас трудно сказать, когда глагол *задействовать* окончательно приобретет права литературного гражданства и станет нейтральным общеупотребительным словом. Но уже сегодня нет никаких оснований рассматривать его как некое «сорное» образование, которое необходимо устранить из языка.

С. И. Виноградов

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 2. Канон. 4. По вертикали: 1. Основа. 2. Кашковский. 7. «Фауст». 8. «Анюта». 3. Некрасов. 5. Зарема. 6. 11. Каренин. 12. Омелько. 13. «Тамара». Ателье. 9. Таганрог. 10. Скрижаль. 14. 17. Мценск. 18. «Теремок». 19. Гарин. Алтын. 15. «Город». 16. Камка. 17. Ма- 22. Тверь. 27. Гудок. 28. Нилин. кет. 20. «Аргус». 21. «Индиана». 23. 29. Сваха. 30. Жанна. 31. Корин. 32. «Валенки». 24. Рында. 25. Аксаков. Сабо. 33. Ирис. 34. Вицин. 26. Княжнин.

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, Р. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Зав. редакцией Т. С. Колмакова

Художественный редактор Т. А. Михайлова

Корректоры В. В. Беллев, О. В. Павлова

Сдано в набор 12.04.83. Подписано к печати 06.05.83 Т-09940
Формат бумаги 84×108¹/₂. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4
Усл. кр.-отт. 484,8 тыс. Уч.-изд. л. 10,0 Бум. л. 2,5 Тираж 56306 Заказ 2684

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10